

Краснодарский университет МВД России

К. В. Вишневецкий
Н. Ш. Козаев

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Краснодар
2022

УДК 343.9
ББК 67
В55

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

С. В. Иванцов, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Е. С. Стешич, доктор юридических наук, доцент (Ростовский юридический институт МВД России).

Вишневецкий К. В.

В55 Особенности реализации уголовной политики в Южном федеральном округе / К. В. Вишневецкий, Н. Ш. Козаев. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. – 154 с.

ISBN 978-5-9266-1858-4

Анализируется современное состояние криминальной ситуации на территории Южного федерального округа. Раскрывается региональная специфика реализации уголовной политики в субъектах Южного федерального округа. Предлагаются меры по совершенствованию реализации уголовной политики в части предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений, повышения качества научно-методического обеспечения деятельности органов охраны правопорядка.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343.9
ББК 67

ISBN 978-5-9266-1858-4

© Краснодарский университет
МВД России, 2022

© Вишневецкий К. В., Козаев Н. Ш., 2022

Введение

Актуальность изучения вопросов, связанных с реализацией уголовной политики, предопределяется, прежде всего, тем, что преступность представляет угрозу не только отдельно взятым гражданам, экономике и другим общественным институтам, но и при определенных условиях – существованию самого государства.

Анализ современного состояния социально-экономической и политической ситуации в России и в мире показывает, что угрозы национальной безопасности¹ не только не утрачивают актуальности, а наоборот, усиливаются, становятся более очевидными и масштабными, приобретают негативные тенденции. Эти угрозы достаточно разнообразны и могут возникать во многих областях, например, в сфере государственно-властных полномочий, в социально-экономических отношениях, образовании, культуре, науке и т. п.² Немаловажными в этом плане являются криминальные угрозы, связанные с таким социальным явлением, как преступность.

Постоянно меняются количественные и качественные показатели преступности. В настоящее время наибольшую обеспокоенность вызывает международный характер особо опасных видов

¹ Кардашова И.Б. К вопросу о понятии угрозы национальной безопасности Российской Федерации и оценке ее уровня // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в особых условиях: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2007. С. 56.

² Демин И.В. Угрозы общественной опасности России на современном этапе // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в особых условиях: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 45.

преступной деятельности, в первую очередь всевозможных проявлений экстремизма и терроризма.

Южный федеральный округ, в сравнении с другими субъектами Российской Федерации, значительно больше подвержен данным угрозам, что объясняется спецификой его геополитического положения в сочетании со сложной международной обстановкой, а также рядом внутренних особенностей (многонациональный состав населения, высокий уровень миграционных процессов, территориальная близость к субъектам с неблагоприятной криминогенной ситуацией и т. д.).

Прежде чем перейти к анализу актуальных проблем реализации уголовной политики в Южном федеральном округе, обратимся к соответствующему понятийному аппарату. Термин «уголовная политика» не является устоявшимся. В отечественной юридической науке представлены достаточно разнообразные дефиниции анализируемого понятия, так как изучением данной проблемы занимается множество специалистов.

И.А. Исмаилов считает, что уголовной политикой является «направление деятельности государства, осуществляемой на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации конкретных решений и имеющей основным назначением определение и проведение в жизнь задач, форм и содержания, целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами»¹.

По мнению С.С. Босхолова, в понятие «уголовная политика» включаются: «1) государственная политика (доктрина) борьбы с преступностью, выраженная в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента, постановлениях правительства); 2) научная теория и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятель-

¹ Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). Баку, 1990. С. 124.

ности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям»¹.

Э.И. Звечаровский предлагает следующее определение рассматриваемого термина: «Уголовная политика – это выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности специально уполномоченных на то государственных органов и организаций по охране прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом от преступных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового характера к лицам, их совершившим, а также посредством предупреждения преступлений при помощи правового воспитания, угрозы применения уголовного наказания и мер профилактики индивидуального и специально-криминологического характера»².

В.П. Ревин рассматривает уголовную политику как «целенаправленную активную деятельность государства по защите общества от преступности, разработку и реализацию оптимальной стратегии, призванную обеспечить достижение цели стабилизации и ограничения уровня преступности, создания предпосылок позитивных тенденций преступности»³.

Точка зрения Г.Ю. Лесникова представлена в следующем определении: «Уголовная политика – это система принципов, политических и политико-правовых предписаний, правовых и иных социальных норм антикриминального цикла, программ ресоциализации преступников, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по предупреждению и борьбе с преступностью, безопасности личности, общества и государства»⁴.

Несмотря на различные формулировки, ученые рассматривают уголовную политику как одно из направлений деятельности государства, связанной с воздействием на преступность. Уголовная политика, являясь элементом внутренней политики государства,

¹ Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999. С. 32.

² Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 74.

³ Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учеб. / под ред. Л.И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 7.

⁴ Лесников Г.Ю. Проблемы реализации уголовной политики. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2005. С. 14.

выполняет функцию выработки и реализации тактики и стратегии противодействия преступности с использованием социально-экономических, законодательных, организационно-управленческих и иных мер.

Уголовную политику не следует смешивать с уголовно-правовой¹; сущность последней заключается в деятельности государства по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики с целью противодействия преступности. В данном случае уголовно-правовую политику можно рассматривать как составляющую уголовной.

Основополагающие нормы, на которых строится деятельность по реализации уголовной политики, содержатся в Конституции Российской Федерации², а конкретизирующие – в нормах уголовного³, уголовно-процессуального⁴ и уголовно-исполнительного права⁵. При этом возможно обращение к другим отраслям права, например, если объектом уголовно-правовой охраны являются гражданские, семейные, трудовые, финансовые, экологические и прочие отношения. То есть уголовно-правовую политику можно рассматривать как базис уголовной, а правовую и уголовную – как целое и часть⁶.

В настоящее время надежды на успешное противодействие криминальным явлениям и процессам связывают с совершенствованием уголовно-политического регулирования, включающего различные меры по обеспечению правового порядка и правовой безопасности, противодействию всевозможным проявлениям преступности, ее предупреждению и профилактике, охране

¹ См., напр.: Клейменов М.П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4(21). С. 27–29.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ (в ред. от 08.06.2020). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 168.

безопасности личности. Для достижения этих целей необходимы тщательное изучение механизмов уголовной политики, оценка перспектив их применения с учетом современного состояния социальной, экономической и политической ситуации. При этом обязательным и неотъемлемым атрибутом реализации уголовной политики является выработка тактики и стратегии в сфере противодействия преступности с учетом возможного изменения оперативной обстановки, появления новых криминогенных факторов. Авторы, занимающиеся изучением рассматриваемой проблемы, выделяют две основных составляющих содержания уголовной политики: предупредительную деятельность и уголовно-правовую борьбу¹.

Изучение различных точек зрения на понятие и сущность уголовной политики Российской Федерации позволяет выделить основные элементы ее содержания, к числу которых следует отнести:

- 1) защиту конституционного строя;
- 2) обеспечение надежной защиты прав и свобод граждан, правовую охрану их жизни, здоровья, имущества;
- 3) выявление причин и условий преступности, адекватное реагирование на них;
- 4) сокращение социальной базы преступности;
- 5) защиту экономики от преступных посягательств с целью обеспечения экономической безопасности государства;
- 6) активизацию борьбы с коррупцией;
- 7) локализацию деятельности организованных преступных формирований и профессиональных преступников;
- 8) улучшение качества противодействия (предупреждение, раскрытие, расследование) отдельным видам преступлений и группам преступности (посягательства на личность, собственность, преступность несовершеннолетних и т. п.);
- 9) сдерживание уровня рецидива, криминальной повторности и ресоциализацию лиц, ранее совершивших уголовно наказуемые деяния;

¹ Стахов Я.Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации. М., 2003. С. 52.

10) противодействие различным проявлениям экстремизма и террористическим угрозам;

11) борьбу с транснациональной преступностью, роль и значение которой в настоящее время актуализируется в связи с процессами глобализации;

12) профилактическую работу в отношении потенциальных жертв преступлений;

13) планирование тактики и стратегии борьбы с преступностью с учетом возможных перспектив развития криминогенной ситуации.

Существует два уровня реализации уголовной политики:

1. Федеральный, в масштабах всего государства.

2. Региональный, на территории отдельно взятого субъекта Российской Федерации. Однако этот уровень может реализовываться по схожим принципам в нескольких различных административно-территориальных образованиях, близких по криминологическим характеристикам (например, в Южном федеральном округе).

Глава 1. Оценка состояния криминальной ситуации на территории Южного федерального округа

Вполне очевидно, что тактика и стратегия реализации уголовной политики в каком-либо регионе базируются на складывающейся в рамках его территории криминальной ситуации, являясь фундаментом, на котором строятся основные меры, реализуемые в данном направлении. Кроме того, показатели состояния преступности выступают в качестве одного из критериев эффективности уголовной политики.

В связи с этим считаем целесообразным охарактеризовать состояние преступности на территории субъектов, входящих в состав Южного федерального округа, по четырем основным направлениям: уровень, динамика, структура преступности и социально-криминологическая характеристика лиц, совершающих уголовно наказуемые деяния¹.

1.1. Уровень преступности

Уровень (коэффициент) преступности представляет собой относительный показатель, отражающий число зарегистрированных преступлений в каком-либо административно-территориальном образовании в зависимости от количества проживающего на его территории населения².

Анализ соответствующих данных на федеральном и региональном уровне позволяет утверждать, что показатели преступности в Южном федеральном округе несколько ниже, чем в среднем по России. По результатам 2020 г. в Южном федеральном округе зарегистрировано 1 353 преступления на 100 тыс. человек, а в Российской Федерации – 1 393.

По сравнению с показателями других федеральных округов, уровень преступности Южного федерального округа является

¹ За основу взяты данные уголовной статистики о состоянии преступности за 2020 г.

² См., напр.: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., пер. и доп. М.: Норма, 2005. С. 104.

относительно небольшим. Показатели ниже указанного имеют Северо-Кавказский (751) и Центральный федеральные округа (1 171). Показатель Приволжского федерального округа соответствует аналогичным значениям Южного; в Северо-Западном федеральном округе он составляет 1 449, в Уральском – 1 544, в Сибирском – 1 759, в Дальневосточном – 1 848 (рис. 1). Более подробные характеристики уровня преступности по федеральным округам Российской Федерации приведены в прил. 6.

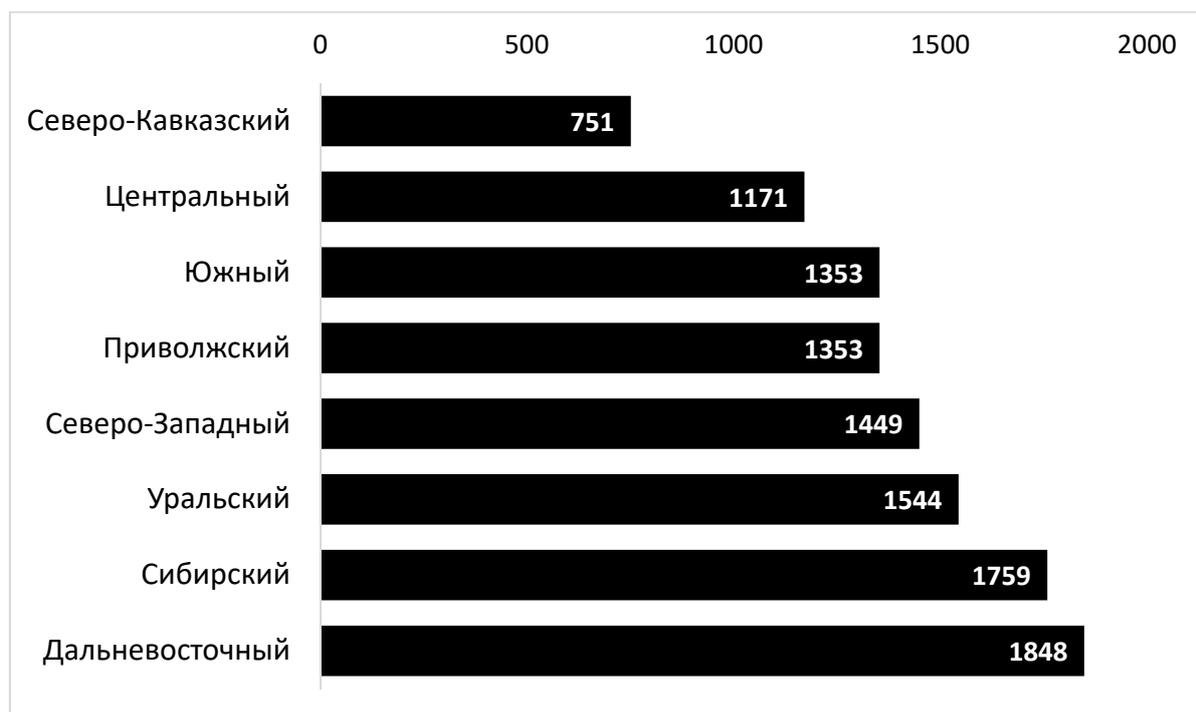

Рис. 1. Уровень преступности по федеральным округам Российской Федерации в 2020 г. (на 100 тыс. человек)

Субъекты Южного федерального округа можно подразделить на три основные группы:

1. С уровнем преступности выше федерального значения (Волгоградская область, имеющая наибольший показатель коэффициента преступности [1 553], и Ростовская область [1 471]).

2. С уровнем преступности несколько ниже аналогичного показателя в среднем по России (Астраханская область [1 398], г. Севастополь [1 359], Краснодарский край [1 295]).

3. С уровнем преступности значительно ниже общероссийского (Республика Крым [1 134], Республика Калмыкия [1 057] и Республика Адыгея [890]).

Графические сравнительные данные представлены на рис. 2.

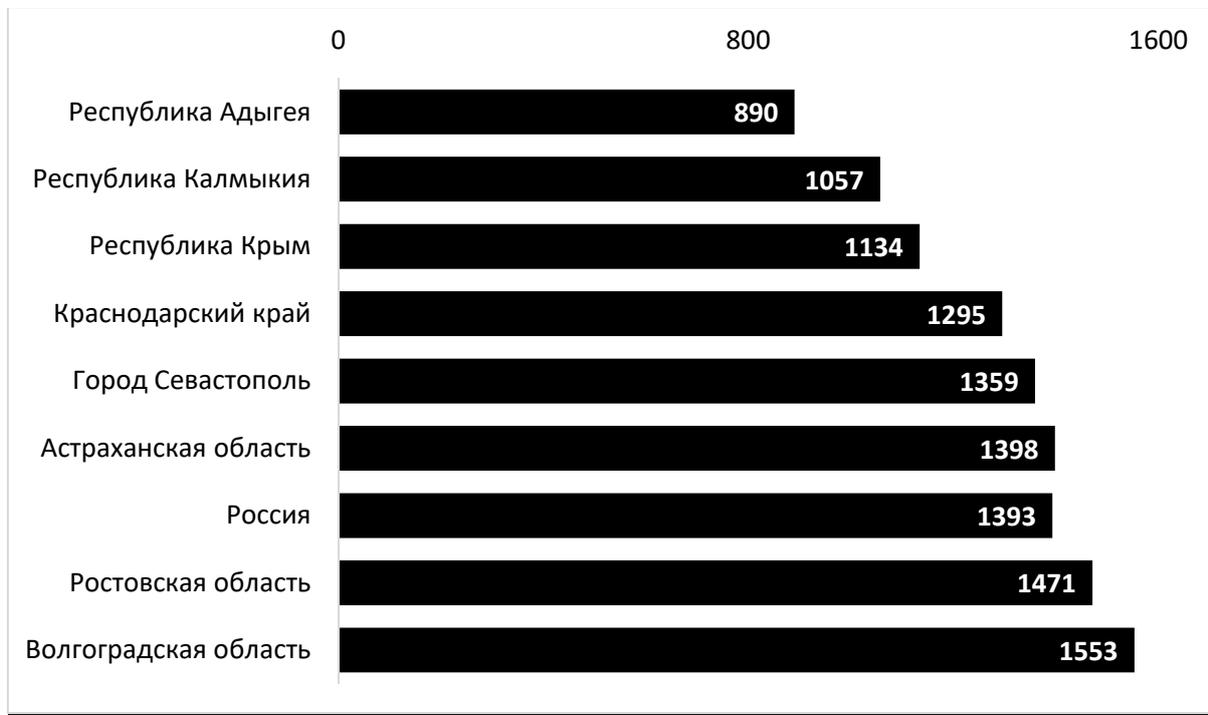

Рис. 2. Уровень преступности в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г. (на 100 тыс. человек)

Отличительной чертой Южного федерального округа является то, что ни один его субъект не имеет показателя уровня преступности по тяжким и особо тяжким преступлениям выше, чем в среднем по России. Ранжированный ряд административно-территориальных образований в порядке возрастания при этом следующий:

- Республика Адыгея – 221;
- Республика Крым – 253;
- Республика Калмыкия – 270;
- Краснодарский край – 281;
- г. Севастополь – 330;
- Астраханская область – 352;
- Ростовская область – 355;
- Волгоградская область – 381.

Уровень преступлений небольшой и средней тяжести в Южном федеральном округе, напротив, является относительно высоким (в целом по Российской Федерации этот показатель равен 1 009; в ЮФО – 1 038). Ранжированный ряд административно-территориальных образований в порядке уменьшения следующий:

Волгоградская область – 1 162;

Ростовская область – 1 114;

г. Севастополь – 1 047;

Астраханская область – 1 034;

Краснодарский край – 1 020;

Республика Крым – 881;

Республика Калмыкия – 781;

Республика Адыгея – 686.

Для объяснения региональной специфики уровня преступности отметим, что согласно общему правилу, основным видом преступлений, формирующим общий количественный массив правонарушений, являются кражи чужого имущества. В настоящее время их удельный вес в общей структуре преступности в целом по России составляет почти 40%.

Помимо этого, необходимо обратить внимание на такой демографический показатель, как доля городского населения (в целом по России он равен 75%). В то же время в большинстве субъектов Южного федерального округа данный показатель меньше. Наиболее значительное число городских жителей, превышающее среднероссийский показатель, наблюдается в г. федерального значения Севастополе (94%), Волгоградской (77%) и Ростовской областях (68%), а наименьшее – в Республике Калмыкия (46%) и Республике Адыгея (47%). В Республике Крым анализируемый показатель составляет 51%, в Краснодарском крае – 56%, в Астраханской области – 67%.

Примечательно, что в большинстве случаев рассматриваемый показатель коррелирует с уровнем преступности, что особенно отчетливо прослеживается на примере Волгоградской и Ростовской областей, характеризующихся наибольшим значением как численности городского населения, так и уровня преступности, а также Республики Адыгея и Республики Калмыкия,

где аналогичные индикаторы самые низкие. Третьим взаимосвязанным показателем является удельный вес краж чужого имущества в структуре всей преступности: самый высокий отмечен в Ростовской и Волгоградской областях (около 44%), а наиболее низкий – в Республике Калмыкия и Республике Адыгея (22% и 29% соответственно).

Обозначенные закономерности представляются вполне логичными. Как отмечалось, самое распространенное преступление в структуре всей преступности – это кража. Вполне естественно, что в городах, особенно крупных, условий для совершения таких преступлений и объектов этих посягательств относительно больше.

В субъектах с преобладающим городским населением отмечается наибольшее число преступлений, совершаемых в общественных местах и на улицах. В целом по России эти деяния занимают существенное место в структуре всей преступности (около 30%). В то же время в сельской местности гораздо меньше парков, скверов, культурных и увеселительных заведений, представительств органов государственной власти, торговых комплексов с большим скоплением людей и т. п., что объективно снижает возможности совершения подобного рода посягательств. Так, Республика Адыгея характеризуется наименьшим удельным весом преступлений, совершенных в общественных местах и на улицах, занимая вторую строчку снизу по России после Чеченской Республики (13%), в Волгоградской области данный показатель один из наибольших (35%). Вполне естественно, что такие факторы воздействуют и на коэффициент всей преступности.

Еще одним фактором, влияющим на региональную специфику уровня преступности в субъектах Южного федерального округа, выступает соотношение видов преступлений и групп преступности. Например, в Республике Адыгея и Республике Калмыкия регистрируется относительно большое количество преступлений, которых в других субъектах совершается значительно меньше. В частности, эти два административно-территориальных образования входят в число лидеров по наибольшему удельному весу преступлений экономической и коррупционной направленности, а Республика Калмыкия – по незаконному обороту оружия и наркопреступлениям. Изложенное позволяет утверждать, что

распространенные в большинстве других субъектов виды преступлений и группы преступности замещаются противоправными деяниями, по общему правилу совершаемыми в меньшем количестве, что также приводит к сокращению уровня преступности.

Уровень преступности тесно связан с проблемой ее латентности. Общеизвестно, что многие преступления либо не попадают в уголовную статистику в результате нарушений учетно-регистрационной дисциплины (укрытая преступность), либо не становятся известными правоохранным органам вообще¹.

Отдавая себе отчет в том, что латентная преступность – это самостоятельная проблема, которая должна изучаться обособленно, с применением специфических методик, значительно отличающихся от используемых при мониторинге зарегистрированной преступности, тем не менее, выдвинем гипотезу о том, что имеются основания полагать о наличии повышенного уровня латентности преступности в Южном федеральном округе.

Изложенное связано с тем, что в ряде субъектов, даже по данным официальной уголовной статистики, в структуре преступности высокий удельный вес имеют преступления, которые традиционно считаются высоколатентными. К таковым относятся, например, коррупционная и экономическая преступность, незаконный оборот оружия и наркотиков. Кроме того, ряд исследователей сходятся во мнении, что в субъектах, сформированных по национальному признаку, латентность преступности выше, объясняя это обычаями и традициями различных народностей, когда уголовно-правовые конфликты зачастую решаются самостоятельно, без привлечения правоохранных органов².

Уровень преступности в Южном федеральном округе достаточно стабилен, не подвержен существенным изменениям (рис. 3 и табл. 1).

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 84.

² См., напр.: Бышевский Ю.Ю., Федоренко С.А. Преступность на Северном Кавказе: состояние и тенденции. Ставрополь: АГРУС, 2015. С. 16–17.

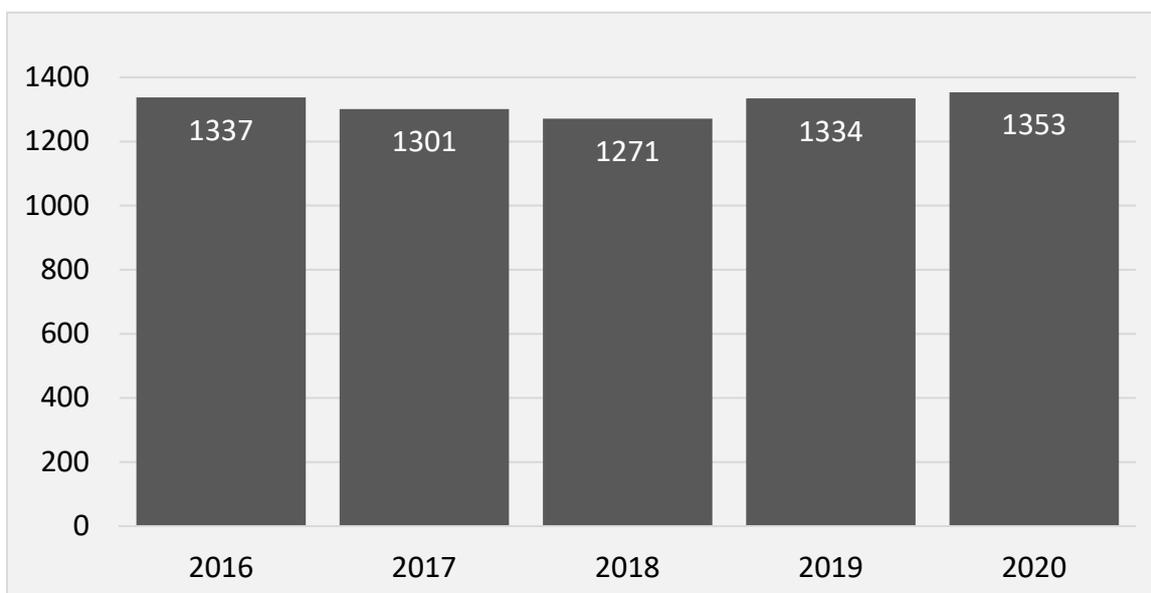

Рис. 3. Динамика уровня преступности в Южном федеральном округе с 2016 по 2020 г.

Таблица 1

Темпы изменения уровня преступности в России и субъектах Южного федерального округа с 2016 по 2020 г.¹

		2016	2017	2018	2019	2020	Средний
Россия	абс.	1474	1402	1356	1379	1393	
	+/-	-9,7	-4,9	-3,3	+1,7	+1,0	-3,0
Краснодарский край	абс.	1297	1215	1216	1267	1295	
	+/-	-7,9	-6,3	+0,1	+4,2	+2,2	-1,5
Астраханская область	абс.	1364	1318	1320	1293	1398	
	+/-	-6,4	-3,4	+0,2	-2,0	+8,1	-0,7
Волгоградская область	абс.	1522	1573	1529	1640	1553	
	+/-	-5,7	+3,4	-2,8	+7,3	-5,3	-0,6
Ростовская область	абс.	1362	1397	1314	1450	1471	
	+/-	-6,9	+2,6	-5,9	+10,4	+1,4	+0,3
Республика Адыгея	абс.	1028	885	906	1036	890	
	+/-	-7,9	-13,9	+2,4	+14,3	-14,1	-3,8
Республика Калмыкия	абс.	1059	1090	998	1026	1057	
	+/-	-5,2	+2,9	-8,4	+2,8	+3,0	-1,0
Республика Крым	абс.	1245	1135	1171	1097	1134	
	+/-	н.д.	-8,8	+3,2	-6,3	+3,4	-2,2
г. Севастополь	абс.	1370	1133	935	956	1359	
	+/-	н.д.	-17,3	-17,5	+2,2	+42,2	+2,4

¹ Данные о динамике уровня преступности по Республике Крым и г. Севастополю за 2016 г. не приводятся в связи с отсутствием соответствующей информации по 2015 г.

Как и в целом по Российской Федерации, тенденции в изменении уровня преступности в большинстве субъектов Южного федерального округа характеризуются преимущественно вялотекущим снижением. На федеральном уровне средний динамический показатель за 2016–2020 гг. снизился на 3%, по Краснодарскому краю – на 0,7%, по Волгоградской области – на 0,6%, по Республике Адыгея – на 3,8%, по Республике Калмыкия – на 1%, по Республике Крым – на 2,2%. Незначительный рост характерен для Ростовской области (+0,3%) и г. Севастополя (+2,4%)¹.

1.2. Динамика преступности

Прежде чем обратиться к динамике преступности на территории субъектов, входящих в Южный федеральный округ, отметим, что до 2006 г. в целом по России отмечался устойчивый рост количества совершаемых уголовно наказуемых деяний². С 2007 г. тенденция сменилась на противоположную, и до 2014 г. преступность стабильно снижалась, что привело к сокращению числа зарегистрированных преступлений почти в 2 раза. С 2015 г. динамический показатель является не совсем устойчивым, для него характерны периоды как прироста, так и снижения. При этом увеличение числа зарегистрированных преступлений отмечено в 2015 г. (+9%), 2019 г. (+1,6%) и 2020 г. (+1,8%), а сокращение – в 2016 г. (–9,6%), 2017 г. (–4,7%) и 2018 г. (–3,3%).

В связи с этим считаем целесообразным подвергнуть анализу период с 2015 по 2020 г. Кроме того, выбор этого временного промежутка обусловлен тем, что в 2014 г. в состав Российской Федерации были включены два новых субъекта (Республика Крым и г. Севастополь), входящие в настоящее время в состав Южного федерального округа.

¹ Динамика уровня преступности для Республики Крым и г. Севастополя приведена с учетом 2017–2020 гг.

² См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М.: Экзамен, 2007; Статистическая картина изменения общей распространенности преступности в 2000–2003 годах и оценки экспертов // Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 7.

С 2015 по 2020 г. на территории Южного федерального округа зарегистрировано 1 085 657 преступлений. При этом рост преступности происходил в 2015 г. (+15,5%), 2019 г. (+5,1) и 2020 г. (+1,5%), а ее сокращение – в 2016 г. (–8,1%), 2017 г. (–2,4%) и 2018 г. (–2,2%) (рис. 4 и табл. 2).

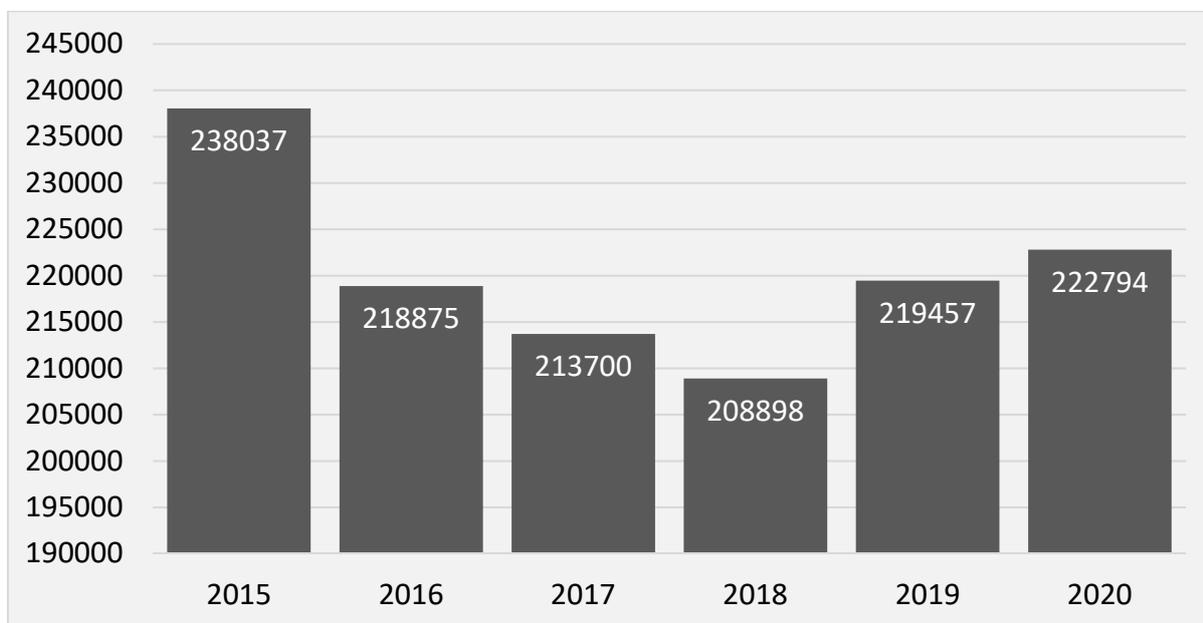

Рис. 4. Динамика количества зарегистрированных преступлений на территории в Южного федерального округа с 2015 по 2020 г.

Таблица 2

Динамика количества зарегистрированных преступлений в России и субъектах Южного федерального округа с 2015 по 2020 г.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Россия	9,0	–9,6	–4,7	–3,3	1,6	1,0	–1,0
Краснодарский край	8,8	–4,7	–5,4	0,7	5,1	2,7	1,2
Астраханская область	–6,5	–6,0	–3,3	0,0	–2,4	7,2	–1,8
Волгоградская область	14,5	–7,1	2,9	–3,4	6,7	–5,9	1,3
Ростовская область	15,1	–7,4	2,5	–6,2	9,8	1,4	2,5
Республика Адыгея	22,6	–6,4	–13,5	2,3	14,7	–12,4	1,2
Республика Калмыкия	9,6	–7,0	2,6	–9,2	1,7	2,5	0,0
Республика Крым	52,6	–14,7	–8,6	3,2	–6,4	3,4	4,9
г. Севастополь	45,1	–31,1	–14,8	–16,0	3,8	44,0	5,2
Южный федеральный округ	15,5	–8,1	–2,4	–2,2	5,1	1,5	1,6

Из приведенных данных видно, что общие тенденции динамики преступности федерального (Российская Федерация) и регионального (Южный федеральный округ) уровня в целом совпадают, но несколько отличаются степенью выраженности.

В 2015 г. Южный федеральный округ, в сравнении с общероссийскими показателями, выглядит негативно. При общем увеличении числа зарегистрированных преступлений в среднем по России на 9% рост аналогичного показателя Южного федерального округа оказался более значительным и составил 15,5%. Последующие три года статистического наблюдения динамики преступности не имеют выраженных отличий. В 2016 г. по Южному федеральному округу отмечено снижение индикатора на 8,1% (в РФ – на 9,6%), в 2017 г. – на 2,4% (в РФ – на 4,7%), в 2018 г. – на 2,2% (в РФ – на 3,3%). 2019 г. характеризуется ростом числа зарегистрированных преступлений как в целом по России, так и по Южному федеральному округу, однако во втором случае он оказался более выраженным (в РФ – +1,6%, в ЮФО – +5,1%). Результаты 2020 г. по двум исследуемым показателям почти не отличаются (в РФ – +1,0%, в ЮФО – +1,5%).

В соответствии с общим суммарным показателем динамики преступности с 2015 по 2020 г. в России преобладала незначительная тенденция снижения со среднегодовой интенсивностью на 1,0%, а в Южном федеральном округе отмечался малозначительный рост на 1,6%.

Рассмотрим динамику числа зарегистрированных преступлений по субъектам Южного федерального округа подробнее.

Наиболее выраженные темпы прироста числа зарегистрированных преступлений, значительно отличающиеся как от среднероссийских, так и от общих региональных тенденций, наблюдаются в Республике Крым (+4,9%) и г. Севастополе (+5,2%). Следует отметить, что такая картина в какой-то мере является закономерной. До 2014 г. эти административно-территориальные единицы находились в составе другого государства. При этом вполне естественно, что последовавшие за включением их в состав Российской Федерации изменения законодательства и адаптация правоохранительной деятельности к новым условиям могли повлечь рост преступности. Аналогично можно объяснить и нестабильность показателей динамики в виде значительных колебаний

абсолютных величин числа зарегистрированных преступлений в различные временные периоды, характерные для Республики Крым и г. Севастополя.

К следующей группе субъектов Южного федерального округа относятся те, в которых отмечено умеренное преобладание тенденций роста преступности. Это Ростовская область, где среднегодовая интенсивность колебаний числа регистрируемых преступлений за 2015–2020 гг. составила +2,5%, Волгоградская область (+1,3%), Краснодарский край и Республика Адыгея (+1,2%). При этом аналогичный показатель по Республике Калмыкия оценивается как неизменный (средний показатель 0%), а по Астраханской области как отрицательный, где общая динамика преступности рассматриваемого периода составила минус 1,8%.

Несколько иной является ситуация, связанная с динамикой тяжких и особо тяжких преступлений, как в целом по России, так и в Южном федеральном округе (табл. 3).

Таблица 3

Динамика количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений в России и субъектах Южного федерального округа с 2015 по 2020 г.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Россия	-2,2	-11,9	-4,5	2,5	10,2	14,0	1,4
Краснодарский край	2,7	-2,2	-3,5	8,2	5,4	7,5	3,0
Астраханская область	-10,7	-5,8	-12,6	17,9	2,2	28,2	3,2
Волгоградская область	6,2	-15,2	-4,4	0,9	41,1	4,7	5,6
Ростовская область	-0,3	-10,9	5,1	-6,9	18,4	15,7	3,5
Республика Адыгея	22,6	-17,0	-5,6	4,5	34,4	-9,0	5,0
Республика Калмыкия	-0,2	-7,3	0,0	-9,4	19,6	16,2	3,2
Республика Крым	23,1	-14,7	-2,8	-1,2	-11,5	20,1	2,2
г. Севастополь	21,3	-32,5	1,7	-20,2	6,5	43,4	3,4
Южный федеральный округ	4,5	-10,1	-1,7	1,0	13,2	12,1	3,2

В отличие от среднероссийской картины общей преступности, в динамике тяжких и особо тяжких преступлений за анализируемый период 2015–2020 гг. преобладает тенденция не снижения, а роста. Не является в этом плане исключением и Южный

федеральный округ. При этом интенсивность роста тяжкой преступности в регионе более выражена, чем в среднем по России.

Сокращение анализируемой группы преступлений в целом по России характерно для 2015–2017 гг. (на 2,2%, 11,9% и 4,5%), а увеличение – для периода последующих 3 лет (на 2,5%, 10,2% и 14%).

В Южном федеральном округе вектор динамики преступности не всегда совпадает с общероссийским. Так, в 2015 г. на фоне снижения количества зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений по России на 2,2% в регионе отмечен их рост на 4,5%. Однако преимущественно тенденции являются общими.

Наибольшие темпы увеличения преступности демонстрируют Волгоградская область и Республика Адыгея, где средний прирост составил 5,6% и 5,0% соответственно. В остальных субъектах Южного федерального округа положительная динамика выражена не столь значительно, однако везде отмечены интенсивные показатели роста (в сравнении с таковыми по Российской Федерации). В зависимости от того или иного административно-территориального образования показатель динамики роста тяжких преступлений варьируется в пределах 2,2–3,5%, составляя в среднем 3,2%, что на 1,8% выше федерального уровня.

Необходимо обратить внимание на темпы изменения показателей предварительно расследованных (раскрытых) преступлений, что позволит дать оценку уголовно наказуемым деяниям с учетом отдельных категорий граждан, совершающих криминальные посягательства (рис. 5 и табл. 4).

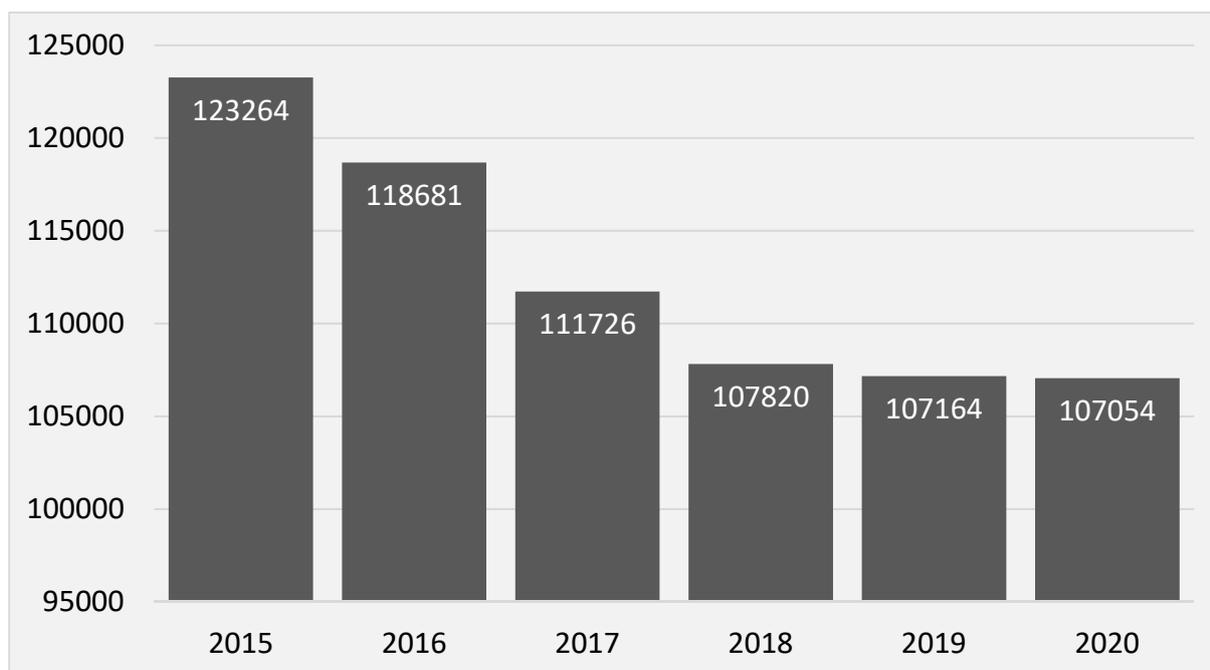

Рис. 5. Динамика количества предварительно расследованных преступлений в Южном федеральном округе с 2015 по 2020 г.

Таблица 4

Динамика количества предварительно расследованных преступлений в России и субъектах Южного федерального округа с 2015 по 2020 г.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Россия	5,9	-5,2	-6,0	-2,7	-3,3	-1,9	-2,2
Краснодарский край	9,5	-3,6	-4,1	-5,1	-2,7	1,4	-0,8
Астраханская область	2,4	-8,7	-12,5	6,4	-1,5	-3,9	-2,9
Волгоградская область	11,1	-8,6	-10,2	-8,9	3,7	1,5	-1,9
Ростовская область	16,0	-1,4	-3,2	0,4	-0,3	-6,7	0,8
Республика Адыгея	15,0	-12,9	-0,9	-9,8	17,0	-1,7	1,1
Республика Калмыкия	10,7	-4,5	1,5	-3,3	-1,6	-1,7	0,2
Республика Крым	87,1	-3,2	-1,4	-4,5	-2,6	10,5	14,3
г. Севастополь	86,8	37,8	-27,7	-8,3	-8,1	14,0	15,7
Южный федеральный округ	17,1	-3,7	-5,9	-3,5	-0,6	-0,1	0,6

2015–2020 гг. в среднем по России характеризовались небольшим снижением количества предварительно расследованных преступлений (2,2%). В то же время в Южном федеральном округе отмечен их незначительный прирост (0,6%).

Приведенные различия обусловлены, прежде всего, показателями 2015 г., когда на территории субъектов, входящих в Южный федеральный округ, было зафиксировано увеличение рассматриваемой группы преступлений, превышающее соответствующие общероссийские показатели почти в 3 раза (РФ – 5,9%; ЮФО – 17,1%). В дальнейшем тенденции в динамике раскрытых преступлений на региональном и федеральном уровне не имеют явно выраженных значимых отличий.

В отличие от зарегистрированных преступлений, предварительно расследованные деяния за 2016–2020 гг. не имеют промежутков вектора в форме прироста.

На региональном уровне в большинстве административно-территориальных образований отмечалось увеличение числа предварительно расследованных преступлений; в трех из них незначительное: в Республике Калмыкия (+0,2%), Ростовской области (+0,8%), Республике Адыгея (+1,1%); в Республике Крым и г. Севастополе, наоборот, весьма внушительное (14,3% и 15,7% соответственно), что обусловлено статистическими показателями 2015 и 2020 гг.

К субъектам региона с преобладающей тенденцией сокращения числа предварительно расследованных преступлений относятся Астраханская область (–2,9%), Волгоградская область (–1,9%) и Краснодарский край (–0,8%).

Динамика преступности оценивается также по количеству лиц, установленных правоохранительными органами за совершение уголовно наказуемых деяний. Соответствующие показатели приведены на рис. 6 и в табл. 5.

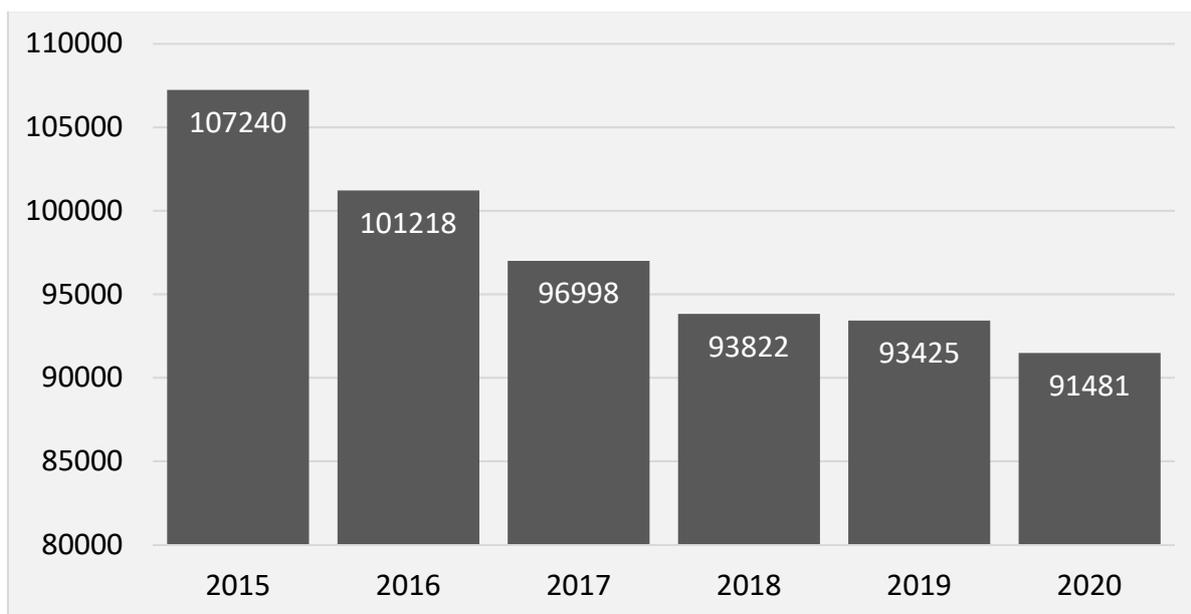

Рис. 6. Динамика числа лиц, установленных за совершение преступлений, в Южном федеральном округе с 2015 по 2020 г.

Таблица 5

Динамика числа лиц, установленных за совершение преступлений, в России и субъектах Южного федерального округа с 2015 по 2020 г.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Россия	6,9	-5,5	-4,8	-3,7	-5,0	-3,6	-2,6
Краснодарский край	5,6	-3,9	-3,7	-7,0	-3,3	-0,8	-2,2
Астраханская область	3,7	-10,8	-11,4	2,3	-1,5	-5,3	-3,8
Волгоградская область	10,7	-9,8	-7,8	-3,8	-0,8	0,0	-1,9
Ростовская область	19,0	-2,9	-4,1	0,4	3,4	-8,3	1,2
Республика Адыгея	15,6	-20,7	-1,1	-4,3	5,6	-4,8	-1,6
Республика Калмыкия	7,6	-7,7	0,1	-3,1	-3,0	-3,8	-1,6
Республика Крым	105,9	-3,0	5,7	-3,5	1,2	7,0	18,9
г. Севастополь	126,9	6,6	-3,7	-5,7	-8,9	18,6	22,3
Южный федеральный округ	16,4	-5,6	-4,2	-3,3	-0,4	-2,1	0,1

Тенденции выявляемости лиц, совершивших противоправные деяния, в среднем по России и Южному федеральному округу несколько отличаются. Если на федеральном уровне среднегодовой показатель динамики рассматриваемой категории преступлений 2015–2020 гг. равен -2,6%, то по Южному федеральному округу он находится на нулевой отметке.

Более детальный анализ показывает, что за указанный период число лиц, совершивших преступления, сокращалось, за исключением 2015 г. В 2015 г. прирост был настолько выраженным, что общая среднегодовая динамика оказалась нулевой. Рост преступности в ЮФО в 2015 г. опережал среднероссийский более чем в 2 раза (РФ – 6,9%; ЮФО – 16,4%).

При этом в большинстве субъектов Южного федерального округа, как и в целом по России, преобладала тенденция сокращения числа лиц, установленных за совершение преступлений. В Астраханской области данный показатель составил 3,8%, в Краснодарском крае – 2,2%, в республиках Адыгея и Калмыкия – 1,6%; незначительный рост отмечен в Ростовской области (+1,2%), весьма существенный – в Республике Крым и г. Севастополе (18,9 и 22,3% соответственно).

1.3. Структура преступности

Изучение структурных характеристик преступности в Южном федеральном округе целесообразно начать с дифференциации уголовно наказуемых деяний по степени тяжести, поскольку именно она определяет общественную опасность преступления, являясь его обязательным признаком.

В настоящее время в среднем по России удельный вес *особо тяжких преступлений* составляет 5,4%. В Южном федеральном округе этот показатель несколько ниже – 3,9%. Среди субъектов рассматриваемого федерального округа превышение показателя федерального значения зарегистрировано по г. Севастополю (6,9%), по остальным административно-территориальным образованиям региона он меньше: Волгоградская область – 2,8%, Республика Калмыкия – 3,1%, Краснодарский край – 3,4%, Республика Адыгея и Республика Крым – 4%, Ростовская область – 4,4%, Астраханская область – 5,3% (рис. 7).

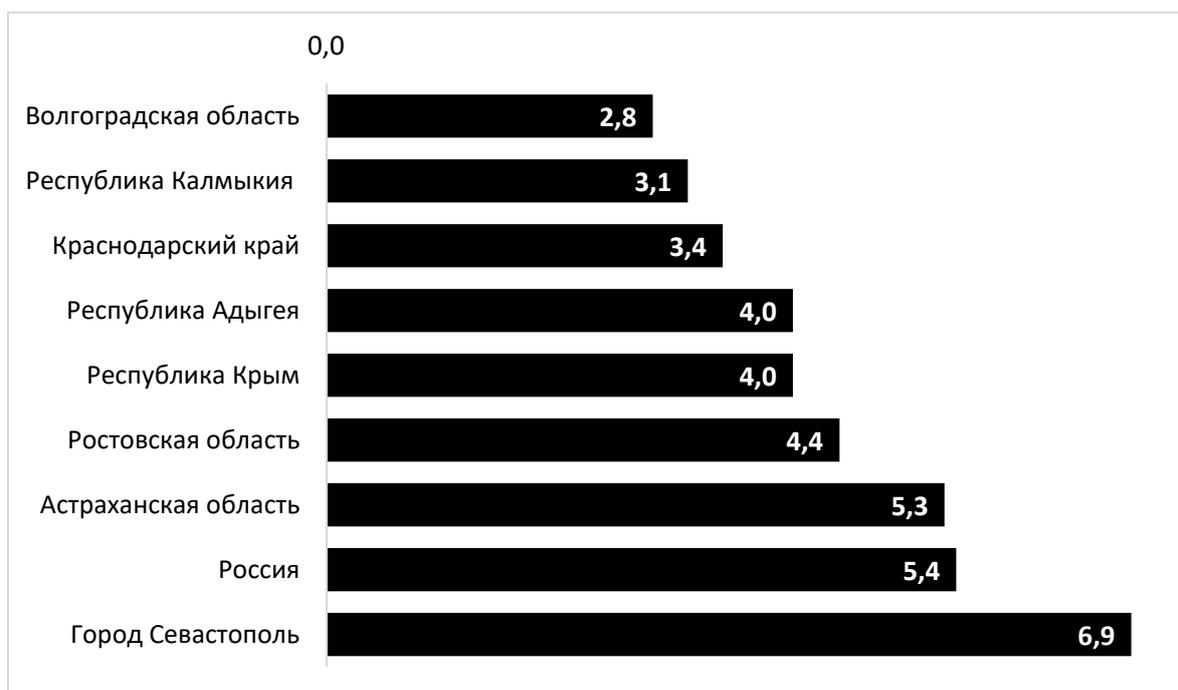

Рис. 7. Удельный вес особо тяжких преступлений в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Схожая ситуация складывается с *тяжкими преступлениями*. Среднероссийский удельный вес этих посягательств – 22,2%, аналогичный показатель по Южному федеральному округу составляет 19,5%. При этом наиболее высоким, незначительно превышающим общий федеральный индикатор, он является в Республике Калмыкия (22,6%). В Волгоградской области он находится на отметке 21,8%, в Республике Адыгея – 20,3%, в Астраханской области – 20,1%, в Ростовской области – 19,8%, в Республике Крым – 18,3%, в Краснодарском крае – 18,2%, в г. Севастополе – 17,1% (рис. 8).

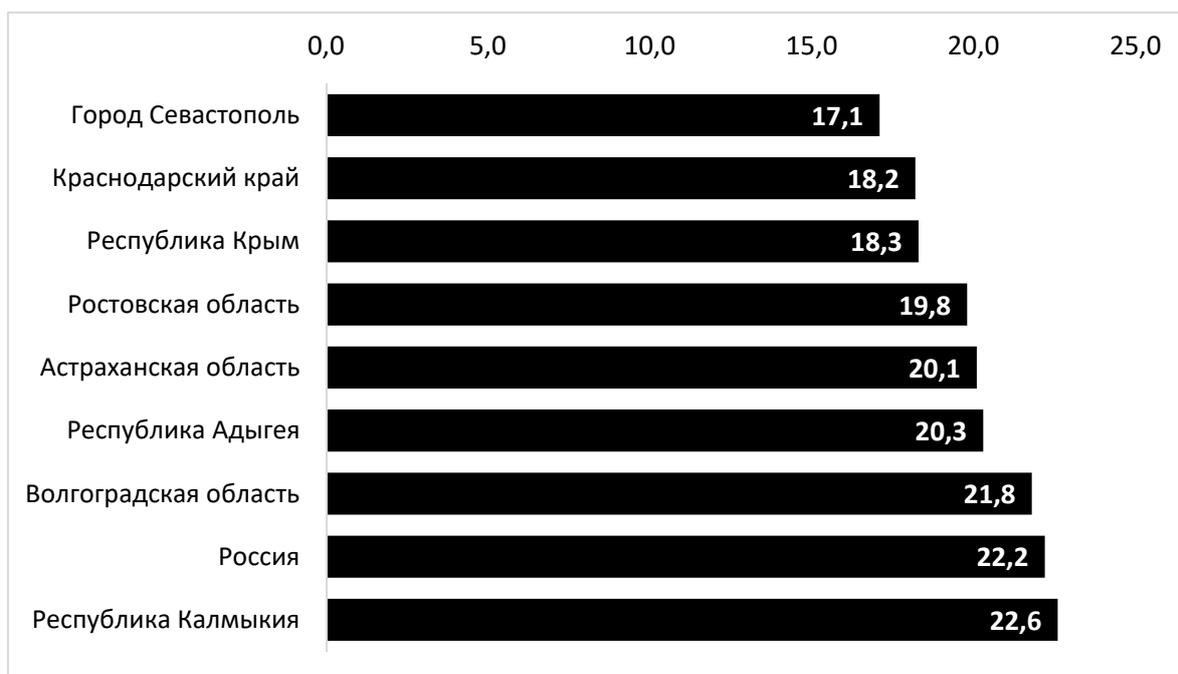

Рис. 8. Удельный вес тяжких преступлений в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Обозначенная картина с тяжкими и особо тяжкими преступлениями в регионе может быть оценена положительно. Вместе с тем, как отмечалось, все субъекты Южного федерального округа имеют более высокие темпы прироста тяжких и особо тяжких преступлений, в связи с чем ситуация в рассматриваемом направлении представляется не совсем однозначной.

Структурно-долевой уровень *преступлений средней тяжести* в России в настоящее время составляет 31,1%, в Южном федеральном округе – 39,9%. Показатели, превышающие среднероссийское значение, имеют Краснодарский край (43,5%), Ростовская область (42,5%), Республика Адыгея (38,5%), Волгоградская область (37,8%), г. Севастополь (36,4%), Республика Крым (33,3%). Лишь в Астраханской области и Республике Калмыкия удельный вес преступлений средней тяжести ниже аналогичного федерального значения (30,8% и 22% соответственно) (рис. 9).

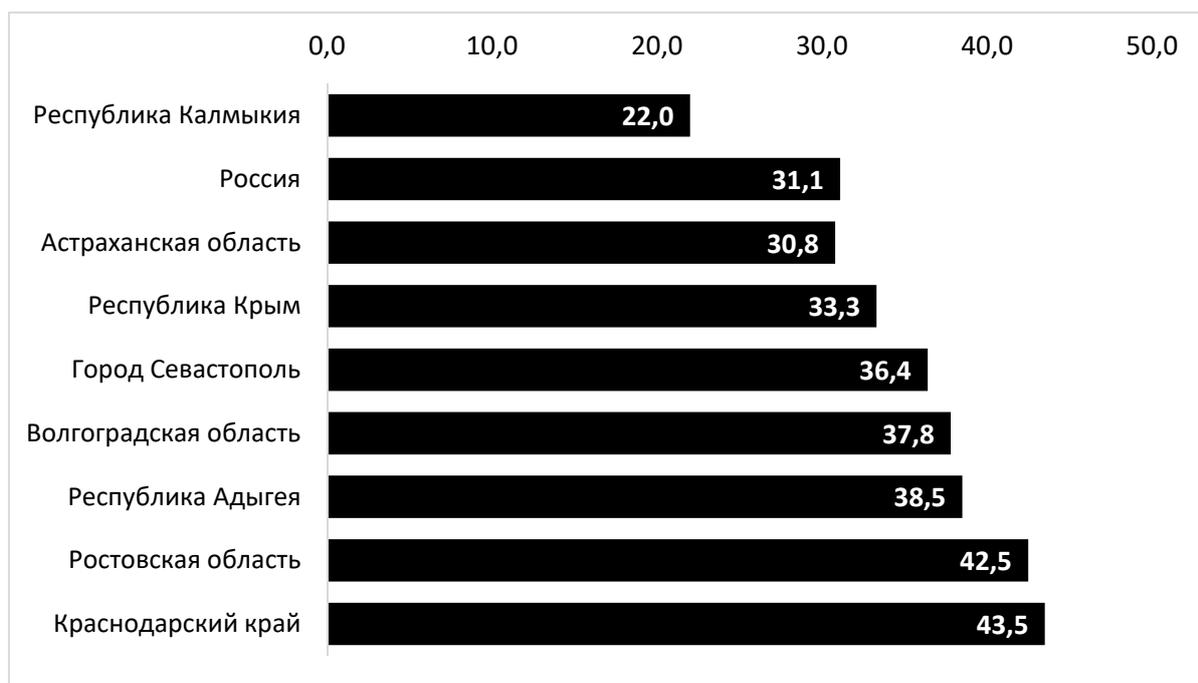

Рис. 9. Удельный вес преступлений средней тяжести в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Наибольшим по относительному количеству является удельный вес *преступлений небольшой тяжести*. В среднем по России он составляет 41,4%. Еще выше он в Республике Калмыкия (52,3%), Республике Крым (44,4%) и Астраханской области (43,8%). К субъектам Южного федерального округа, имеющим долю преступлений небольшой тяжести ниже среднероссийского уровня, относятся г. Севастополь (39,7%), Волгоградская область (37,5%), Республика Адыгея (37,2%), Краснодарский край (34,9%), Ростовская область (33,3%) (рис. 10).

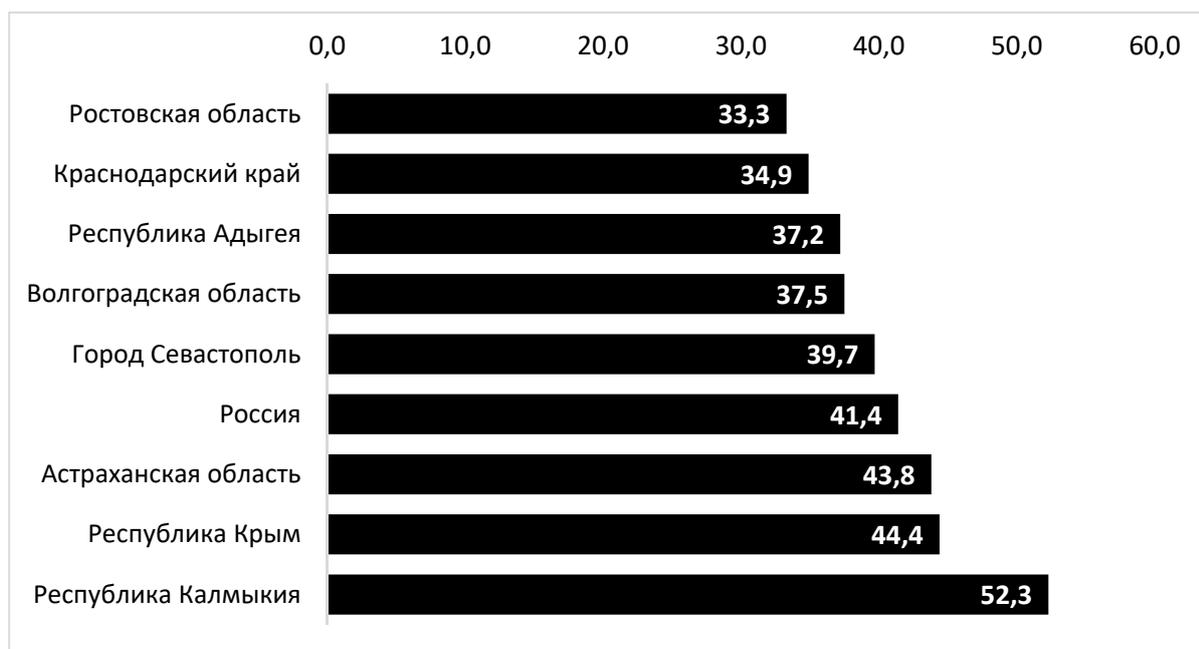

Рис. 10. Удельный вес преступлений небольшой тяжести в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Среди уголовно наказуемых посягательств, обладающих наибольшей степенью общественной опасности, первостепенное место занимают *преступления против личности*.

Современное состояние рассматриваемой группы преступности характеризуется тенденцией к сокращению. С 2016 по 2020 г. в среднем по России их уровень в расчете на 100 тыс. человек сократился с 55,6 до 44,3%, по Южному федеральному округу – с 41,8 до 35% (табл. 6).

*Коэффициенты преступлений против личности
(на 100 тыс. человек) в России и субъектах
Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	55,6	51,0	49,2	46,5	44,3
Краснодарский край	43,9	39,9	38,5	36,9	31,3
Астраханская область	35,3	34,2	38,9	40,8	42,3
Волгоградская область	44,2	44,5	41,1	41,6	38,0
Ростовская область	39,0	38,7	35,8	32,1	32,9
Республика Адыгея	44,1	36,8	40,8	35,2	34,6
Республика Калмыкия	52,7	49,7	44,3	42,9	39,5
Республика Крым	39,7	31,3	37,0	33,6	37,0
г. Севастополь	44,7	37,8	33,9	43,3	57,0
Южный федеральный округ	41,8	39,0	38,1	36,5	35,0

Коэффициент преступлений против личности во всех субъектах Южного Федерального округа, за исключением г. Севастополя, ниже среднероссийского уровня. Наименьшим он является в Краснодарском крае (31%), Ростовской области (33%), Республике Адыгея (35%). Индикаторы, превышающие среднее значение по региону в 35%, имеют Республика Крым (37%), Волгоградская область (38%), Республика Калмыкия (40%), Астраханская область (42%), г. Севастополь (57%).

В настоящее время в целом по России удельный вес *убийств*¹ в общей структуре преступности составляет 0,4%. По Южному федеральному округу этот показатель незначительно ниже – 0,3%. При этом наибольший он в Республике Калмыкия (0,7%), далее в порядке убывания следуют: Республика Адыгея (0,5%), Астраханская и Волгоградская области, Краснодарский край, Республика Крым (0,3%), Ростовская область и г. Севастополь (0,2%) (рис. 11).

¹ В данном случае во внимание принимается совокупность уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 30, 105, 106 и 107 УК РФ.

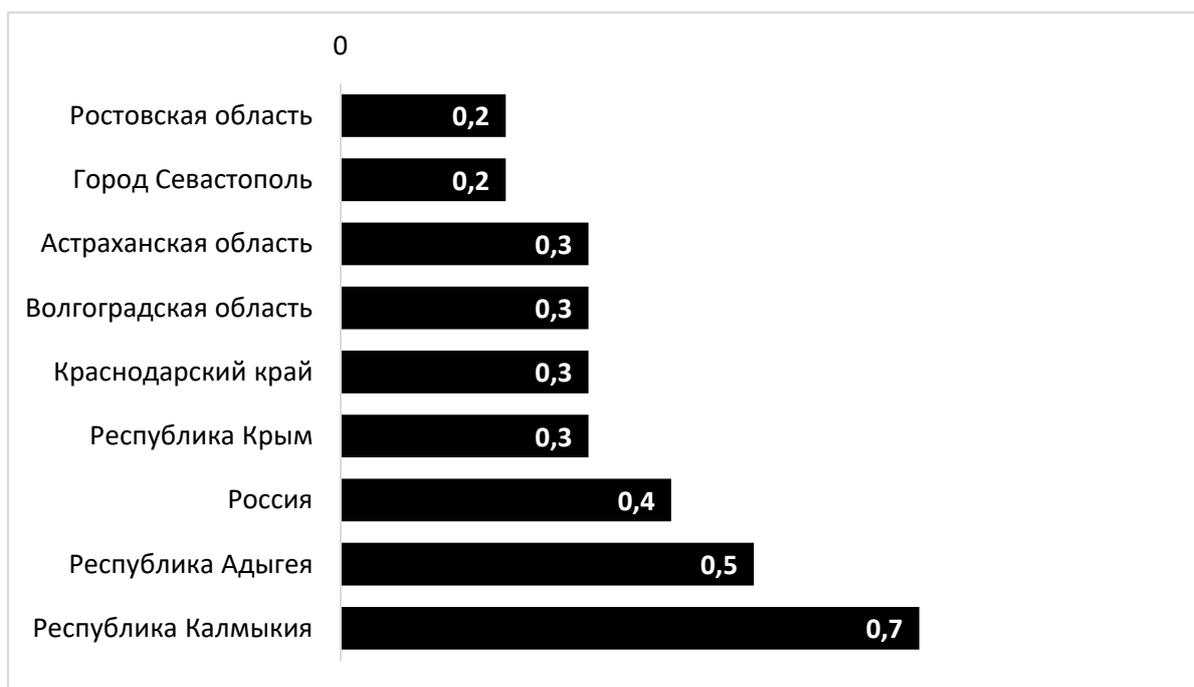

Рис. 11. Удельный вес убийств в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

В целом по России абсолютное количество убийств имеет устойчивую тенденцию к сокращению. С 2014 по 2020 г. их число снизилось в 1,6 раза. Аналогичные процессы наблюдаются и в Южном федеральном округе. Вместе с тем в Республике Адыгея такой закономерности не просматривается. Если сравнивать изначальный и конечный отчетный периоды, то число убийств здесь даже несколько увеличилось (на 20%). Данная ситуация объясняется, вероятно, фактором репрезентативного характера, связанного с тем, что абсолютное количество убийств здесь крайне малое, в среднем около 18 в год, в результате чего динамика указанного вида преступлений отображается не совсем корректно, без учета действия закона больших чисел.

Охарактеризованная тенденция подтверждается и уровнем (коэффициентом) убийств в расчете на 100 тыс. человек. За анализируемый промежуток времени на федеральном уровне он сократился с 7 до 5%, на региональном – с 5 до 3% (табл. 7).

*Коэффициенты убийств (преступлений на 100 тыс. человек)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	7,1	6,6	5,8	5,4	5,2
Краснодарский край	5,1	5,0	4,4	3,8	3,5
Астраханская область	5,9	5,4	4,8	4,3	4,1
Волгоградская область	4,2	4,7	4,8	5,2	5,0
Ростовская область	4,8	4,9	4,1	4,0	3,6
Республика Адыгея	3,5	3,1	3,5	4,6	4,1
Республика Калмыкия	10,0	8,3	6,9	7,7	7,7
Республика Крым	5,3	4,4	5,0	3,8	3,6
г. Севастополь	3,8	6,3	2,7	3,8	3,1
Южный федеральный округ	5,0	4,9	4,5	4,2	3,9

В большинстве субъектов Южного федерального округа уровень убийств по отношению к расчетному количеству населения ниже аналогичного среднероссийского показателя (5,2%). В г. Севастополе он составляет 3,1%, в Краснодарском крае – 3,5%, в Республике Крым и Ростовской области – 3,6%, в Республике Адыгея – 4,1%. Достаточно специфическими выглядят показатели, характерные для Волгоградской области и Республики Калмыкия. В первом случае коэффициент убийств несколько ниже, чем в среднем по России (РФ – 5,2%, Волгоградская область – 5,0%). Однако, в отличие от других территориальных образований, он не сократился, а несколько увеличился (на 0,8%). В Республике Калмыкия рассматриваемый показатель стабильно превышает аналогичный как по России, так и по Южному федеральному округу. По результатам 2020 г. он составил 7,7%, что на 2,5% больше федерального уровня, и на 3,8% – регионального.

Схожая ситуация наблюдается с преступлениями против личности, а именно *умышленным причинением тяжкого вреда здоровью* (рис. 12).

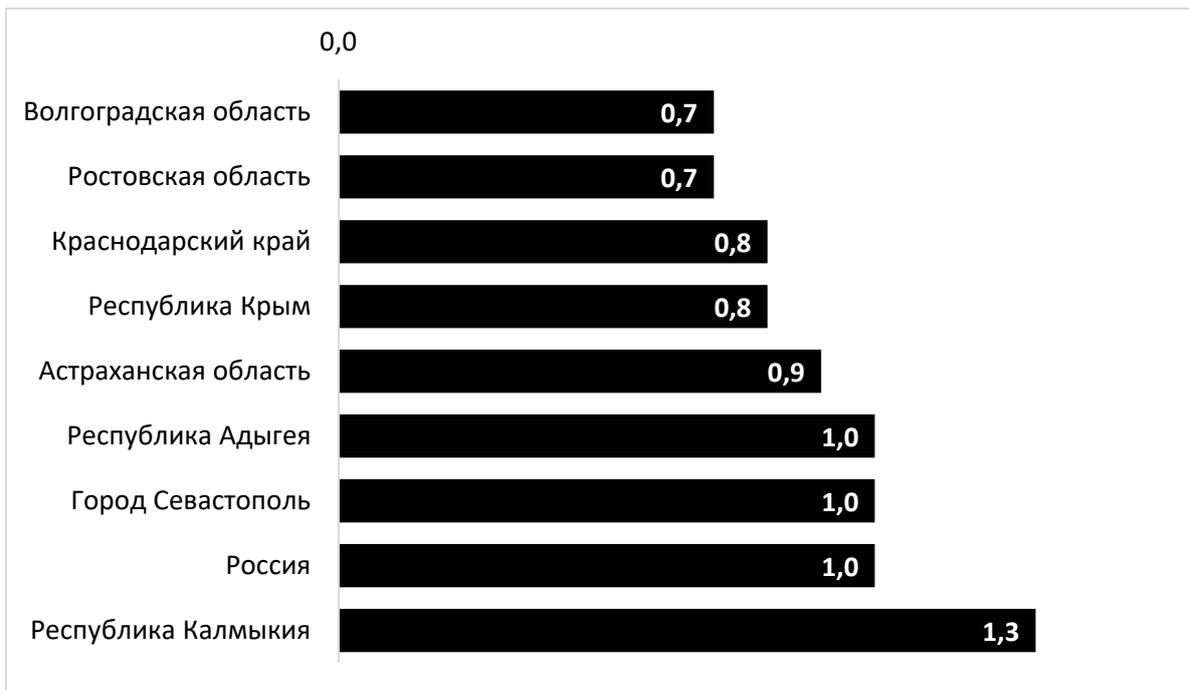

Рис. 12. Удельный вес умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Представленные данные показывают, что удельный вес фактов причинения тяжкого вреда здоровью в субъектах Южного федерального округа не превышает аналогичный среднероссийский индикатор и преимущественно находится даже ниже него. Исключением является Республика Калмыкия, где доля преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, составляет 1,3%. При этом Республика Адыгея и г. Севастополь по результатам 2020 г. имеют показатель, равный таковому в целом по России (1%). В Астраханской области он находится на отметке 0,9%, в Краснодарском крае и Республике Крым – 0,8%, в Ростовской и Волгоградской областях – 0,7%.

Информативен также показатель уровня (коэффициента) фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по отношению к количеству проживающего на определенной территории населения. Как и в ситуации с убийствами, он устойчиво сокращается и на федеральном, и на региональном уровне. В среднем по России с 2016 г. он снизился с 18,7 до 13,6%, по Южному федеральному округу – с 13,3 до 10,2% (табл. 8).

Коэффициенты умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (преступлений на 100 тыс. человек) в России и субъектах Южного федерального округа

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	18,7	16,7	15,8	14,6	13,6
Краснодарский край	13,2	11,6	12,2	11,1	9,8
Астраханская область	12,9	12,6	14,5	10,1	11,9
Волгоградская область	15,5	14,2	12,2	12,4	11,2
Ростовская область	11,8	10,8	10,5	9,6	9,6
Республика Адыгея	12,0	10,4	9,0	9,5	8,9
Республика Калмыкия	21,2	19,4	15,2	11,4	14,0
Республика Крым	12,1	9,7	12,3	9,8	9,4
г. Севастополь	18,3	13,1	12,4	11,5	14,2
Южный федеральный округ	13,3	11,8	11,9	10,7	10,2

Наиболее высокие показатели уровня умышленного причинения тяжкого вреда здоровью имеют г. Севастополь и Республика Калмыкия (порядка 14%). Показатели ниже среднероссийских характерны для остальных административно-территориальных образований региона. В Республике Адыгея коэффициент преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, находится на отметке 8,9%, в Ростовской области – 9,6%, в Краснодарском крае – 9,8%, в Республике Крым – 9,4%, в Волгоградской области – 11,2%, в Астраханской области – 11,9%.

Ситуация с такой разновидностью посягательств против личности, как *преступления против половой свободы и половой неприкосновенности*, в Южном федеральном округе особых беспокойств не вызывает.

В среднем по России удельный вес изнасилований из года в год почти не меняется, составляя 0,2%. При этом в Краснодарском крае, Волгоградской и Ростовской областях, республиках Адыгея и Калмыкия он находится на отметке 0,1%, а в Республике Крым и г. Севастополе – 0,2%. Однако обращает на себя внимание показатель Астраханской области, где доля преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ, в 2020 г. намного больше аналогичных федерального и общероссийского значений (0,8%).

При этом уровень изнасилований в зависимости от количества населения субъектов Южного федерального округа в большинстве случаев ниже аналогичного общероссийского. В среднем по Российской Федерации он составляет 2,4%, в Республике Адыгея – 0,6%, в Республике Калмыкия – 1,1%, в Краснодарском крае – 1,3%, в Ростовской области – 1,5%, в Волгоградской области – 1,7%, в Республике Крым – 1,9%, в г. Севастополе – 2,2%. Обращают на себя внимание показатели Астраханской области, резко выделяющейся в негативном плане, где с 2019 г. рассматриваемый индикатор превышает среднероссийский примерно в 5 раз (11,5% – в 2019 г. и 10,9% – в 2020 г.) (табл. 9).

Таблица 9

Коэффициенты изнасилований (преступлений на 100 тыс. человек) в России и субъектах Южного федерального округа

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	2,7	2,4	2,3	2,2	2,4
Краснодарский край	2,0	2,0	1,6	1,8	1,3
Астраханская область	2,4	3,1	3,8	11,5	10,9
Волгоградская область	2,9	2,1	1,3	1,9	1,7
Ростовская область	1,6	1,7	2,0	1,4	1,5
Республика Адыгея	3,3	2,2	1,3	1,5	0,6
Республика Калмыкия	3,2	2,9	3,3	4,4	1,1
Республика Крым	4,6	2,2	1,7	1,2	1,9
г. Севастополь	1,9	0,9	1,6	1,1	2,2
Южный федеральный округ	2,4	2,0	1,8	2,3	2,1

Следующей группой преступности, традиционно рассматриваемой при анализе ее структуры, являются уголовно наказуемые *посягательства на собственность*. В отличие от преступлений против личности, где в большинстве случаев отсутствуют выраженные отличия от российских тенденций и закономерностей, имущественная преступность Южного Федерального округа имеет существенные региональные особенности.

В зависимости от коэффициента преступлений против собственности по отношению к численности населения выделяются три группы субъектов Южного федерального округа. К первой относятся Волгоградская и Ростовская области, в которых этот

индикатор значительно превышает среднероссийский уровень (832 преступления на 100 тыс. человек): 1 047 и 1 008 соответственно. Во вторую группу включаются административно-территориальные единицы Южного федерального округа, в которых уровень преступлений против собственности не имеет явно выраженных отличий от аналогичного показателя по России: Краснодарский край (872), Астраханская область (684), Республика Крым (620) и г. Севастополь (774). Третья группа представлена республиками Адыгея и Калмыкия, в которых уровень имущественной преступности значительно ниже, чем как в среднем по России, так и по Южному федеральному округу: 497 и 434 соответственно (табл. 10).

Таблица 10

*Коэффициенты преступлений против собственности
(преступлений на 100 тыс. человек) в России и субъектах
Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	841	791	758	799	832
Краснодарский край	803	747	770	838	872
Астраханская область	580	585	572	565	684
Волгоградская область	935	1012	1004	1079	1047
Ростовская область	868	879	824	969	1008
Республика Адыгея	600	499	516	607	497
Республика Калмыкия	356	375	331	379	434
Республика Крым	834	684	694	646	620
г. Севастополь	862	656	493	523	774
Южный федеральный округ	818	789	777	847	872

Показательны в плане региональной специфики имущественной преступности *кражи чужого имущества*, которые являются наиболее распространенными посягательствами в общей структуре преступности (рис. 13).

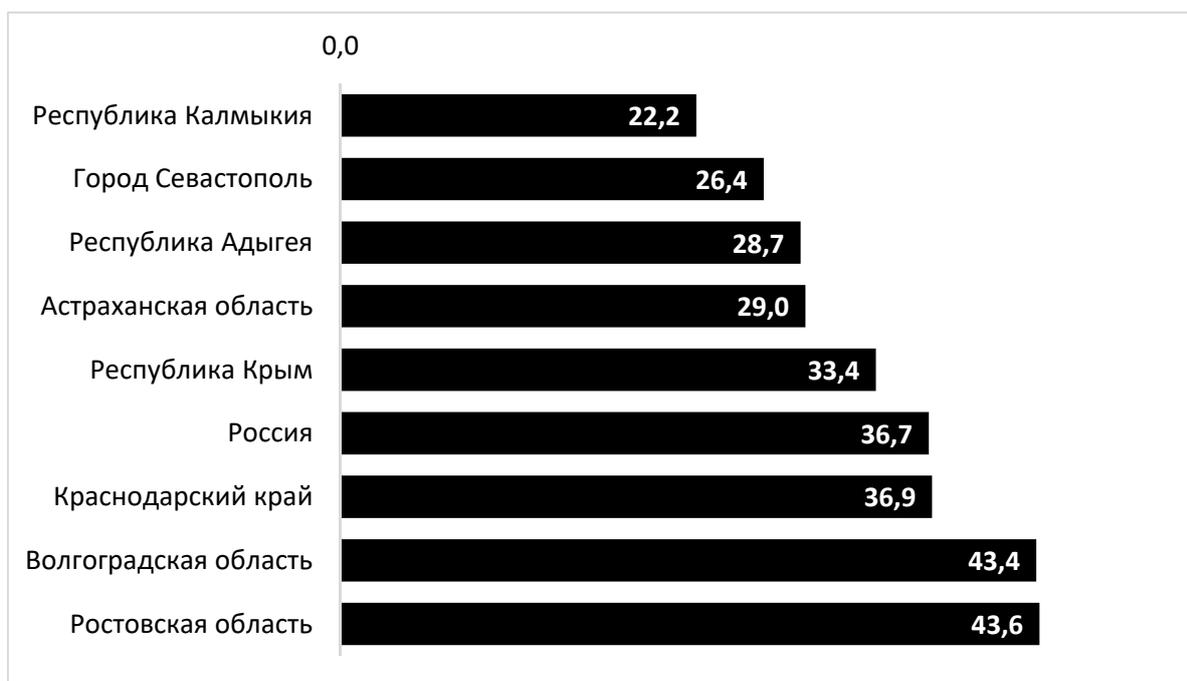

Рис. 13. Удельный вес краж чужого имущества в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

При сопоставлении доли краж чужого имущества в России и Южном федеральном округе очевидно, что региональный показатель выше федерального (ЮФО – 38,4%; РФ – 36,7%). Такая ситуация складывается за счет наиболее крупных по численности населения, а значит и по абсолютному количеству совершаемых преступлений, Ростовской и Волгоградской областей, а также Краснодарского края, имеющих наибольший удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ. Соответствующие индикаторы составляют 43,6%, 43,4% и 36,9%. Именно эти три субъекта формируют основной количественный массив краж, регистрируемых в Южном федеральном округе. Однако в других административно-территориальных образованиях удельный вес рассматриваемого вида преступлений ниже среднероссийского уровня. При этом в порядке ранжированного ряда распределяются: Республика Крым (33,4%), Астраханская область (29%), Республика Адыгея (28,7%), г. Севастополь (26,4%), Республика Калмыкия (22,2%).

Как отмечалось, основной причиной такой разнородности показателей удельного веса краж чужого имущества является преобладание численности городского населения над сельским,

так как в городах, особенно крупных, условий для совершения краж значительно больше.

Данное правило не применимо в отношении г. Севастополя, однако необходимо отметить, что на момент вхождения в состав Российской Федерации он имел аномально высокий удельный вес краж (74% в 2014 г.). В дальнейшем здесь отмечалась ярко выраженная деформация структуры всей преступности, в результате чего кражи (как наиболее распространенный вид преступления) стали замещаться другими уголовно наказуемыми деяниями, прежде всего мошенничеством и незаконным оборотом наркотиков, показатели по которым выросли в 6–7 раз.

Примечательно также и то, что лидирующие позиции по доле краж в общей структуре преступности занимают субъекты, имеющие в своем составе города-миллионники, что дополнительно подтверждает роль урбанизации в детерминации рассматриваемого вида преступлений.

Коэффициент преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, в расчете на количество населения по субъектам региона достаточно разнообразен. Наибольшим он является в Волгоградской и Ростовской областях, наименьшим – в республиках Адыгея и Калмыкия (табл. 11).

Таблица 11

*Коэффициенты краж (преступлений на 100 тыс. человек)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	594	537	515	527	512
Краснодарский край	541	494	500	513	478
Астраханская область	367	344	340	327	406
Волгоградская область	640	678	671	737	674
Ростовская область	625	621	585	643	641
Республика Адыгея	380	333	291	302	256
Республика Калмыкия	228	224	203	237	235
Республика Крым	656	504	469	431	379
г. Севастополь	636	429	304	283	359
Южный федеральный округ	573	536	519	543	520

Ситуация с *грабежами* в Южном федеральном округе представляется достаточно противоречивой. В целом по региону удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 161 УК РФ, не отличается от общероссийского, составляя 1,9%. Однако дифференцированный анализ показывает, что в субъектах региона наблюдаются как позитивные, так и негативные тенденции, связанные с рассматриваемым видом имущественных посягательств (рис. 14).

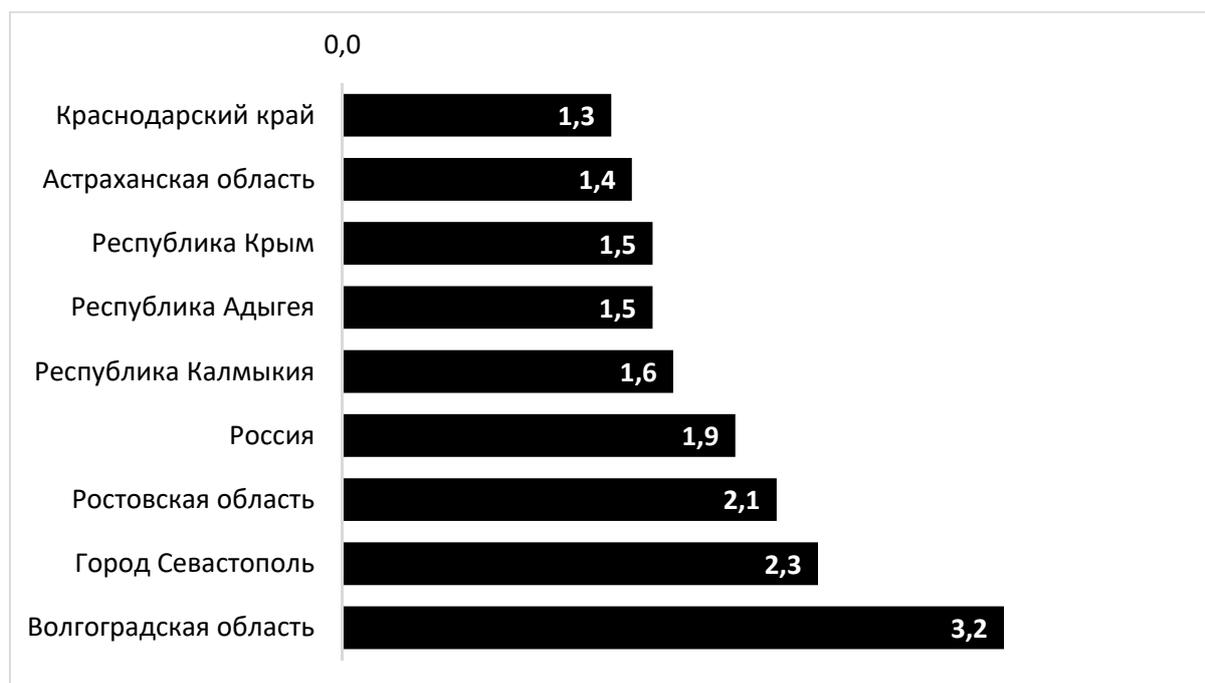

Рис. 14. Удельный вес грабежей в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Наиболее высокий удельный вес грабежей в общей структуре преступности, больше показателей среднероссийского и окружного, зафиксирован в Волгоградской области (3,2%), г. Севастополе (2,3%), Ростовской области (2,1%). Более низкие значения, меньше федеральных, отмечены в Республике Калмыкия (1,6%), республиках Крым и Адыгея (1,5%), Астраханской области (1,4%), Краснодарском крае (1,3%).

Столь существенные отличия обуславливаются в первую очередь уже отмечавшимся фактором различной урбанизации субъектов региона, т. е. криминальной активностью городского населения.

Грабежи относятся к преступлениям со стабильно отрицательной динамикой, при этом их число сокращается более интенсивно, чем показатели всей преступности, что приводит к их снижению в общей структуре преступности. Если сравнить базисный период 2015 г., то их доля, как в целом по России, так и по Южному федеральному округу, уменьшилась к 2020 г. в 1,6 раз. Аналогичная ситуация наблюдается и при исследовании коэффициентов грабежей по отношению к численности населения (табл. 12).

Таблица 12

*Коэффициенты грабежей (преступлений на 100 тыс. человек)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	42,0	38,7	34,1	31,2	26,2
Краснодарский край	24,5	22,6	22,0	20,9	17,4
Астраханская область	39,5	32,2	32,8	30,9	19,9
Волгоградская область	48,2	55,1	53,1	61,9	49,0
Ростовская область	45,1	48,0	41,7	38,6	31,0
Республика Адыгея	19,0	15,7	11,7	14,7	13,4
Республика Калмыкия	10,8	16,6	17,1	18,3	16,6
Республика Крым	42,8	35,1	27,4	24,0	16,9
г. Севастополь	62,7	43,6	27,3	23,5	31,2
Южный федеральный округ	37,2	36,5	32,9	32,5	26,0

При сопоставлении крайних данных динамического ряда пятилетнего периода очевидна тенденция сокращения уровня регистрируемых грабежей. Наибольшие темпы сокращения продемонстрировали Республика Крым (2,5 раза), г. Севастополь и Астраханская область (2 раза), менее выраженные – Краснодарский край и Республика Адыгея (1,5 раза). При этом в Волгоградской области рассматриваемый показатель почти не изменился, а в Республике Калмыкия даже несколько увеличился.

Состояние с таким видом корыстно-насильственных преступлений, как *разбой*, не имеет явно выраженных отличий с общероссийскими закономерностями.

В 2020 г. как в целом по России, так и по Южному федеральному округу удельный вес преступлений, предусмотренных

ст. 162 УК РФ, составил 0,3%. При этом отличительные особенности субъектов региона незначительны. По Республике Адыгея анализируемый показатель составляет 0,1%, по Астраханской и Ростовской областям, а также Республике Калмыкия – 0,2%, в Краснодарском крае, Волгоградской области, Республике Крым и г. Севастополе – 0,3%.

Как и в ситуации с грабежами, абсолютное количество разбоев преимущественно сокращается. Анализ крайних показателей динамических рядов 2015 г. и 2020 г. позволяет констатировать, что удельный вес этих посягательств снизился приблизительно в 2 раза (с 0,6 до 0,3% – по России, с 0,5 до 0,3% – по Южному федеральному округу). Для лучшей наглядности подтвердим это сведениями об уровне преступлений, предусмотренных ст. 162 УК РФ, на расчетное количество населения (табл. 13).

Таблица 13

*Коэффициенты разбоев (преступлений на 100 тыс. человек)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	7,8	6,2	5,1	4,6	3,6
Краснодарский край	5,6	4,7	3,9	4,2	3,3
Астраханская область	5,9	5,2	5,1	4,6	3,2
Волгоградская область	6,6	6,6	5,9	4,6	4,8
Ростовская область	7,7	7,1	5,4	5,4	3,3
Республика Адыгея	3,5	3,7	2,0	2,2	0,4
Республика Калмыкия	2,9	5,8	1,8	1,5	1,8
Республика Крым	6,7	6,4	4,5	3,9	2,9
г. Севастополь	8,4	8,9	2,7	3,6	3,8
Южный федеральный округ	6,4	6,0	4,6	4,4	3,4

Приведенные показатели подтверждают выраженную тенденцию к снижению численности преступлений, предусмотренных ст. 162 УК РФ. В среднем за 5 лет их уровень в целом по России сократился более чем в 2 раза. Примерно такие же темпы снижения отмечены в Ростовской области, Республике Крым и г. Севастополе, скорее вялотекущие – в Краснодарском крае, Астраханской и Волгоградской областях, Республике Калмыкия. Обращают на себя внимание показатели Республики Адыгея, где уровень грабежей за анализируемый период времени снизился почти в 9 раз.

Совершенно иная ситуация наблюдается с такой группой преступлений, как *мошенничество*¹. В отличие от других уголовно наказуемых деяний имущественного характера, число этих посягательств не снижается, а увеличивается. Так, за 2015–2020 гг. их абсолютное число в среднем по России возросло в 1,7 раз, а удельный вес увеличился в 2 раза (с 8,4% до 16,4%). По Южному федеральному округу этот рост несколько интенсивнее. Абсолютные показатели мошенничества увеличились в 2 раза, а доле-вые – в 2,2 раза (с 8,9% до 19,4%).

При этом текущие показатели удельного веса мошенничества в Южном федеральном округе выше общероссийских (ЮФО – 19,4%, РФ – 16,4%). Исходные данные для детализации ситуации с рассматриваемым видом преступлений приводятся на рис. 15.

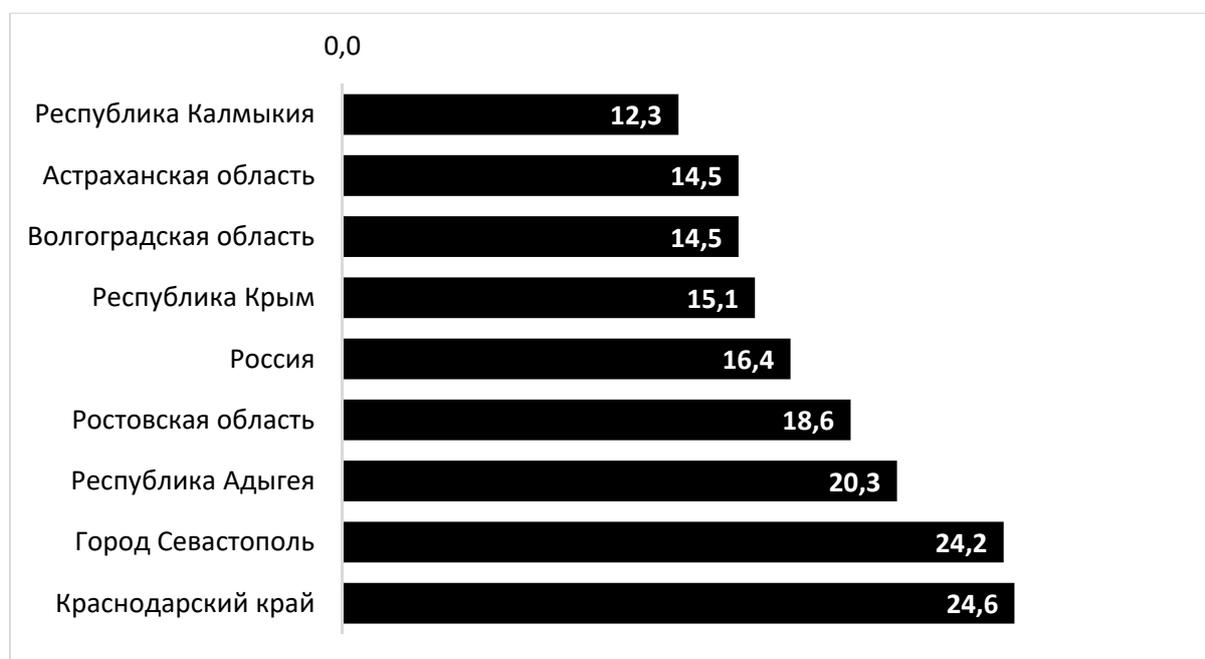

Рис. 15. Удельный вес мошенничеств в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Наибольший удельный вес мошенничеств, значительно превышающий среднероссийские значения, отмечается в Краснодарском крае (24,6%), г. Севастополе (24,2%), Республике Адыгея (20,3%), Ростовской области (18,6%). Показатели ниже среднероссийских характерны для Республики Крым (15,1%), Волго-

¹ Преступления, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ.

градской и Астраханской областей (14,5%), Республики Калмыкия (12,3%).

Увеличение количества мошенничеств в современной России является в значительной мере закономерно обусловленным. Это связано с более широкими возможностями совершения хищений именно путем обмана или злоупотребления доверием, а не прямого завладения имуществом, а также развитием научно-технического и технологического прогресса, в том числе в сфере высоких технологий. Кроме того, усложняются условия для совершения других преступлений против собственности. Например, более совершенными становятся системы охранной сигнализации и блокировки механического доступа к объекту посягательства. Посредством совершения мошеннических действий все больше извлекаются крупные криминальные доходы. Корыстные преступники считают такой способ совершения посягательств более безопасным с точки зрения своей безнаказанности. Все это ведет к тому, что мошенничество постепенно замещает ранее традиционные способы завладения чужим имуществом, в результате чего снижается количество краж, грабежей, разбоев.

Разновидностями хищения являются *присвоение или растрата имущества*, ответственность за которые предусмотрена ст. 160 УК РФ (рис. 16).

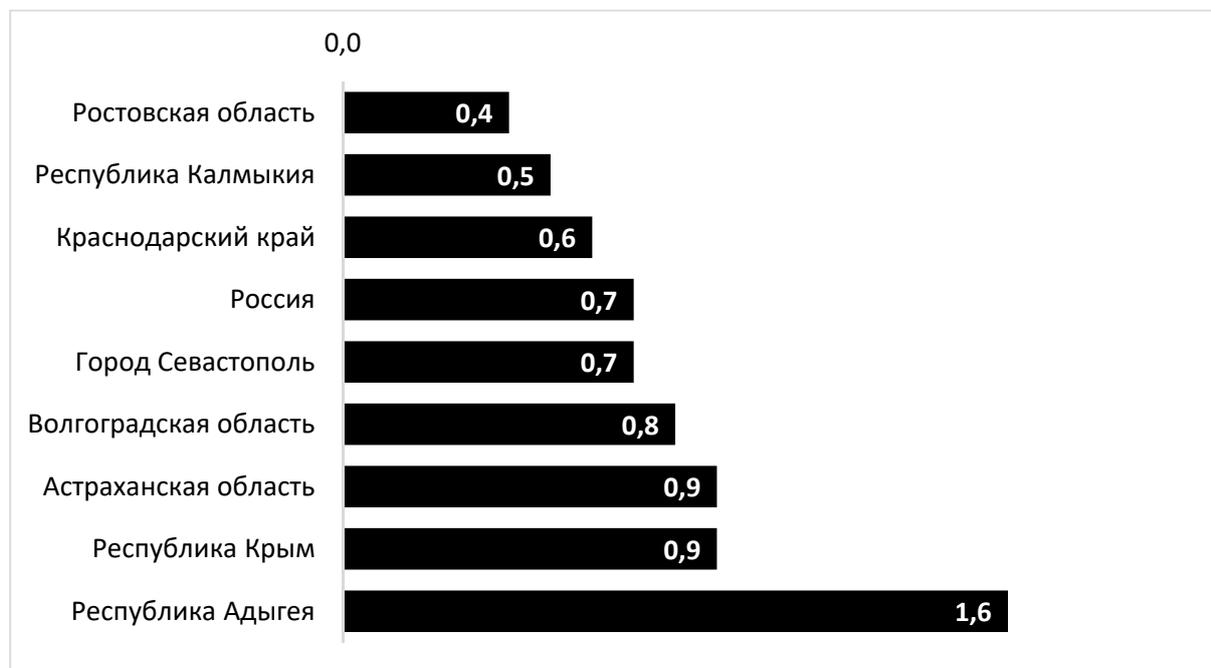

Рис. 16. Удельный вес присвоения или растраты в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

В настоящее время удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ, в среднем по России составляет 0,7%. Среди субъектов Южного федерального округа аналогичный показатель ниже среднероссийского имеют Ростовская область (0,4%), Республика Калмыкия (0,5%), Краснодарский край (0,6%). Превышение показателя федерального уровня отмечено в Волгоградской (0,8%), Астраханской областях и Республике Крым (0,9%), значительное превышение – в Республике Адыгея (1,6%).

Для оценки тенденций уголовно наказуемых деяний рассматриваемого вида необходимо обратиться к сведениям о количестве преступлений, связанных с присвоением или растратой имущества (табл. 14).

Таблица 14

*Коэффициенты присвоения или растраты
(преступлений на 100 тыс. человек) в России и субъектах
Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	14,7	13,9	12,9	12,8	11,7
Краснодарский край	12,4	10,5	10,2	13,3	9,6
Астраханская область	15,1	17,8	13,5	16,2	15,0
Волгоградская область	14,3	12,9	11,7	16,4	14,4
Ростовская область	7,4	7,3	6,6	6,7	7,3
Республика Адыгея	16,1	11,5	15,3	15,6	18,0
Республика Калмыкия	13,3	22,6	11,2	12,2	7,1
Республика Крым	16,4	15,8	14,9	10,3	13,0
г. Севастополь	20,3	7,0	5,5	7,4	11,9
Южный федеральный округ	12,3	11,2	10,3	11,8	10,7

Ретроспективная оценка динамики преступлений, предусмотренных ст. 160 УК РФ, показывает, что она имеет слабо выраженную тенденцию к снижению. За 2016–2020 гг. их уровень в среднем по России сократился с 14,7 до 11,7%, по Южному федеральному округу – с 12,3 до 10,7%. Аналогичные процессы характерны для Краснодарского края, Республики Калмыкия, Республики Крым, г. Севастополя. При этом уровень присвоения или растраты в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях почти не изменился, а в Республике Адыгея несколько вырос.

Во внутрирегиональном рейтинге уровень анализируемого вида преступлений выше среднероссийского (11,7%) имеют Республика Адыгея (18%), Астраханская область (15%), Волгоградская область (14,4%), Республика Крым (13%), г. Севастополь (12%). Сниженные показатели характерны для Краснодарского края (9,6%), Ростовской области и Республики Калмыкия (около 7%). Общие относительно низкие показатели уровня присвоения или растраты, характерные для Южного федерального округа в целом, определяются соответствующей ситуацией в большинстве его субъектов.

Сведения о состоянии *преступлений экономической направленности* на первый взгляд могут не вызывать беспокойства. По итогам 2020 г. удельный вес рассматриваемой группы противоправных деяний в общей структуре преступности по Южному федеральному округу ниже, чем в среднем по России (ЮФО – 4,2%, РФ – 5,2%). Однако углубленный анализ обозначенного вопроса показывает, что проблема криминализации экономической деятельности на Юге России стоит достаточно остро.

Прежде чем подтвердить такое утверждение, обратимся к данным официальной уголовной статистики (рис. 17).

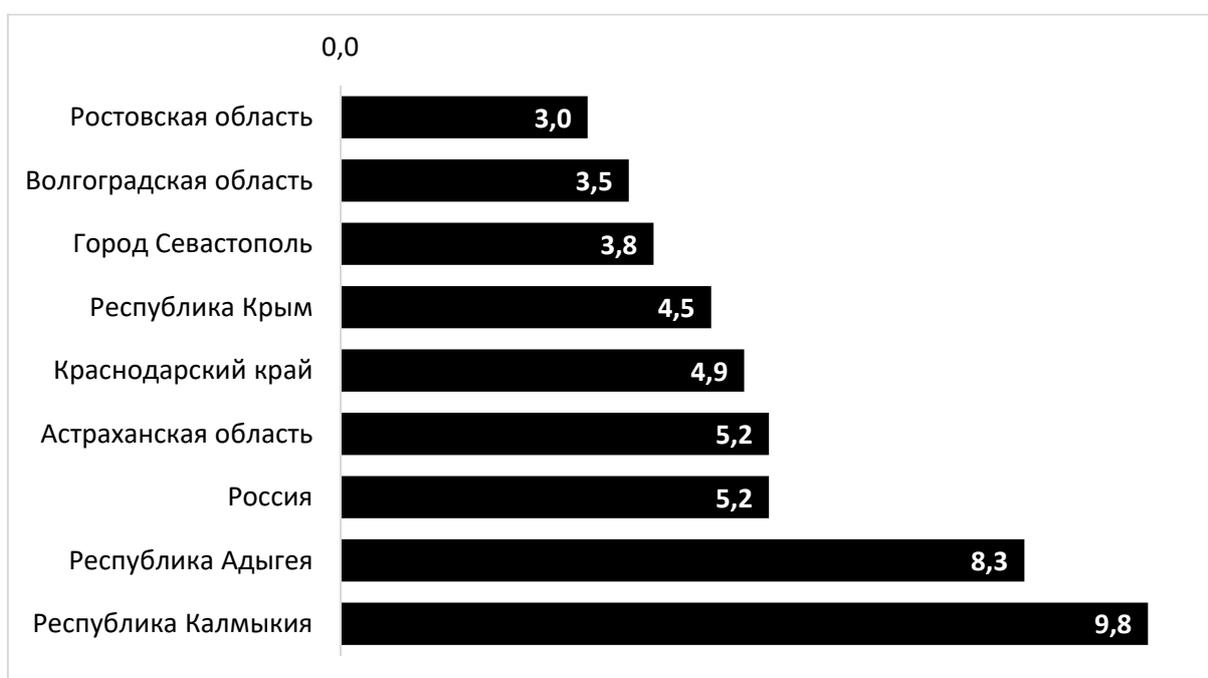

Рис. 17. Удельный вес преступлений экономической направленности в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Антирекордные показатели удельного веса преступлений экономической направленности имеют достаточно крупные субъекты региона, которыми являются Ростовская и Волгоградская области (3,0% и 3,5% соответственно). Как отмечалось при характеристике имущественной преступности, эти два административно-территориальных образования имеют объективные предпосылки для совершения в них относительно большого количества общеуголовных преступлений, в первую очередь краж чужого имущества. Таким образом, преступления экономической направленности в значительной мере «перекрываются» другими. В связи с этим указанные субъекты Южного федерального округа вносят существенный вклад в снижение удельного веса преступлений экономической направленности в целом по региону.

В то же время среди административно-территориальных образований Южного федерального округа имеются два малочисленных субъекта, где совершается сравнительно малое количество преступлений вообще, но при этом они имеют показатели удельного веса преступлений экономической направленности значительно выше среднероссийского уровня. Это Республика Калмыкия (9,8%) и Республика Адыгея (8,3%).

Ретроспективные данные о состоянии преступлений экономической направленности показывают, что уровень этих посягательств находился на отметке выше среднероссийского, а определенное выравнивание было достигнуто лишь к 2017 г.

Главным аргументом в пользу того, что, несмотря на относительно низкий показатель рассматриваемого криминального явления по региону, проблема криминализации экономики в Южном федеральном округе является достаточно актуальной, выступает то, что анализируемая группа противоправных деяний обладает высокой степенью латентности¹, в связи с чем ориентироваться только на официальные данные не совсем корректно.

С проблемой криминализации экономики тесно связаны вопросы *преступлений коррупционной направленности* (рис. 18).

¹ См., напр.: Акаева А.А. Проблемы латентности преступлений в сфере экономики, дис... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002.

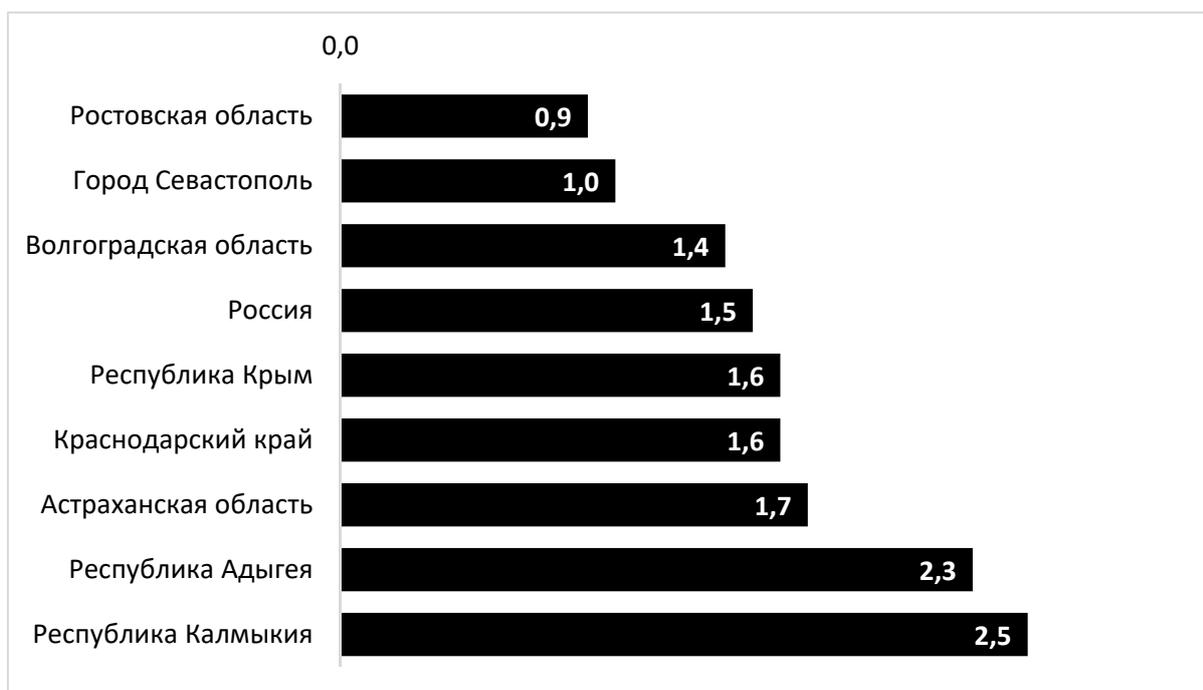

Рис. 18. Удельный вес преступлений коррупционной направленности в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Удельный вес этой группы преступности по Южному федеральному округу в целом не имеет выраженных отличий от общероссийского (ЮФО – 1,4%, РФ – 1,5%). При этом субъекты региона можно дифференцировать следующим образом:

с удельным весом преступлений коррупционной направленности ниже среднероссийского (Ростовская область [0,9%], г. Севастополь [1%], Волгоградская область [1,4%]);

с удельным весом несколько выше среднероссийского (Краснодарский край и Республика Крым [1,6%], Астраханская область [1,7%]);

с удельным весом, значительно превышающим аналогичные среднероссийские показатели (Республика Адыгея [2,3%] и Республика Калмыкия [2,5%]).

Как и в ситуации с преступлениями экономической направленности, общие показатели коррупционной преступности по региону формируются за счет относительно низкой индикации их удельного веса в наиболее крупных субъектах, в результате чего значение Южного федерального округа не имеет выраженных отличий от федерального.

Удельный вес преступлений, связанных с *незаконным оборотом наркотиков*, в Южном федеральном округе несколько ниже, чем в среднем по России (ЮФО – 8,2%, РФ – 9,3%). При этом показатель выше общероссийского уровня имеют Астраханская область (9,8%), Республика Крым (10,4%) и г. Севастополь (11,3%). Более подробные данные приведены на рис. 19.

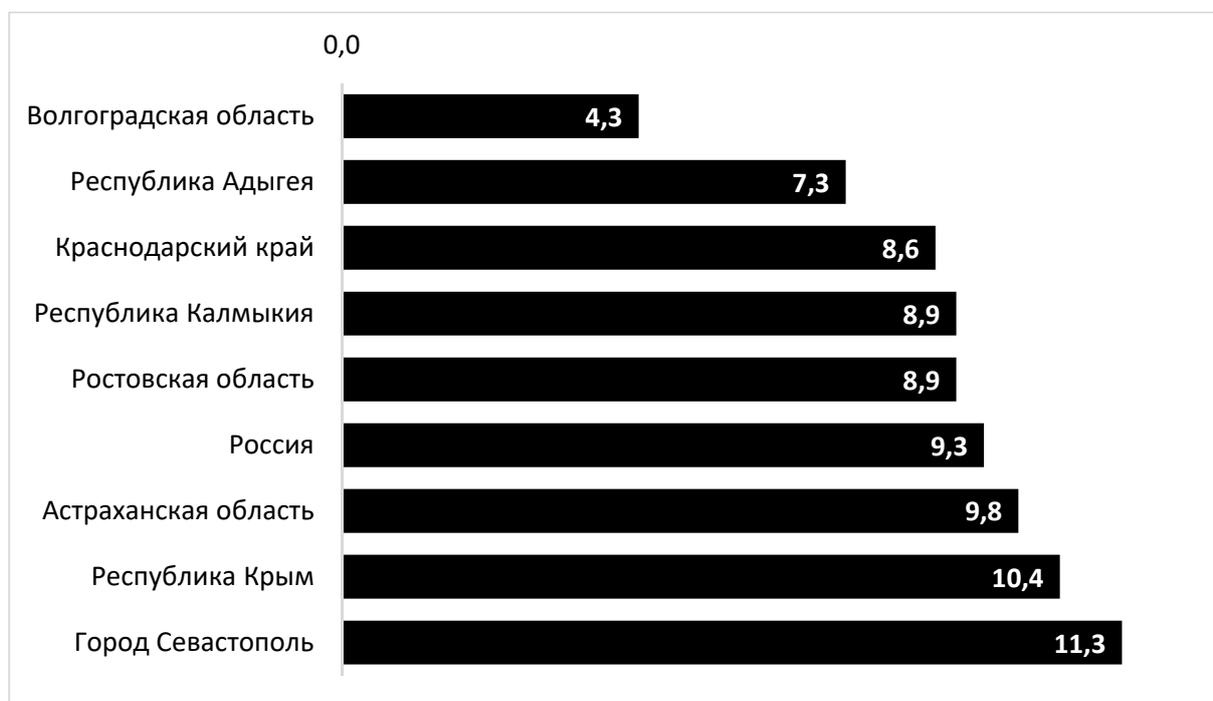

Рис. 19. Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

В настоящее время как в целом по России, так и в большинстве субъектов Южного федерального округа отмечается незначительная тенденция к сокращению удельного веса наркопреступлений. Однако в двух его субъектах выражена динамика роста. Так, в Республике Крым за 2015–2020 гг. этот показатель вырос в 1,7 (с 6,3% до 10,4%), а в г. Севастополе – в 2,6 раза (с 4,4% до 11,3%).

Уровень наркопреступности в современной России можно охарактеризовать как стабильно-устойчивый. Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на расчетное число населения из года в год меняется незначительно (табл. 15).

*Коэффициенты наркопреступлений
(преступлений на 100 тыс. человек)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	137	142	136	130	129
Краснодарский край	137	137	128	115	112
Астраханская область	198	160	159	132	136
Волгоградская область	76	68	68	74	66
Ростовская область	120	159	144	127	131
Республика Адыгея	50	60	50	67	65
Республика Калмыкия	164	165	146	116	94
Республика Крым	86	107	121	100	118
г. Севастополь	72	92	85	112	153
Южный федеральный округ	117	127	121	110	112

Наибольший уровень наркопреступности в Южном федеральном округе имеет г. Севастополь (153 преступления на 100 тыс. населения), причем этот показатель за последние 5 лет вырос более чем в 2 раза. Кроме того, относительно высоким, превышающим среднероссийский уровень, является показатель Астраханской области.

Тенденции динамики уровня преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в различных субъектах региона, неоднородны:

Краснодарский край, Астраханская область, Республика Калмыкия – преимущественное снижение;

Волгоградская и Ростовская области, Республика Калмыкия – стабильность показателя;

Республика Крым и г. Севастополь – преобладающий рост.

Структурные особенности преступлений, связанных с *незаконным оборотом оружия и вооруженной преступностью*¹, в целом по Южному федеральному округу соответствуют общероссийской картине. При этом региональный показатель доли незаконного оборота оружия в общем массиве зарегистрированных уголовно наказуемых деяний составляет 1,1%, федеральный – 1,2%.

¹ Под вооруженной преступностью понимается совокупность преступлений, совершенных с использованием оружия.

Вместе с тем в некоторых субъектах Южного федерального округа определяется неблагоприятная ситуация по рассматриваемому направлению (рис. 20).

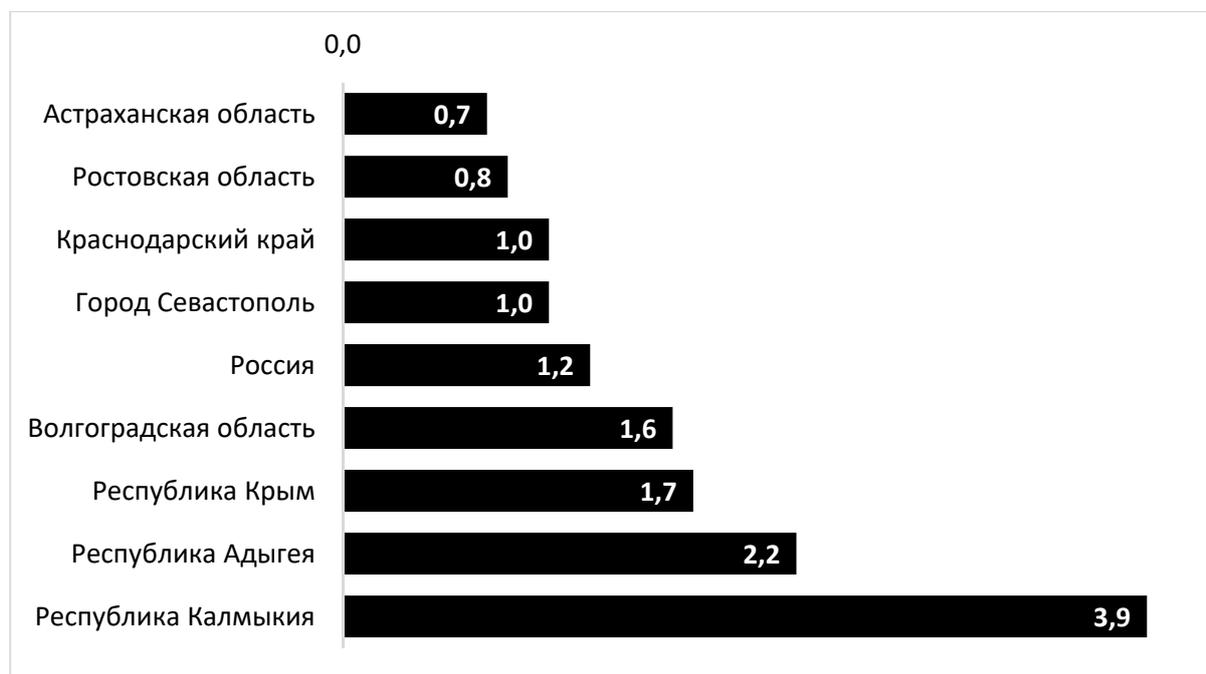

Рис. 20. Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

В большинстве субъектов Южного федерального округа ситуация, связанная с незаконным оборотом оружия, особой обеспокоенности не вызывает. Показатели удельного веса этой группы преступлений ниже федерального уровня имеют: Астраханская область (0,7%), Ростовская область (0,8%), Краснодарский край и г. Севастополь (1%). Несколько выше они в Волгоградской области (1,6%) и Республике Крым (1,7%).

Неблагополучным субъектом региона можно считать Республику Адыгея, где доля незаконного оборота оружия в общей структуре преступности почти в 2 раза выше, чем в среднем как в России, так и в Южном федеральном округе, и составляет 2,2%. Еще более выражена негативная ситуация является в Республике Калмыкия, где этот показатель находится на отметке 3,9%, что более чем в 3 раза больше общерегиональных и общенациональных значений.

В последнем случае, безусловно, играет роль географическая близость Республики Калмыкия к наиболее неблагополучному субъекту Северо-Кавказского федерального округа – Республике Дагестан, характеризующейся сложной криминогенной ситуацией. Удельный вес преступлений, сопряженных с незаконным оборотом оружия, в республиках Дагестан и Ингушетия в 8–10 раз выше, чем в среднем по России. Кроме того, для этого региона характерна активная деятельность экстремистских и террористических организаций, что не может не сказываться на криминальной обстановке на территории субъектов, граничащих с Южным федеральным округом.

Удельный вес преступлений, совершенных с использованием оружия, в Южном федеральном округе существенно не отличается от такового на федеральном уровне. При общероссийском показателе в 0,3% в г. Севастополе он составляет 0,1%, в Астраханской и Ростовской областях, а также в Республике Крым и Краснодарском крае – 0,2%, в Волгоградской области и Республике Адыгея – 0,3%. Лишь в Республике Калмыкия этот показатель является сравнительно высоким (0,6%).

1.4. Социально-криминологические признаки преступности

Рассматривая социально-криминологическую специфику преступности в Южном федеральном округе, в первую очередь необходимо отметить такой демографический признак, как возраст лиц, совершающих преступления. Обращение к данным сведениям обусловлено проблемой *преступности несовершеннолетних*, состояние которой некоторыми специалистами ошибочно воспринимается как благополучное.

На протяжении длительного времени число преступлений, совершаемых лицами, не достигшими 18-летнего возраста, устойчиво снижается. Так, в целом по России за 2015–2020 гг. абсолютное число несовершеннолетних, совершивших преступления, сократилось почти в 1,5 раза, а показатель их удельного веса в общем массиве лиц, установленных за совершение преступлений, изменился с 5,2% до 3,7%. Схожие тенденции отмечались и в Южном федеральном округе.

Вместе с тем говорить о явном сокращении криминогенности несовершеннолетних преступников следует с большой осторожностью, так как она в значительной степени определяется 2 группами факторов.

1. Демографические факторы объективного характера.

Следует обратить внимание на то, что уже достаточно длительное время показатели рождаемости в России преимущественно отрицательные. Основные причины такого положения дел заключаются в том, что после распада СССР в постсоветской России сложилась чрезвычайно непростая экономическая ситуация, которая не могла не отразиться и на демографических процессах¹, последствия чего наблюдаются и сегодня. Таким образом, число несовершеннолетних, в том числе потенциальных преступников, снижалось.

2. Изменения в структуре преступности.

В структуре преступности появлялись новые, ранее неизвестные или не очень распространенные формы преступной деятельности, в которых несовершеннолетние принимают участие гораздо меньше либо не принимают вообще. Так, в различные исторические периоды в России отмечался рост коррупционных, экономических преступлений, мошенничества, незаконного оборота оружия, рецидивной преступности и некоторых других. Перечисленные преступления являются преимущественно «взрослыми», роль несовершеннолетних в них минимальна.

В 2020 г. в целом по России удельный вес лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, составил 3,7%. По Южному федеральному округу он несколько меньше (3,4%). При этом наиболее высокие показатели имеют Волгоградская и Астраханская области (5,1% и 3,9% соответственно). Во всех остальных субъектах региона анализируемый показатель ниже среднероссийского уровня. В Республике Калмыкия он находится на отметке 3,5%, в Ростовской области и Республике Крым – 3,1%, в Краснодарском крае и г. Севастополе – 2,8%, в Республике Адыгея – 2,6% (рис. 21).

¹ Сундиев И.Ю. Молодежная преступность в России XXI века: особенности, тенденции и их учет в предупредительной деятельности // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 249.

Обратим также внимание на то, что для Республики Адыгея характерна повышенная тяжесть деяний, совершаемых несовершеннолетними. В 2020 г. удельный вес особо тяжких преступлений, совершенных с участием этой категории лиц, здесь составил 8,3%, в то время как в среднем по России он находится на отметке 4%, а по Южному федеральному округу – 3%.

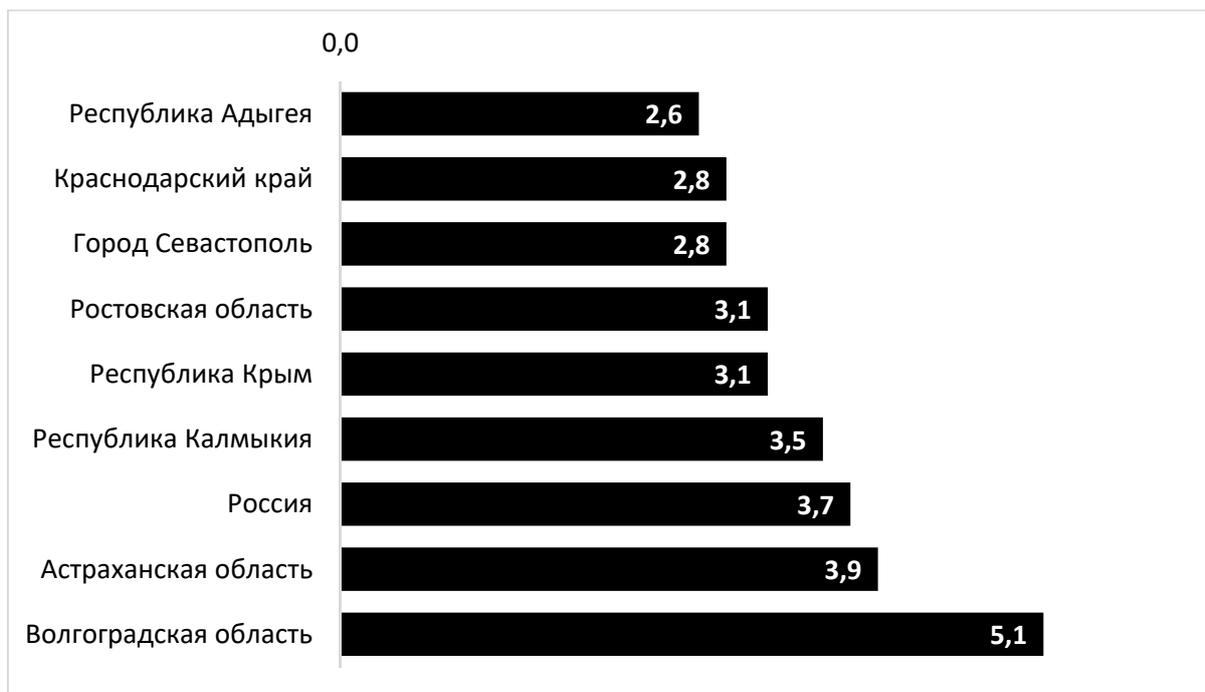

Рис. 21. Удельный вес преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Анализ сведений об уровне преступности несовершеннолетних показывает, что как в целом по России, так и в Южном федеральном округе данный показатель сокращается. С 2016 по 2020 г. в среднем по России он снизился в 1,6 раз, примерно с такими же темпами он сокращался в Краснодарском крае, Республике Крым и Ростовской области. Более интенсивное снижение (в 1,8 раз) отмечено в Республике Адыгея и г. Севастополе, относительно вялотекущее (в 1,2–1,3 раза) – в Волгоградской и Астраханской областях. Лишь в Республике Калмыкия уровень преступности несовершеннолетних почти не изменился (табл. 16).

*Коэффициенты преступности несовершеннолетних
(преступлений на 100 тыс. человек в возрасте от 14 до 17 лет)
в России и субъектах Южного федерального округа*

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	1000	829	771	719	637
Краснодарский край	612	506	447	443	400
Астраханская область	1004	824	948	664	796
Волгоградская область	1034	869	691	895	888
Ростовская область	793	715	678	747	523
Республика Адыгея	656	734	464	432	373
Республика Калмыкия	514	383	500	428	518
Республика Крым	890	757	694	508	565
г. Севастополь	805	428	330	529	441
Южный федеральный округ	781	664	599	609	549

При изучении личностных особенностей преступности важное значение имеет проблема *криминальной повторности* и рецидивной преступности.

В течение длительного времени эта группа преступности являлась одной из наиболее устойчивых. Показатель криминального рецидива еще со времен СССР менялся незначительно, составляя около 30%¹. Однако с 2009 г. обозначилась устойчивая тенденция к росту преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления. К 2020 г. этот показатель увеличился вдвое, составив 59,8%.

Уровень криминального рецидива в Южном федеральном округе отличается от аналогичного федерального значения несущественно (ЮФО – 58,1%, РФ – 59,8%). В региональной градации этот показатель превышает общероссийский в Республике Калмыкия (65%), Волгоградской области (62,9%), Астраханской области (61,9%), Ростовской области (61%), а отклоняется в сторону уменьшения в Республике Адыгея (56,1%), в Краснодарском крае (55,7%), Республике Крым (51,7%), г. Севастополе (43,1%) (рис. 22).

¹ См., напр.: Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. С. 290.

Ситуация с ранее судимыми, совершившими преступления повторно, выглядит следующим образом. В целом по России удельный вес этих уголовно наказуемых деяний в 2020 г. составил 55,8%, а по Южному федеральному округу – 54,6%. Аналогичный индикатор, превышающий среднее федеральное значение, имеют Ростовская область (59,1%), Республика Крым (56%), Краснодарский край (54,7%). Более низкие показатели преступности лиц, ранее судимых за совершение преступлений, отмечены в г. Севастополе (53,8%), Волгоградской области (52,9%), Астраханской области (48,6%), Республике Калмыкия (44,7%), Республики Адыгея (41%).

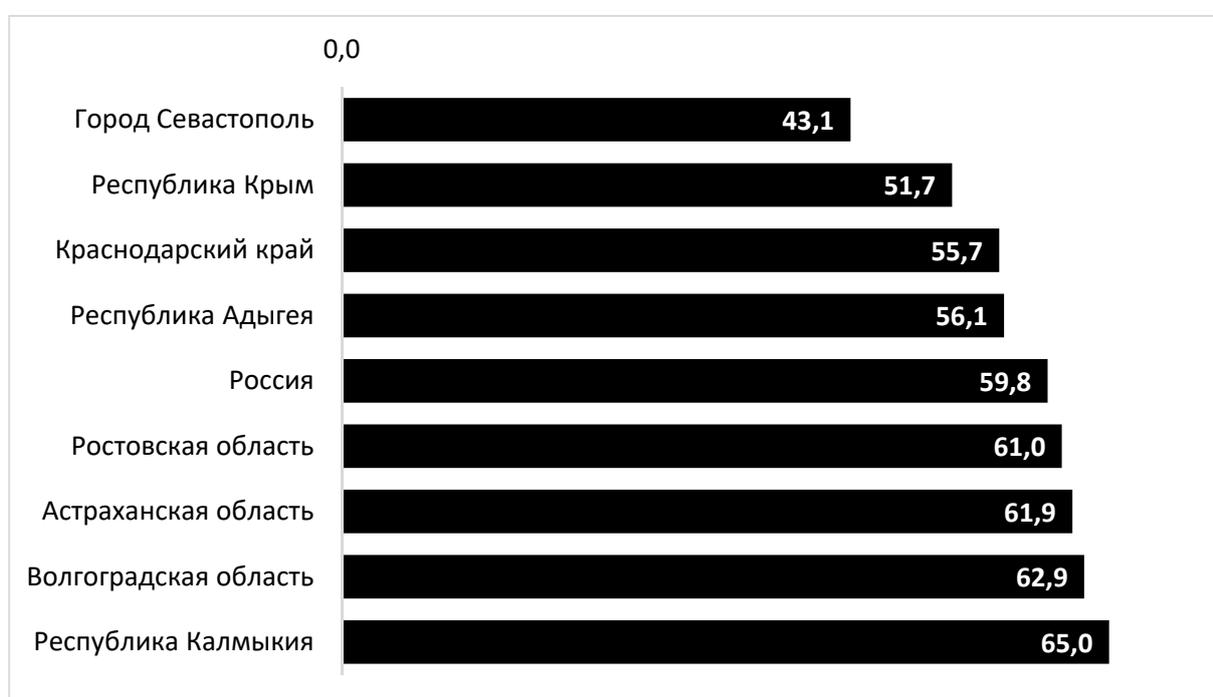

Рис. 22. Удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Показатели преступности, связанные с количеством посягательств, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, в зависимости от количества населения, как в целом по России, так и по Южному федеральному округу, являются относительно устойчивыми с небольшой тенденцией к сокращению.

Превышение федерального уровня по обозначенному показателю (421 преступление на 100 тыс. человек) отмечено в Аст-

раханской области (536), Республике Калмыкия (472) и Волгоградской области (434). Далее в порядке убывания следуют: Ростовская область (394), Республика Адыгея (358), Республика Крым (349), Краснодарский край (331), г. Севастополь (243) (табл. 17).

Таблица 17

Коэффициенты преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления (преступлений на 100 тыс. человек), в России и субъектах Южного федерального округа

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	461	443	432	421	421
Краснодарский край	366	353	328	314	331
Астраханская область	534	478	536	534	536
Волгоградская область	443	426	392	401	434
Ростовская область	420	425	430	400	394
Республика Адыгея	312	341	292	344	358
Республика Калмыкия	415	418	454	472	472
Республика Крым	306	321	320	317	349
г. Севастополь	392	264	227	216	243
Южный федеральный округ	395	385	374	364	378

Очевидно, что зачастую провоцирующим обстоятельством, толкающим какое-либо лицо на совершение преступления, является материально-финансовый фактор. Изложенное свидетельствует о достаточно остро стоящей в современной России проблеме преступности лиц, *не имеющих постоянного источника дохода*. В связи с этим большинство граждан, совершивших данные преступления, – это лица без постоянного источника дохода. В 2020 г. в целом по Российской Федерации этот показатель составил 64%.

В то же время аналогичные данные по Южному федеральному округу позволяют констатировать, что данная проблема в рамках рассматриваемого региона стоит намного серьезнее: все субъекты региона имеют более высокие показатели преступности лиц без постоянного источника дохода.

В среднем по Южному федеральному округу рассматриваемый показатель находится на отметке 69,4%. Наибольшим он

является в Краснодарском крае (72%), Республике Калмыкия (70,7%), Республике Адыгея (70,3%), Республике Крым (70,2%). Не столь высокие, но, тем не менее, превышающие федеральное значение индикаторы, имеют г. Севастополь (68%), Волгоградская область (67,7%), Ростовская область (67,6%), Астраханская область (66,9%) (рис. 23).

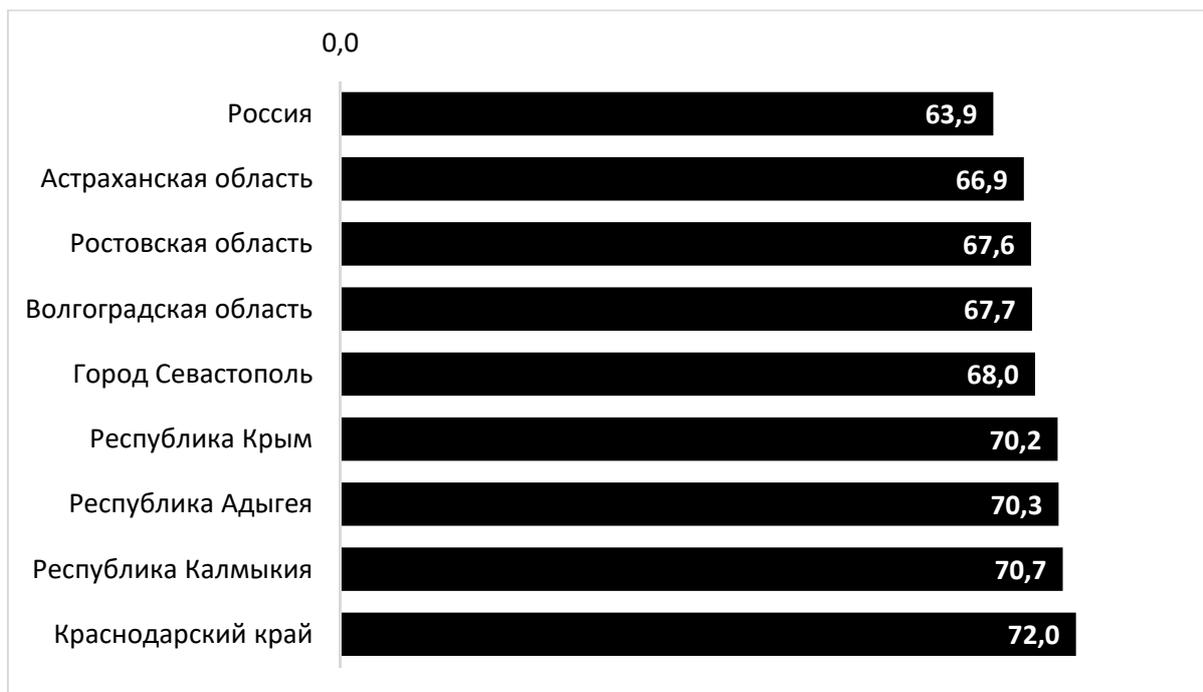

Рис. 23. Удельный вес лиц, совершивших преступления, не имевших постоянного источника дохода, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Сложившаяся ситуация обусловлена рядом проблем экономического характера, присущих большинству субъектов Южного федерального округа, основной из которых является безработица (табл. 18).

*Уровень безработицы в России и субъектах
Южного федерального округа по состоянию на январь 2021 г.¹*

Субъект	№ в рейтинге по РФ	Уровень безработицы	Изменение к 2020 году
г. Севастополь	21	4,8	1,2
Ростовская область	28	5,2	0,6
Краснодарский край	35	5,6	0,8
Россия	–	5,9	6,1
Республика Крым	47	6,3	0,6
Волгоградская область	48	6,3	0,7
Астраханская область	69	8,3	1
Республика Адыгея	73	8,5	0,3
Республика Калмыкия	75	9,1	0,5

Значимым криминогенным фактором является употребление гражданами психоактивных веществ, в связи с чем целесообразно обратить внимание на *преступления, совершенные в состоянии алкогольного и наркотического опьянения*.

Роль пьянства и алкоголизма как фактора преступности продолжает оставаться высокой. Так, в 2020 г. более 30% преступлений совершены в состоянии алкогольного опьянения (рис. 24). Есть основания полагать, что в реальности этот показатель еще больше, что обусловлено значительной латентной составляющей. Например, бытовые преступления, особенно внутрисемейного характера, которые очень часто совершаются в состоянии опьянения, в большинстве случаев остаются невыявленными.

¹ Рейтинг российских регионов по уровню безработицы // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210315/bezrobotitsa-1601181760.html>

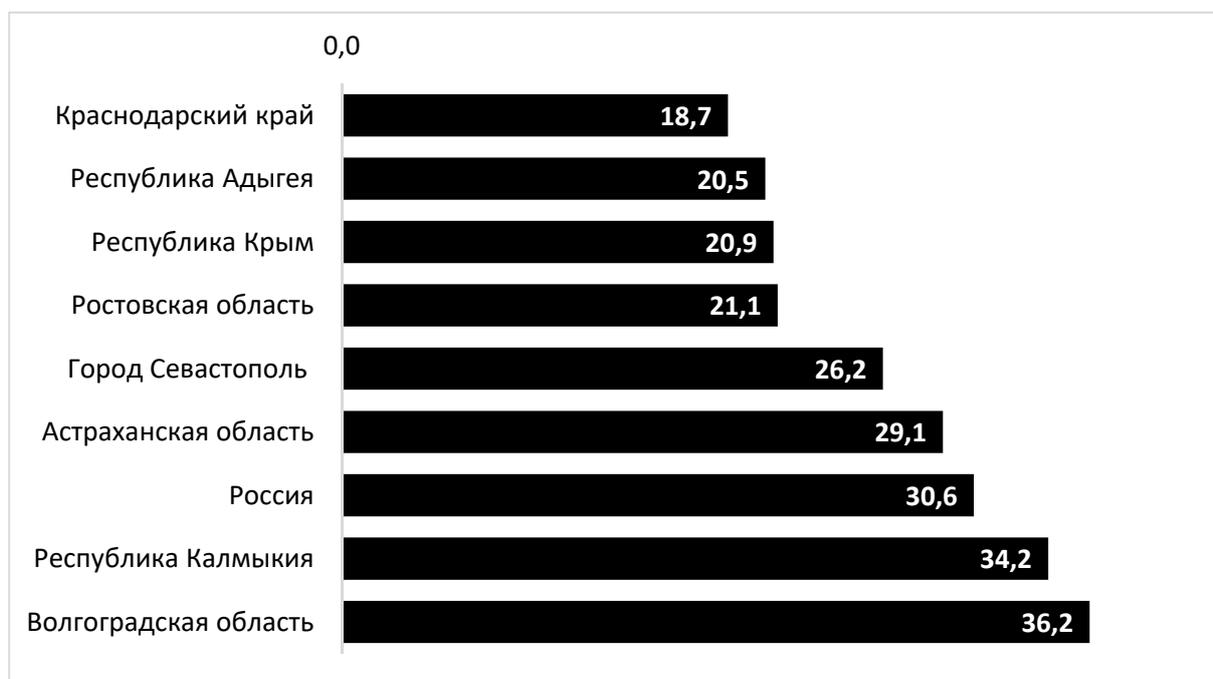

Рис. 24. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в большинстве субъектов Южного федерального округа ниже, чем в среднем по России. Однако в 2 субъектах он является достаточно высоким. Это Республика Калмыкия (34,2%) и Волгоградская область (36,2%).

Настораживающей выглядит и динамика этих преступлений. Так, в Республике Калмыкия в 2015 г. уровень анализируемой преступности составлял 25,5%, в Волгоградской области – 30%. Таким образом, в отношении этих субъектов региона можно говорить об увеличении роли пьянства и алкоголизма как криминогенного фактора преступности.

Ситуация с преступлениями, совершенными в состоянии наркотического опьянения, в целом по Южному федеральному округу выглядит благополучной (рис. 25).

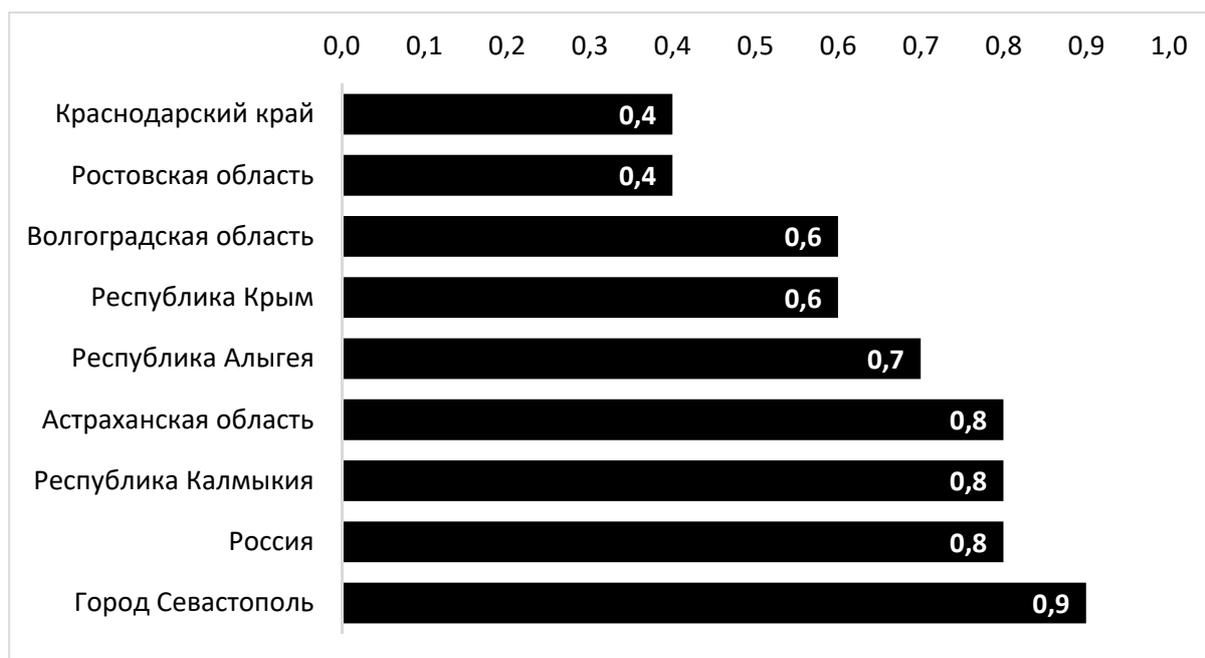

Рис. 25. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

В большинстве субъектов Южного федерального округа удельный вес преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, ниже среднероссийского. Это относится к Краснодарскому краю и Ростовской области (0,4%), Волгоградской области и Республике Крым (0,6%), Республике Адыгея (0,7%). В Астраханской области и Республике Калмыкия он соответствует аналогичному показателю по России (0,8%), а в г. Севастополе несколько превышает его (0,9%).

Вместе с тем к столь оптимистичной картине рассматриваемого криминального явления следует относиться с осторожностью. Как отмечалось, в ряде субъектов Южного федерального округа время от времени отмечаются всплески преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что может послужить провоцирующим фактором для совершения преступлений в состоянии наркотического опьянения.

Одним из критериев социально-криминологических характеристик преступности является признак организованности. Очевидно, что посягательства, совершаемые группой лиц, обладают повышенной степенью общественной опасности, в связи с чем следует обратиться к характеристике *преступлений, совершаемых группой лиц*.

По результатам 2020 г. удельный вес этих преступлений в целом по России незначителен и составляет 0,3%. При этом в Южном федеральном округе аналогичный показатель не имеет выраженных отличий. По Республике Адыгея он составляет 0,1%, по Республике Крым – 0,2%, по Ростовской области и Краснодарскому краю – 0,3%, по Волгоградской области и г. Севастополю – 0,4%, по Астраханской области – 0,5%. Наибольший он в Республике Калмыкия (0,9%).

В ряде субъектов Южного федерального округа отмечается превышение уровня преступлений, совершенных группой лиц, по сравнению со среднероссийскими показателями. В частности, в Астраханской области он стабильно выше уровня федерального значения и наибольший в регионе. В отдельные периоды увеличение рассматриваемого показателя наблюдается и в Волгоградской области, в частности в 2017 г. и 2020 г. (табл. 19).

Таблица 19

Коэффициенты преступлений, совершенных группой лиц (преступлений на 100 тыс. человек), в России и субъектах Южного федерального округа

	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	71,2	66,9	67,3	65,0	63,1
Краснодарский край	55,6	51,4	51,5	50,1	48,9
Астраханская область	87,7	83,2	91,8	86,7	81,6
Волгоградская область	71,0	68,2	58,9	60,6	66,1
Ростовская область	59,5	55,8	54,0	60,2	61,0
Республика Адыгея	57,4	46,1	45,2	52,3	49,9
Республика Калмыкия	38,4	31,7	30,5	39,6	33,2
Республика Крым	58,9	47,5	47,2	46,2	50,8
г. Севастополь	54,8	42,0	35,3	42,0	41,2
Южный федеральный округ	61,1	55,9	54,3	55,8	56,4

Гораздо более серьезной представляется ситуация с *преступлениями, совершенными группой лиц по предварительному сговору* (рис. 26).

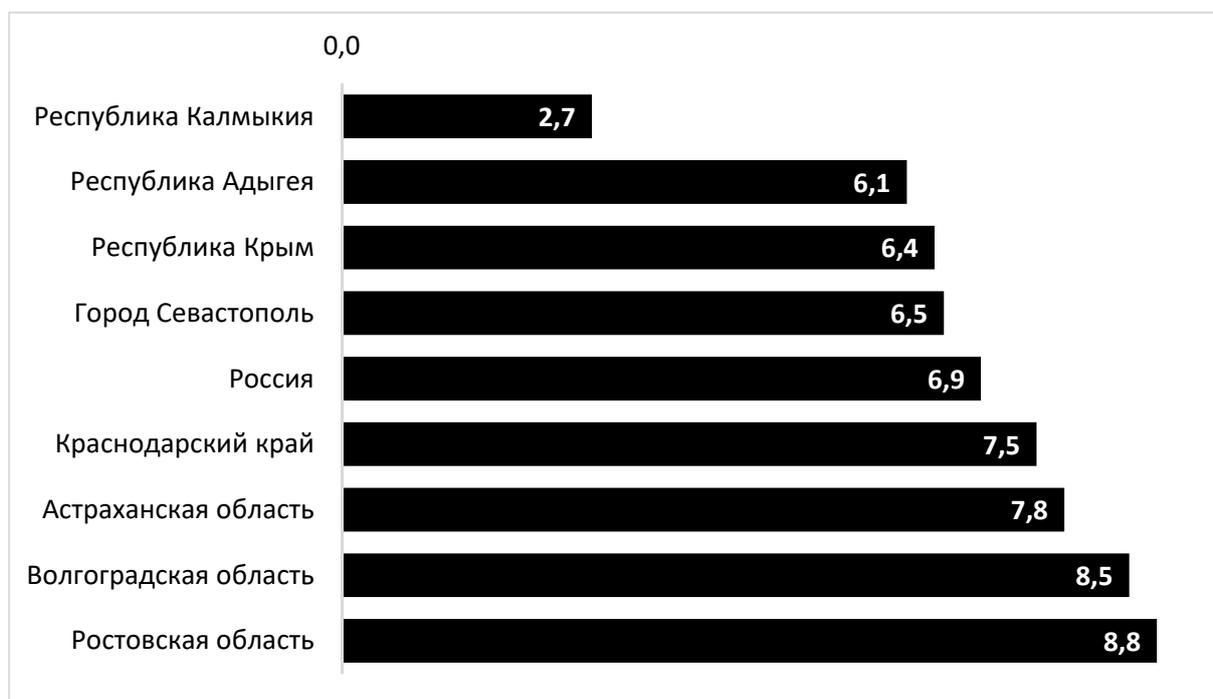

Рис. 26. Удельный вес преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, в России и субъектах Южного федерального округа в 2020 г.

Анализ приведенных показателей свидетельствует о том, что к числу благополучных субъектов Южного федерального округа относятся республики Калмыкия, Адыгея, Крым и г. Севастополь, имеющие сравнительно невысокий показатель удельного веса преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору. В остальных административно-территориальных образованиях он превышает аналогичные среднероссийские значения. К таковым относятся Краснодарский край (7,5%), Астраханская область (7,8%), Волгоградская область (8,5%), Ростовская область (8,8%).

Почти во всех субъектах Южного федерального округа удельный вес *преступлений, совершенных организованной группой*, находится на сравнительно низком уровне.

По итогам 2020 г. в среднем по Российской Федерации доля преступлений, совершенных организованной группой, составила 1,5% от общего числа предварительно расследованных. По административно-территориальным образованиям Южного федерального округа аналогичные показатели отображаются следующим образом:

Краснодарский край, Ростовская область и г. Севастополь – 0,4%;
Волгоградская область – 0,7%;
Республика Крым – 0,8%;
Астраханская область и Республика Калмыкия – 0,9%;
Республика Адыгея – 1,7%.

Характеризуя состояние групповой преступности, отметим, что детализированное рассмотрение этого вопроса применительно к Южному федеральному округу вскрывает ряд проблем, по которым его отдельно взятые субъекты выглядят не совсем благополучно; к их числу следует отнести:

1. Значительное превышение показателя по особо тяжким преступлениям, совершенным группой лиц, в Волгоградской области. В 2020 г. он составил 3,0% (РФ – 1,1%).

2. Атипичные индикаторы особо тяжких преступлений, совершенных организованной группой, в Республике Адыгея (21,6%) и Республике Калмыкия (36,1%) при среднероссийском показателе в 11,6%.

Глава 2. Основные проблемы реализации уголовной политики в Южном федеральном округе

2.1. Исторические аспекты реализации уголовной политики регионального характера

Состояние преступности в настоящее время в значительной мере обусловлено событиями 1990-х гг. XX в.¹ Существовавшие в СССР плановая экономика, однопартийная система, «закрытые» со многими странами границы, высокий уровень цензуры и ряд других факторов определяли соответствующий характер причинного комплекса преступности. Однако с переходом к рыночной экономике, проведением либеральных реформ, демократических преобразований характер преступности стал существенно меняться.

Поспешность действий, а также некоторые ошибки при переходе к новым экономической формации и политической модели, несовершенство устаревшего на тот момент законодательства, отсутствие опыта работы в новых условиях привели к тому, что преступность развивалась более интенсивно, чем модернизировалась уголовная политика, советская доктрина которой перестала отвечать запросам времени. Появились новые детерминирующие факторы преступности, к которым существующая в 1990-е гг. правоохранительная система оказалась не готова. В связи с этим сложилась чрезвычайно сложная криминогенная ситуация на территории всей России, в наибольшей степени это проявило себя именно на территории нынешнего состава Южного федерального округа² и сопредельных с ним субъектов.

Сформировались виды преступной деятельности, которые раньше либо не осуществлялись, либо были выражены незначительно. В первую очередь к ним относятся террористическая деятельность и различные проявления экстремизма, похищения лю-

¹ Герасимов С.И. Политика предупреждения преступности // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. С.8.

² До 2010 г. в состав Южного федерального округа входили также субъекты, образующие в настоящее время Северо-Кавказский федеральный округ.

дей, торговля людьми, захваты заложников, сексуальная эксплуатация. Опыта противодействия такой преступной деятельности у правоохранительных органов не было, либо он был минимальный. Чрезвычайно возросли незаконный оборот оружия, который в некоторых регионах стал неконтролируемым, а также наркопреступления. В связи со сменой экономической формации совершенно иной характер приобрели преступления экономической и коррупционной направленности¹. Значительно обострились межнациональные и межэтнические отношения, что не только выражалось в конфликтах бытового характера, но и приобрело резко выраженный политизированный оттенок с проявлениями национализма, идеями этногосударственности.

На формирование нового характера преступности первостепенное значение оказал социально-экономический фактор. Ошибки и просчеты при проведении приватизации государственной собственности привели к тому, что значительная часть голосующих акций и капитала оказалась у представителей криминалитета², что запустило процесс интенсивной криминализации экономики, проникновения в него лиц с преступными намерениями, создания преступных сообществ, взявших под контроль ключевые сферы хозяйственной деятельности. Следствием демонтажа ряда отраслей промышленности и закрытия предприятий стали значительное ухудшение уровня жизни населения, появление масштабной безработицы, выраженный дефицит либо полное отсутствие средств к существованию у достаточно большого количества населения, значительное расслоение граждан по уровню дохода.

В новых реалиях были допущены просчеты и в системе внутривластного устройства постсоветского государства. К числу основных из них следует отнести: принятие противоречащих друг другу нормативных актов, касающихся очень важных интересов граждан, необоснованное увеличение бюрократиче-

¹ Алиев В.М. Изменения экономической преступности в современных условиях и их причины // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. С. 49–50.

² См., напр.: Голик Ю.В. Глобализация и преступность // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 53.

ского аппарата, лоббирование представителями органов государственных структур интересов крупного бизнеса. Изложенное повышало уровень криминализации важнейших сфер жизнедеятельности общества, способствовало проникновению в государственные структуры лиц, преследующих криминальные цели. Вследствие произошедших изменений были созданы организованные преступные формирования, был осуществлен переход под контроль криминалитета различных отраслей экономики, предпринимательства, финансовых операций. В свою очередь, лидеры организованных преступных группировок различного уровня, сформировав капиталы, нажитые противоправно, предпринимали попытки проникновения в политику, в том числе путем подкупа коррумпированных представителей государственно-властных структур, лоббируя свои корыстные интересы. Сформировавшаяся в постсоветской России организованная преступность расширяла свои связи на транснациональном уровне, легализуя криминальные доходы и вывозя их за рубеж.

Более агрессивной стала и общеуголовная преступность, преимущественно за счет увеличения числа имущественных преступлений корыстно-насильственного типа и посягательств на личность.

Недостаточность мероприятий по предупреждению преступности и иных правонарушений, наметившаяся тенденция к оттоку из правоохранительных органов квалифицированных специалистов способствовали тому, что граждане не чувствовали себя защищенными от противоправных посягательств со стороны государства, что, в свою очередь, обуславливало социальную пассивность и нежелание сотрудничать со структурами охраны правопорядка, увеличивало уровень правового нигилизма и снижало качество правосознания.

Ситуация осложнялась тем, что существовавшая система организационно-управленческих мер по основным направлениям реализации уголовной политики в значительной степени перестала отвечать потребностям правоохранительной практики. Это проявляло себя в недостаточной информированности сотрудников органов охраны правопорядка о специфике постоянно меняющейся оперативной обстановки, следствием чего стали ухудшение качества информационно-аналитической работы, прогнози-

рования состояния преступности и изъяны в принятии управленческих решений.

Существенные изменения претерпели и внешнеполитические факторы преступности. Главным из них является то, что Юг России превратился в приграничную зону, в связи с чем изменился его геополитический статус. Такое положение региона сделало его уязвимым к целому ряду криминогенных факторов внешнего характера:

1. Регион стал потенциальным полем для политических и экономических противостояний между различными государствами.

2. Осуществлялось незаконное перемещение через государственную границу оружия и наркотических средств.

3. Сложилась практика прибытия в регион иностранных граждан, в том числе с целями осуществления преступной деятельности, поддержки деятельности незаконных вооруженных формирований, террористических и экстремистских организаций.

Существенным внешнеполитическим фактором, повлиявшим на криминогенную обстановку в южном регионе, выступил импорт идеологий радикального ислама, который был призван исказить традиционные нормы ислама и использовался как оружие внутриполитической борьбы.

Радикальные исламисты осуществляли свою деятельность путем идеологической и информационной поддержки и пропаганды, финансирования экстремистских организаций, а также непосредственного участия, например, в боевых действиях на территориях горячих точек. Опирались они при этом преимущественно на молодежную среду, малоимущих граждан, а также тех, кто лишился жилья или чьи родственники пострадали в результате боевых действий на территории региона.

Непосредственное совершение террористических актов, попытки насаждения таких взглядов и убеждений привели к тому, что граждане, не понимающие, что традиционный и радикальный ислам имеют мало общего, стали испытывать ненависть к любым представителям исламского вероисповедания, а также к определенным этническим группам, что усиливало психологический раскол общества и порождало различные формы ксенофобии.

Следует отметить, что эта проблема достаточно актуальна и сегодня. Представители международных экстремистских органи-

заций никогда не скрывали, что одной из их целей является установление сфер влияния в Российской Федерации, в первую очередь на Юге России.

Достаточно сложной стала и внутривнутриполитическая обстановка в регионе. Основными факторами нестабильности здесь выступали межнациональные и межэтнические противоречия, в том числе вооруженного характера, сепаратистские настроения и идеи этногосударственности, территориальные претензии вновь образованных субъектов Российской Федерации друг к другу, изменение национального состава административно-территориальных образований, прежде всего за счет оттока русскоязычного населения в некоторых из них.

В то же время произошло серьезное изменение миграционных процессов, которые сыграли важную дестабилизирующую роль в рассматриваемом регионе. Как отмечалось ранее, сама по себе миграция – вполне закономерное явление, и ее вряд ли стоит относить к непосредственным криминогенным факторам. Тем не менее, в зависимости от конкретных обстоятельств она вполне способна приводить к изменениям в состоянии преступности. Некоторые специалисты относят ее к так называемым фоновым явлениям преступности¹.

В первую очередь следует отметить вынужденную миграцию, принявшую на Юге России в 1990-е гг. катастрофические масштабы². Общеизвестно, что в ряде регионов России, а также в некоторых государствах бывшего СССР в тот период имели место притеснения населения по национальному признаку, межэтнические конфликты и даже вооруженные действия, носившие характер локальных войн. При этом вполне естественно, что граждане, проживающие на таких территориях, для обеспечения собственной безопасности были вынуждены покинуть места постоянного жительства, в результате чего возникла вынужденная миграция. Миграционный удар приняли как раз субъекты русскоязычного пояса, входящие в данный момент в Южный федеральный округ (в основном Краснодарский край и Ростовская об-

¹ Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Общетеоретические проблемы криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. 1974. Вып. 20. С. 18.

² Проблемы вынужденной миграции в Южном регионе России. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2001.

ласть), а также Ставропольский край, находящийся в настоящее время в составе Северо-Кавказского федерального округа.

В связи с этим нельзя не отметить возникшую в те годы тенденцию к перераспределению национального состава субъектов Российской Федерации, наиболее ярко проявившуюся именно на территории нынешнего Южного федерального округа. При этом происходил интенсивный отток русскоязычного населения из национальных республик в другие субъекты региона. Так, с 1990 по 2001 г. показатель миграционного прироста в целом по России составил 21%, по Краснодарскому краю – 111%, по Ростовской области – 51%¹.

В результате вынужденной миграции оказывалась избыточная нагрузка на социальную инфраструктуру, а также на рынки труда, что повлияло и на криминогенную ситуацию в регионе. Кроме того, обозначенные процессы осложняли и психологическую обстановку в обществе. С одной стороны, беженцы и вынужденные переселенцы вызывали сочувствие у местных жителей, с другой – наблюдались раздражительные реакции за счет того, что у них самих на тот момент были очень серьезные проблемы с рабочими местами, социальным обслуживанием, а прибывающие усложняли и без того непростую социально-экономическую обстановку. Кроме того, возникали недопонимания, обусловленные особенностями менталитета.

Дестабилизирующая роль вынужденной миграции выражалась также в том, что беженцы и переселенцы попадали в группы криминогенного и виктимологического риска. Серьезные материальные проблемы, с которыми сталкивались мигранты, могли толкать их на совершение преступлений. В то же время из-за низкого уровня социальной адаптации и защищенности у них самих увеличивалась вероятность стать жертвами противоправных, в том числе преступных, посягательств.

Следующей особенностью миграционных процессов южного региона является специфика криминальной миграции, когда перемещение лиц производится именно с целью совершения пре-

¹ Савва М.В. Миграция в Южном федеральном округе. URL: <https://pandia.ru/text/78/271/9935.php>

ступлений¹. Если в других регионах России криминальная миграция проявляется преимущественно в преступной деятельности «гастролеров», совершающих общеуголовные преступления либо посягательства экономической направленности, то на Юге России дестабилизирующая роль криминально-миграционных процессов является более сложной. Для таких лиц особое значение приобретает совершение преступлений террористического характера и экстремисткой направленности, а также незаконного оборота оружия.

В данном случае специфику региональной миграции криминального характера можно рассматривать в двух аспектах. Так, граждане других государств прибывали в Российскую Федерацию для осуществления террористической деятельности. Однако эта форма криминальной миграции более была характерна для субъектов с крайне нестабильной криминогенной обстановкой (например, Чеченской Республики и Республики Дагестан). Для других территорий, включая административно-территориальные образования нынешнего состава Южного федерального округа, импорт преступности происходил как раз из регионов России, находящихся в эпицентре террористической и экстремисткой деятельности. Так, хорошо известно, что в 1990-е – начале 2000-х гг. большинство террористических актов, совершаемых на территории России, имело так называемый «кавказский след»².

Поскольку оперативная обстановка в сопредельном Северо-Кавказском федеральном округе продолжает оставаться не совсем стабильной, важным направлением уголовной политики, осуществляемым в Южном федеральном округе, является мониторинг криминальной ситуации не только в зоне ответственности соответствующих субъектов, но и на сопредельных территориях.

¹ Клейменов М.П., Свиридов В.С. Криминальное перемещение людей и миграция // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 128.

² Понятие «кавказский след» употребляется в связи с совершением преступлений террористического характера и экстремисткой направленности представителями организаций, дислоцирующихся на территории нынешнего состава Северо-Кавказского федерального округа, либо под их руководством, либо в их интересах. В настоящее время это редкость, однако «кавказский след» достаточно часто имел место при совершении террористических актов в 1990-х – начале 2000-х гг.

В 2010 г. из состава Южного федерального округа в самостоятельную административно-территориальную единицу (Северо-Кавказский федеральный округ) были выделены Ставропольский край, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика¹. При этом было принято беспрецедентное решение о наделении полномочного представителя Президента РФ в нем полномочиями заместителя Председателя Правительства РФ.

По нашему мнению, одним из оснований для такого решения со стороны руководства государства стало разделение основных направлений в вопросах реализации уголовной политики на региональном уровне по различным субъектам Российской Федерации. К тому времени ситуация на территории административно-территориальных образований, входящих в Южный федеральный округ, была уже достаточно стабильной и не вызывала особого беспокойства. В то же время в субъектах нынешнего состава Северо-Кавказского федерального округа она продолжала оставаться сложной, а в некоторых из них даже ухудшалась (Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан), что проявлялось в явном антигосударственном характере преступности, выражавшемся в очень высоком уровне экстремистской и террористической деятельности, упорных попытках дестабилизировать работу правоохранительной системы как основного звена обеспечения криминологической безопасности.

Таким образом, очевидно, что выделение из состава Южного федерального округа северокавказских республик и Ставропольского края было продиктовано именно вопросами, связанными с явно выраженными территориальными различиями преступности в сфере тактики и стратегии осуществления уголовной политики.

¹ См.: О внесении изменений в перечень федеральных округов: указ Президента РФ от 19.01.2010 № 82, утв. Указом Президента РФ от 13.05.2000 № 849; Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 12.05.2008 № 724. Рос. газ. 2010. 21 янв.

2.2. Современные факторы, влияющие на реализацию уголовной политики в Южном федеральном округе

Эффективность реализации уголовной политики в каком-либо регионе предопределяется прежде всего спецификой групп факторов, воздействующих на различные проявления преступности. Регионы Российской Федерации в этом плане достаточно разнородны. Успешное осуществление уголовной политики на региональном уровне невозможно без учета различных сфер жизнедеятельности общества, характерных для конкретного региона.

Факторы, воздействующие на реализацию уголовной политики, достаточно разнообразны. Если рассматривать их на общесоциальном уровне, то к их числу можно отнести многочисленные проблемы в деятельности органов охраны правопорядка, пробелы в различных отраслях законодательства, изъяны в системе воспитания и образования, семейное неблагополучие, проблемы, возникающие в связи с ресоциализацией лиц, ранее судимых за совершение преступлений, и многие другие. Большинство проблем достаточно известны, характеризуются преимущественно глобальным масштабом (актуальны для всего государства).

В рамках заявленной темы необходимо обратить внимание на факторы с явно выраженной региональной спецификой. Прежде всего целесообразно проанализировать экономическое положение Южного федерального округа. Общеизвестно, что именно экономический фактор является одним из основных в детерминации процессов, связанных с преступностью¹, а значит, и в особенностях реализации уголовной политики на региональном уровне.

В субъектах региона имеется ряд негативных факторов экономического характера, основными из них являются:

слабая диверсификация отраслевой структуры экономики;
недостаточная производительность труда в различных экономических отраслях;

¹ Экономика и преступность: диалектика взаимной обусловленности // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб: Издательский дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. С. 267–268.

проблемы, связанные с инновациями и высокими технологиями;

плохо развитая инженерная инфраструктура¹.

Так, показатели валового регионального продукта на душу населения здесь ниже, чем в среднем по России². Наименьшим он является в г. Севастополе (180 148,3 руб.), Республике Крым (204 571,4 руб.), Республике Адыгея (238 773,8 руб.), Республике Калмыкия (268 920,1 руб.). Более оптимистические показатели имеют: Волгоградская область (338 860,7 руб.), Ростовская область (343 408,7 руб.), Краснодарский край (416 760,2 руб.), Астраханская область (544 793,4 руб.). Аналогичный среднероссийский показатель составляет 578 740 руб.

Большинство показателей, характеризующих общий уровень жизни населения, здесь также являются не совсем благополучными. При рассмотрении отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг очевидно, что благоприятным в этом плане является только Краснодарский край, где обозначенный показатель выше общероссийского (Россия – 1,58; Краснодарский край – 1,61). При этом в Республике Адыгея и г. Севастополе он составляет 1,50; в Ростовской области – 1,48; в Астраханской области – 1,36; в Волгоградской области – 1,35; в Республике Крым – 1,18; в Республике Калмыкия – 1,03³.

Экономические проблемы характерны и для других направлений. Так, во всех административно-территориальных образованиях, за исключением Краснодарского края и Волгоградской области, доля населения, находящегося за чертой бедности (с доходами ниже минимального размера оплаты труда), значительно выше, чем в среднем по России. Ситуация усугубляется и неблагоприятной обстановкой в сфере занятости населения.

В то же время регион имеет достаточно мощные, можно даже сказать, уникальные, преимущества для развития, прежде всего с точки зрения транспортно-географического расположения, бла-

¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (разработан Минэкономразвития России). Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/prognoz-dolgosrochnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-rossiiskoi-federatsii-na/prognoz/13/13.2/iuzhnyi-federalnyi-okrug>

² По последним опубликованным Росстатом данным за 2018 г.

³ Рейтинг регионов по доходам населения – 2021 // РИА-рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html>

гоприятных, особенно в масштабах Российской Федерации, климатических условий, богатого природно-ресурсного потенциала. Все это создает перспективы для дальнейшего более эффективного развития многих отраслей экономики, в частности, туристического и санаторно-курортного направлений, сельского хозяйства, транспортно-транзитного сообщения, в первую очередь на транснациональном уровне.

Характерной особенностью Южного федерального округа является наличие в его составе субъектов с высоким показателем относительной численности сельского населения. Это свойственно Республике Калмыкия, Республике Адыгея, Республике Крым и Краснодарскому краю. Указанная специфика устройства региона порождает проблему так называемой сельской преступности¹, что также необходимо учитывать при реализации уголовной политики.

Для понимания региональной специфики этой проблемы необходимо обратиться к данным уголовной статистики об удельном весе преступлений, совершенных в сельской местности (рис. 27). В целом по России в 2020 г. этот показатель составил 19,1% от количества всех зарегистрированных. В ряде административно-территориальных образований данный показатель значительно выше. По Республике Калмыкия он составляет 43,2%, по Республике Адыгея – 40,9%, по Астраханской области – 31%, по Краснодарскому краю – 28,7%, по Республике Крым – 24,8%. Лишь в Ростовской и Волгоградской областях анализируемый показатель относительно низкий, приближенный к общероссийским значениям (19,6% и 16,7% соответственно).

¹ См.: Сорокин А.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005; Шуклина Е.А. Особенности преступности в сельской местности и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

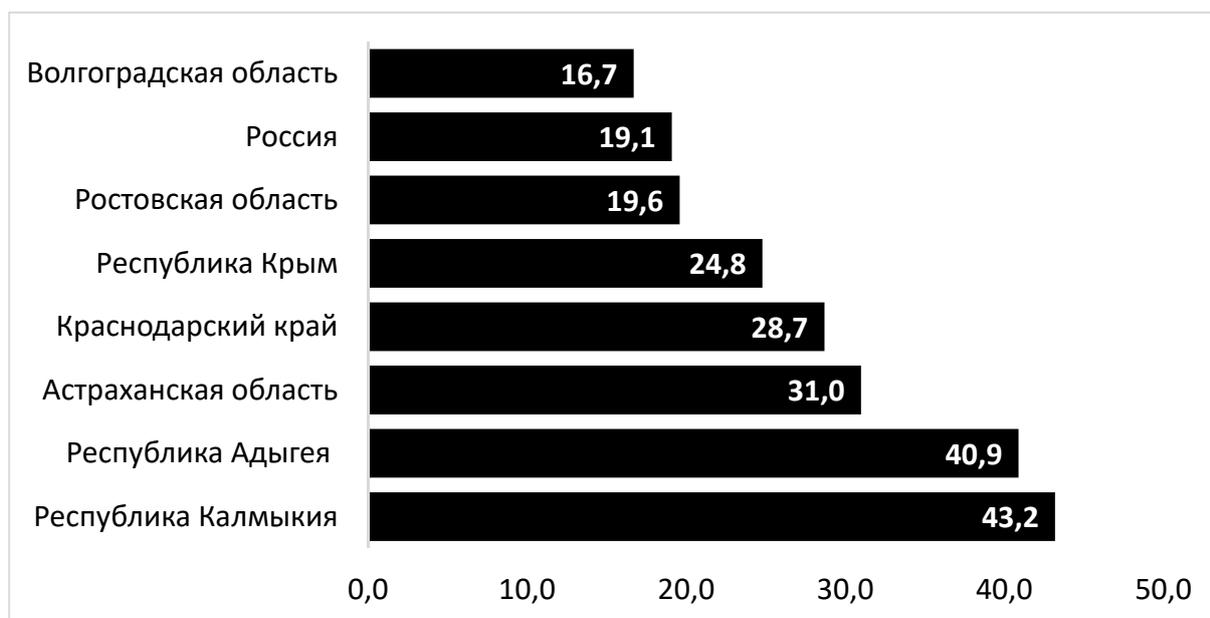

Рис. 27. Удельный вес преступлений, совершенных в сельской местности, в России и Южном федеральном округе в 2020 г.

Анализ уголовной статистики и результаты опроса экспертов показывают, что наиболее выраженной проблемой, детерминирующей преступность в сельской местности региона, является фактор маргинализации населения. К основным проблемам, характерным для региона, следует отнести:

1. Экономические трудности, связанные в основном с тем, что именно в сельской местности имеются наибольшие сложности с трудоустройством граждан. Ситуация усугубляется сезонностью доходов, получаемых от занятий сельским хозяйством, их зависимостью от неблагоприятных природных условий, которые зачастую лишают граждан стабильного и достаточного для нормальной жизни источника дохода. Примечательно, что наибольший удельный вес лиц, совершивших преступления без постоянного источника дохода, приходится именно на наименее урбанизированные субъекты Южного федерального округа, к которым относятся Краснодарский край (72%), Республика Калмыкия (70,7%), Республика Адыгея (70,3%), Республика Крым (70,2%)¹.

2. Слабо развитая социальная инфраструктура, проблемы с организацией досуга и культуры, жилищные и бытовые проблемы, особенно негативно отражающиеся на уровне жизни молодежи.

¹ По результатам состояния преступности за 2020 г.

3. Территориальная удаленность подразделений правоохранительных органов, приводящая к снижению уровня правового контроля за гражданами, их правовой защищенности, а также увеличению латентной составляющей преступности за счет того, что гражданам зачастую проблематично обратиться в представительства органов охраны правопорядка по поводу совершенных в их отношении преступлений и иных правонарушений, особенно если они связаны с малозначительным ущербом.

4. Аморальное поведение определенной части жителей сельской местности (например, злоупотребление алкоголем и другими психоактивными веществами).

Экономическая обусловленность преступности не вызывает сомнений. Финансово-материальные трудности граждан зачастую подталкивают их к совершению посягательств имущественного характера, оказывают негативное влияние на формирование личности в нравственно-моральном плане, усиливают нервозность в обществе, способствуя психологической и психической неустойчивости граждан.

Значимость экономической составляющей в детерминации преступности выходит за рамки так называемой общеуголовной преступности, в данном случае первостепенны проблемы в сфере реализации уголовной политики. Исходный посыл рассматриваемого вопроса заключается в том, что здесь образуется триада связанных между собой факторов следующего свойства:

1. Экономические проблемы являются детерминантами совершения преступлений (криминогенная группа факторов).

2. Меры, направленные на экономическое обустройство региона, в данном случае Южного федерального округа, способствуют локализации причин и условий преступности экономического характера (антикриминогенная группа факторов).

3. Экономическая привлекательность региона с точки зрения развития различных сфер интересует и представителей криминального мира.

В связи с этим в случае серьезных просчетов в области реализации уголовной политики действия позитивного характера, направленные на нейтрализацию экономических детерминант преступности, могут дать обратный эффект, т. е. привести к ситуации, когда антикриминогенные факторы выступают в роли

криминогенных, что обусловит проблемы по следующим направлениям:

- криминализация бизнеса;
- увеличение теневого сектора экономики;
- повышение уровня экономической преступности;
- всевозможные проявления коррупции на различных уровнях;
- рост латентной составляющей преступности.

Таким образом, развитие экономики должно сопровождаться совершенствованием мер ее уголовно-правовой охраны, в противном случае возможны крайне неблагоприятные последствия.

Региональные особенности экономического фактора при воздействии на специфику реализации уголовной политики в Южном федеральном округе не ограничиваются перечисленными криминальными явлениями. Существуют повышенные риски с точки зрения распространения одиозной экстремистской и террористической деятельности, где экономические детерминанты играют довольно важную роль¹.

Рассмотрение регионов со стабильной криминогенной обстановкой позволяет утверждать, что экономическая роль в детерминации преступности проявляется преимущественно в совершении общеуголовных преступлений, чаще всего имущественного характера, зачастую не представляющих большой общественной опасности. Однако на территориях с повышенными факторами риска экстремистских и террористических проявлений (например, в субъектах Северо-Кавказского федерального округа лица с низкими источниками дохода либо вообще без него, а также молодежь являются наиболее уязвимым контингентом с точки зрения возможности их вовлечения в такую деятельность. В связи с этим зачастую возникает проблема финансирования экстремистских и террористических организаций.

Аналогичный путь развития Южного федерального округа не является высоко вероятным, однако полностью не исключается. При проведении аналогий с событиями, происходившими в дру-

¹ Сундиев И.Ю., Серый Ф.Г. Мотивация преступного поведения участников террористических и экстремистских организаций, истоки формирования таких организаций // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 77–78.

гих государствах, нельзя не отметить, что экстремистская и террористическая деятельность зачастую возникает именно на фоне нестабильной экономической ситуации под воздействием неблагоприятных факторов как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического характера.

Попадание Южного федерального округа в зону повышенного риска предопределяется сочетанием следующих групп факторов:

1. Регион занимает важнейшее геополитическое положение и имеет приграничный статус, что делает его уязвимым с точки зрения воздействия внешних сил для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации.

2. Непростая международная обстановка значительно обострилась с февраля 2022 г., что обусловлено сложной военно-политической ситуацией на территории Украины, находящейся в географической близости к Южному федеральному округу, а также ухудшением отношений с рядом государств. В свою очередь, экстремистская и террористическая деятельность тесно связана с внешнеполитическими факторами преступности.

3. Соприкосновение с границами Северо-Кавказского федерального округа, в ряде субъектов которого оперативная обстановка и в настоящее время является достаточно сложной, не позволяет исключить так называемый транзит преступности, а также различные проявления криминальной миграции.

4. Многонациональный состав региона, который сам по себе не является криминогенным фактором, при определенных условиях под воздействием деструктивных сил способен привести к столкновениям на межнациональной основе. Кроме того, как зарубежный, так и отечественный негативный опыт показывает, что иногда ситуация выходит за рамки бытовых конфликтов, возникающих по национальному признаку, что приводит к более серьезным последствиям (например, радикальным проявлениям национализма, идеям этногосударственности и сепаратистским настроениям). Аналогичные события возможны и на основе межрелигиозных противоречий.

Поскольку геополитический фактор является наиболее сложным и вызывает серьезные опасения с точки зрения его влияния на потенциальную ситуацию в Южном федеральном округе, необходимо рассмотреть его более подробно.

Не является преувеличением утверждение, что Южный федеральный округ выступает форпостом на наиболее важном стратегическом направлении Российской Федерации, и от обстановки, складывающейся в регионе, во многом зависит сохранение российской государственности. Внешнеполитическая ситуация во всех географических направлениях Юга России является нестабильной, что подтверждается следующими факторами:

1. Чрезвычайно сложные отношения между руководством Российской Федерации и приграничной Украины, существующие с 2014 г. территориальные споры, наличие в составе Украины непризнанных территориальных образований.

2. Государственная граница с Абхазией и непосредственная близость к Южной Осетии, которые являются частично признанными государствами, и, как следствие, высокий уровень политической нестабильности в них. Подтверждением изложенного служат военные события августа 2008 г. с участием Вооруженных сил Российской Федерации.

3. Среднеазиатское направление, также являющееся фактором нестабильности в связи со сложной, а порой и неконтролируемой политической ситуацией в ряде ближневосточных стран (что увеличивает риски проникновения на территорию среднеазиатских государств представителей экстремистских организаций и сторонников радикальной исламизации).

4. Относительная географическая близость к государствам со сложной политической ситуацией, в первую очередь к ним относятся Иран и Сирия, а также Турция, во взаимоотношениях с которой время от времени возникают проблемы.

Схематически взаимодействие факторов криминальных угроз с учетом геополитического положения Южного федерального округа отображено на рис. 28.

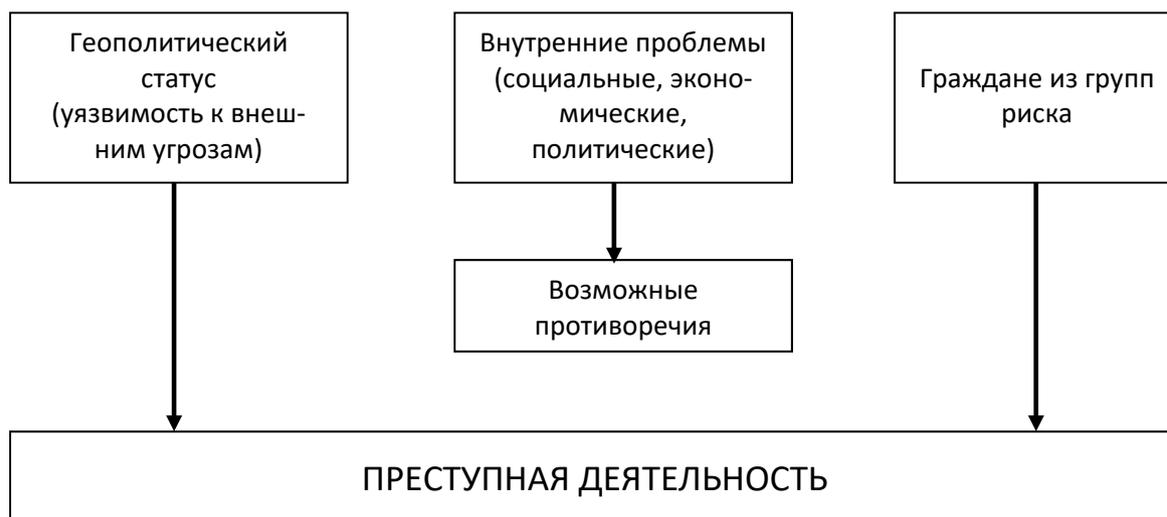

Рис. 28. Факторы риска с учетом геополитического положения Южного федерального округа

Следующей группой факторов, воздействующих на региональные особенности реализации уголовной политики в Южном федеральном округе, являются проблемы миграции¹, которая достаточно давно привлекает внимание специалистов именно на Юге России². В настоящее время интенсивность миграционных процессов в Южном федеральном округе является одной из самых высоких в стране³. По прогнозам специалистов, такая же тенденция сохранится и в ближайшей перспективе⁴.

Проблема влияния миграции на преступность заключается не только в совершении преступлений вновь прибывшими лицами. Миграция, будучи вполне естественным и во многом даже позитивным явлением и не выступая непосредственным фактором

¹ Следует иметь в виду, что под миграцией в широком смысле понимается не только перемещение граждан из одного государства в другое. Это всего лишь один из видов миграций, а именно внешняя миграция. Существует еще внутренняя миграция, когда лица перемещаются внутри одного государства между различными административно-территориальными образованиями.

² См., напр.: Вьюнов Ю.И. Влияние миграционных процессов на преступность в Южном федеральном округе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

³ См., напр.: Миграция в России: предварительные итоги 2020 года // Демоскоп. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0927/index.php>

⁴ Куда? На юга. Экспертная оценка и прогноз демографической ситуации в Южном федеральном округе // Аргументы недели. URL: <https://argumenti.ru/society/2020/08/681654>

преступности, при определенных условиях предполагает более высокую криминогенную нагрузку, выполняя дестабилизирующую функцию, которая может усугублять имеющиеся причины и условия, детерминирующие преступность¹.

Явно выраженный криминальный оттенок имеют следующие типы миграции:

1. Незаконная и нелегальная миграция, когда мигранты пересекают границы административно-территориальных образований либо находятся на территории прибытия в нарушение установленных правил.

2. Криминальная миграция, т. е. перемещение лиц, а также криминальных технологий² с целью совершения преступлений на определенной территории. При этом наибольшую опасность для региона Юга России представляет миграция граждан, связанных с террористическими или (и) экстремистскими организациями, преступными сообществами, действующими на транснациональном уровне.

3. Незаконное перемещение криминальных товаров, т. е. запрещенных либо ограниченных в обороте обычными гражданами (оружия, наркотических средств), а также контрабанда.

Ситуация в данном направлении усугубляется пробелами в законодательстве, регулирующем вопросы миграции, что способствует низкому уровню контроля над перемещением граждан³.

В миграционных процессах можно выделить два основных специфических направления.

Первым из них является вынужденная миграция, с которой столкнулись в первую очередь Ростовская область и Краснодарский край после начала боевых действий на территории Луганской и Донецкой областей Украины. Основная дестабилизирую-

¹ Немытина М.В. Регулирование миграционных процессов в России: соотношение политики и права // Миграция в России (проблемы правового обеспечения): сб. науч. ст. / под ред. М.В. Немытиной. Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 9.

² См., напр.: Метелев С.Е. Криминальная миграция: характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996. 165 с.; Свиридов В.С. Криминальное перемещение людей: характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 199 с.

³ Магомедов Э.Б. Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. С. 5.

щая роль вынужденной миграции заключается в увеличении нагрузки на местную инфраструктуру, а также в высокой степени виктимности беженцев, когда из-за проблем с социальной адаптацией к новым условиям у них значительно возрастают риски стать жертвами противоправных посягательств. Кроме того, специалистами отмечается, что преступления, совершаемые такими лицами, а также против них, обладают повышенной степенью латентности¹.

В настоящее время проблема вынужденной миграции для Южного федерального округа актуализируется, и нельзя исключать, что в случае серьезного осложнения оперативной обстановки на какой-либо из сопредельных территорий криминогенные факторы миграции усилятся.

Вторая особенность миграционных процессов в Южном федеральном округе связана с тем, что в его состав входят пользующиеся большой популярностью курорты, расположенные преимущественно на Черноморском побережье Краснодарского края, Республики Крым и г. Севастополя, из чего вытекает проблема противодействия преступности в городах-курортах². Исследования показывают, что состояние преступности в курортных регионах Южного федерального округа имеет свою специфику³.

Необходимо учитывать, что одной из причин совершаемых в курортных городах преступлений является виктимное поведение потерпевших. Туристы зачастую находятся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, чем провоцируют совершение посягательств против себя, снижая критическое поведение, бдительность и ослабляя контроль за сохранностью своего имущества. По причине нежелания огласки либо «беспамятства» потерпевших такие преступления характеризуются повышенной степенью латентности. Кроме того, состояние опьянения зачастую побуждает их самих идти на совершение определенных деяний.

¹ См., напр.: Бышевский Ю.Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 10, 90.

² См., напр.: Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

³ Вишневецкий К.В., Козаев Н.Ш., Аведян А.А. и др. Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 181.

В свою очередь, места массового отдыха туристов являются притягательными для мошенников, «карманников», распространителей наркотических и иных одурманивающих веществ, нелегальной алкогольной продукции. Такие преступления могут совершаться и так называемыми «гастролерами», которые могут совмещать отдых и преступную деятельность.

Кроме того, следует выделить трудовую миграцию, которая характерна для крупных городов Южного федерального округа. Основная криминогенная нагрузка данной разновидности миграции заключается в том, что среди таких мигрантов высок процент нелегалов¹, обладающих повышенными рисками. Главными из них являются неудовлетворительные жилищные условия, организация их отдыха и досуга. Кроме того, существуют серьезные проблемы защиты прав этих лиц в связи с нелегальным положением. Как правило, из-за опаски быть привлеченными к ответственности в связи с незаконным статусом указанные граждане не обращаются в правоохранительные органы при совершении против них различного рода посягательств, что также увеличивает латентность преступности. Кроме того, незаконная и нелегальная миграция зачастую увеличивает различного рода злоупотребления и проявления коррупции.

¹ См., напр.: Баранов А.В., Костенко Ю.В. Миграционная политика в Краснодарском крае: этнополитический аспект // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-krasnodarskom-krae-etnopoliticheskiy-aspekt>

Глава 3. Перспективные направления развития уголовной политики Юга России

Традиционный подход к анализу состояния преступности заключается в том, что тенденция роста воспринимается в негативно, а снижения – позитивно. Мы считаем данный подход упрощенным, не совсем правильным и устаревшим, не отвечающим в полной мере современным реалиям.

Обозначенная точка зрения основывается на советской криминологической доктрине. Действительно, во времена существования СССР, когда криминогенная ситуация была стабильной, причинный комплекс преступности был устойчивым, уголовное законодательство не подвергалось значимым изменениям, такой подход был вполне оправдан. Однако в настоящее время он требует серьезной корректировки.

Важно иметь в виду, что современное законодательство достаточно часто подвергается изменениям. Так, в 2002 г. кражи с малозначительным ущербом были переведены в категорию административных правонарушений. Это привело к сокращению количества зарегистрированных краж почти на 30%, в связи с тем что преступления, предусмотренные ст. 158 УК РФ, являются наиболее распространенными в структуре всей преступности. В результате этих нововведений общее число всех зарегистрированных уголовно наказуемых деяний снизилось на 15%. В данном случае ситуация обусловлена объективным фактором уголовно-законодательного характера.

Другим характерным примером является ситуация 2003 г., когда была осуществлена декриминализация множества преступлений. В общей сложности изменения были внесены более чем в 200 статей УК РФ. Вполне естественно, что показатели по отдельным взятым видам преступлений значительно сократились.

Декриминализация посягательств, коснувшаяся, в том числе, незаконного оборота оружия, привела к значительному сокращению соответствующей категории преступлений, что некоторыми исследователями, а также практическими работниками ошибочно было воспринято как снижение наступательности и ухудшение эффективности работы правоохранительных органов по выявлению фактов незаконного оборота оружия. Декриминализация

некоторых деяний, за которые ранее была предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 264 УК РФ, наоборот, могла ошибочно трактоваться как значительное улучшение работы по предотвращению дорожно-транспортных происшествий с тяжелыми последствиями.

Другой причиной, на основании которой данный подход является не совсем правильным, выступает так называемая «палочно-галочная» система, способствующая бюрократизации и формализму в деятельности органов охраны правопорядка, распространению практики нарушений учета регистрационной дисциплины и различных манипуляций с уголовной статистикой, а значит, увеличению латентной составляющей преступности. В настоящее время наметилась тенденция к уходу от этой системы, однако традиционный количественный учет состояния преступности сохраняется. Кроме того, указанные недостатки могут провоцировать совершение должностных преступлений сотрудниками правоохранительных органов¹.

На основании изложенного возникают вопросы, связанные с оценкой состояния преступности применительно к видам уголовно наказуемых деяний, по которым преимущественная работа ведется не «от преступления» (по заявлению потерпевшего либо по факту причиненного ущерба), а «на преступление» (в результате деятельности правоохранительных органов по установлению неочевидных обстоятельств совершения преступления, например, по выявлению фактов незаконного оборота оружия, наркотиков, экономических, коррупционных преступлений и т. п.).

Помимо этого, возникает вопрос, являются ли рост либо снижение количества таких преступлений положительной (или негативной) тенденцией. Действительно, увеличение числа зарегистрированных преступлений можно трактовать как улучшение эффективности работы правоохранительных органов, в результате чего посягательств из латентной среды выявляется больше. В то же время приведенная картина может свидетельствовать и о реальном осложнении криминогенной ситуации (например, по линии незаконного оборота оружия или наркотиков).

¹ См., напр.: Полицейского в Краснодарском крае осудили за «закладки» // Новые известия. URL: <https://kuban.newizv.ru/news/incident/17-12-2021/politseyskogo-v-krasnodarskom-krae-osudili-za-zakladki>

Для ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ выявляемых преступлений. Так, если органами охраны правопорядка будут выявлены крупные наркодельцы и при этом будут перекрыты каналы поставок наркотических средств в незаконный оборот, в дальнейшем вполне закономерным будет сокращение наркопреступности. В данном случае важно акцентировать внимание не на отдельно взятых преступлениях, которые могут являться работой «на корзину» для улучшения показателей, а на изобличении организаторов такой деятельности, разобщении преступных групп и прерывании криминальных цепочек.

Изложенное не означает, что динамику преступности следует игнорировать. Безусловно, это значимый показатель при оценке состояния криминальной ситуации и криминологической обстановки, а также эффективности деятельности правоохранительных органов. Следует отказаться от упрощенных подходов к оценке состояния преступности.

Рост регистрируемой преступности не всегда следует расценивать как негативный фактор. В случае если тенденции увеличения числа уголовно наказуемых деяний обусловлены сокращением латентной составляющей преступности, необходимо их расценивать положительно. В качестве примера можно привести упомянутую ранее ситуацию с декриминализацией отдельных категорий краж 2002 г. Как отмечалось, в целом по России это привело к довольно ощутимому снижению как преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, так и всей преступности. При этом в Москве, где были значительно активизированы меры, направленные на недопущение фактов укрытия преступлений, зафиксирован значительный рост регистрации краж¹.

Резюмируя представленную информацию, отметим, что оценка динамики и тенденций количества зарегистрированных преступлений должна сочетаться с анализом следующих факторов:

возможные изменения в законодательстве, в первую очередь уголовном;

состояние учетно-регистрационной дисциплины, прежде всего в системе МВД России;

¹ Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008. С. 134.

расширение практики изучения реального состояния преступности в том или ином субъекте Южного федерального округа (с учетом латентности) с привлечением социологических методов исследования (например, репрезентативных анонимных опросов граждан по совершенным против них преступным посягательствам);

оценка доверия населения к деятельности органов охраны правопорядка;

другие элементы, отражающие состояние преступности, их соотношение.

В связи с этим необходимо обратить внимание на одну из проблем, затрудняющих эффективную реализацию уголовной политики на региональном уровне, заключающуюся в достаточно высоком уровне латентной составляющей преступности. Основная негативная нагрузка обозначенного явления проявляется в следующих факторах:

нарушение принципа неотвратимости наказания за совершение преступления;

формирование в обществе негативного мнения о том, что государственные структуры не способны обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан;

снижение уровня доверия к деятельности правоохранительных органов, а также их авторитета;

искаженное представление о состоянии криминогенной обстановки, реальных объемах преступности, ее уровне, динамике и структуре;

ошибочное представление о характере ущерба, причиняемого в результате совершения уголовно наказуемых посягательств;

неэффективное криминологическое прогнозирование состояния преступности.

Перечисленные обстоятельства существенно затрудняют выработку эффективных мер по формированию тактики и стратегии противодействия преступности, профилактике преступлений и реализацию других направлений уголовной политики.

Как известно, латентная преступность формируется под влиянием двух факторов:

1. Практика нарушений учетно-регистрационной дисциплины (укрытая преступность).

2. Необращение граждан в правоохранительные органы по поводу совершения в их отношении преступлений (незаявленная, или невыявленная, преступность).

Результаты опросов экспертов, а также факторный анализ показывают, что основные причины и условия латентизации преступности в Южном федеральном округе в целом совпадают с таковыми по Российской Федерации. Однако на региональном уровне имеется и своя специфика. В связи с этим целесообразно выделить основные категории граждан, характеризующихся повышенными факторами риска с точки зрения увеличения латентности посягательств, с большой степенью вероятности не заявляющих о совершении в их отношении преступлений:

1. Представители некоторых этнических народностей, традиции и обычаи которых позволяют решать возникающие конфликты самостоятельно, без обращения в компетентные органы, что свидетельствует о низком уровне их правосознания. Региональная специфика обозначенного фактора заключается в том, что Южный федеральный округ является многонациональным, а также имеет административно-территориальные образования, сформированные по национальному признаку (республики Калмыкия и Адыгея). При этом имеются основания полагать, что низкий уровень преступности в ряде субъектов региона связан, в том числе, с увеличением латентности совершаемых уголовно наказуемых деяний.

2. Определенные категории мигрантов, особенно находящиеся на территории Южного федерального округа на нелегальном положении. Основной проблемой здесь выступают опасения по поводу возможности выявления правоохранительными органами их незаконного статуса и привлечения к ответственности данной категории граждан, а также низкий уровень их социальной адаптации в местном социуме.

3. Потерпевшие от внутрисемейных, в первую очередь насильственных, преступлений. Обстоятельства совершения таких посягательств зачастую связаны с сугубо личными, интимными моментами, которые не принято выносить на всеобщее обозрение. По данным специалистов, латентность таких преступлений

является очень высокой, составляя порядка 76%¹. Роль данного фактора в Южном федеральном округе возрастает с учетом многонациональности региона.

4. Виктимные потерпевшие, т. е. спровоцировавшие совершение против себя преступлений. Доминирующим мотивом не обращения таких граждан в правоохранительные органы является нежелание огласки своих действий, возможно аморальных или даже противозаконных. Региональная особенность рассматриваемой категории потерпевших заключается в том, что жертвами данных преступлений зачастую становятся туристы, допускающие вызывающее либо безответственное поведение.

5. Лица, ведущие недобропорядочную, аморальную, антиобщественную жизнь, которые всячески избегают любых контактов с органами охраны правопорядка во избежание привлечения их к ответственности за различные правонарушения.

6. Представители криминального мира либо лица, осуществляющие иную противоправную деятельность, не обращающиеся в органы охраны правопорядка в целях недопущения выявления правоохранительными органами совершаемых ими преступлений. Кроме того, зачастую указанные лица имеют возможность решать конфликты с уголовно-правовой окраской другими способами.

7. Лица, страдающие различными нарушениями психики, не заявляющие о совершении в их отношении преступлений из-за неадекватного восприятия окружающей действительности и, возможно, беспомощности.

8. Граждане с низким уровнем правовой грамотности, воспринимающие совершение против них противоправного посяательства как норму.

Следующим обстоятельством, влияющим на эффективность реализации уголовной политики, является общественное мнение как о криминогенной ситуации, так и о деятельности правоохранительных органов. Значимость данного направления реализации уголовной политики заключается в том, что без поддержки насе-

¹ См., напр.: Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2003. С. 194.

ления невозможно эффективное противодействие различным проявлениям преступности. Возникновение проблем в данном направлении обуславливает различные негативные последствия:

увеличение объема латентной составляющей преступности, преимущественно за счет снижения уровня обращения граждан в компетентные органы по поводу совершаемых против них посягательств;

отказ от сотрудничества с правоохранительными структурами по вопросам выявления и расследования преступлений;

многочисленные проблемы в сфере предупреждения преступности и профилактики преступлений;

снижение уровня правосознания и правовой культуры граждан; укрепление стереотипных установок негативного характера о деятельности правоохранительных органов и формирование предвзятого отношения к ним.

Поскольку основным субъектом, осуществляющим уголовную политику¹, являются органы внутренних дел, интересными представляются сведения об уровне доверия деятельности полиции.

Результаты социологических опросов показывают, что в ряде субъектов Южного федерального округа имеются проблемы с доверием к деятельности органов внутренних дел. Худшими являются следующие показатели:

«Уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов от преступных посягательств» – Астраханская область;

«Уровень доверия к органам внутренних дел в обеспечении личной и имущественной безопасности граждан» – Астраханская и Ростовская области;

«Оценка эффективности деятельности органов внутренних дел как государственного органа по защите интересов граждан» – Астраханская и Ростовская области;

¹ Борчашвили И.Ш., Жуманизов М.А. Реализация уголовной политики // Безопасность личности и виктимологические аспекты предупреждения преступлений: материалы науч.-практ. конф. М.: ВНИИ МВД России, 2007. Ч. 2. С. 34.

«Уверенность граждан в защищенности на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта» – Астраханская область¹.

В целом уровень доверия к деятельности органов внутренних дел в Южном федеральном округе можно оценить как удовлетворительный.

С учетом специфики геополитического статуса Южного федерального округа, его внутренних и внешних криминогенных рисков, непростой политической обстановки в мире, в том числе в ряде государств в относительной близости от российских границ, считаем важным выделить такое направление уголовной политики, как противодействие экстремисткой и террористической деятельности.

Современный терроризм в значительной мере носит международный характер и представляет собой угрозу для всего мирового сообщества, в том числе для цивилизованных стран. Несмотря на предпринимаемые меры, он характеризуется сплоченностью деятельности террористических организаций, высоким уровнем их координации, достаточными финансовыми и техническими возможностями для осуществления целей. Основными целями терроризма являются запугивание населения, демонстрация бессилия государства перед гражданами и подрыв его авторитета, давление на международное сообщество, попытки принуждения государственных структур к принятию каких-либо политических решений.

Значительно видоизменились и методы террористической активности, в ходе которой широко используются способы психологического воздействия как на руководителей государств, так и на обычных граждан, в том числе для создания антиправительственных настроений в целях изменения форм государственного устройства и даже захвата власти. Современные террористические организации делают акцент не на совершение отдельных терактов и диверсий, а на крупномасштабные операции, имеющие характер террористических войн. Именно такие процессы в

¹ Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/publicopinion>

недавнем прошлом наблюдались в некоторых североафриканских и ближневосточных государствах (Ливия, Египет, Ирак, Сирия, Йемен).

Существующие тенденции в деятельности террористических организаций позволяют сделать вывод, что в ближайшем будущем их активность и попытки дестабилизировать политическую ситуацию в различных государствах ослабевать не будут. Скорее, наоборот, они будут стремиться к расширению географии своей деятельности, использованию новых методов и средств, укреплению технической оснащенности и финансовой базы.

Такие выводы сделаны на основании того, что в настоящее время значительно изменились цели, которые ставят террористические организации. Их деятельность направлена не столько на дестабилизацию оперативной обстановки и воздействие на принятие каких-либо решений, сколько на насильственные захваты власти, взятие под свой контроль государств и изменение их политических режимов.

В настоящий момент обстановка в этом направлении в регионе является достаточно спокойной. Тем не менее, опыт некоторых ближневосточных и североафриканских стран, а также украинские события 2014 г., обстановка в Казахстане подтверждают, что экстремистская и террористическая деятельность довольно часто возникает неожиданно, развивается стремительно, существенно угрожая государственности как таковой. Примечательно, что во всех случаях присутствует геополитическая составляющая, а также существуют другие факторы риска, которые в той или иной степени схожи с таковыми на Юге России.

Террористическая и экстремистская преступность в Южном федеральном округе характеризуется динамикой преимущественного роста. Так, с 2015 по 2020 г. число выявленных преступлений террористической направленности в регионе возросло с 64 до 249, т. е. почти в 4 раза, а экстремистской направленности – с 91 до 104.

С одной стороны, такая тенденция связана с объективными факторами, а именно изменениями в уголовном законодательстве, с другой – сложившаяся ситуация является следствием

возрастающих экстремистских и террористических угроз, особенно отчетливо проявивших себя начиная с 2014 г. (события в сопредельной Украине, а также активизация международных радикальных организаций религиозно-исламистского толка, например Исламского государства, запрещенного на территории Российской Федерации). Вполне естественно, что субъекты осуществления уголовной политики в сфере противодействия различным проявлениям экстремизма и терроризма усилили свою деятельность, в том числе профилактического характера.

Отдавая себе отчет в том, что статистические сведения о состоянии террористической и экстремистской преступности недостаточно информативны в значительной степени за счет того, что этих посягательств совершается относительно небольшое количество, а приоритетной оценкой является не количественная, а качественная компонента, тем не менее, отметим, что данные уголовной статистики в Южном федеральном округе отличаются от общероссийских.

Так, удельный вес преступлений террористического характера в среднем по России незначителен и составляет всего 0,1%. В то же время в некоторых субъектах региона он выше. Это относится к Республике Крым (0,3%), Республике Адыгея (0,5%) и Республике Калмыкия (0,9%). Кроме того, анализируемый показатель Республики Адыгея по результатам 2020 г. составил 0,4% при среднероссийском 0,04%.

Характерной особенностью рассматриваемой группы преступлений является то, что основную опасность представляют не сами факты их совершения, а значительный дестабилизирующий фактор, который может быть направлен, в том числе, на разрушение государственности. В данном случае приходится констатировать, что Южный федеральный округ является достаточно уязвимым в этом плане, преимущественно за счет своего геополитического статуса и географического положения.

Наибольшим криминогенным риском для региона является значительная активизация международных террористических организаций, например «Исламского государства» (запрещена в Российской Федерации), имеющего амбиции, в том числе, на территорию России, а именно на северокавказские республики. В результате проведенных контртеррористических мероприятий дан-

ной организации нанесен значительный урон, однако нельзя исключать возобновления ее активности либо расширения деятельности других экстремистских сообществ. «Исламское государство» (запрещено в России) предпринимало попытки осуществления террористической деятельности, в том числе на территории Южного федерального округа¹.

Рассматривая потенциальные риски, связанные с угрозой распространения экстремизма, нельзя не отметить деятельность националистически настроенных радикальных элементов на территории Украины, находящейся в непосредственной географической близости к Южному федеральному округу. Украинские радикалы, а также некоторые политические деятели этого государства имеют амбиции, направленные на отторжение части российских территорий с целью их присоединения к Украине². Это относится не только к Республике Крым и г. Севастополю, но и, например, к Краснодарскому краю³.

В настоящее время лица, обладающие экстремистскими наклонностями, в России малочисленны и массовой поддержкой у населения не пользуются. Однако опыт других государств показывает, что такие процессы зачастую происходят на фоне социально-экономической и политической нестабильности в сочетании с высокой протестной активностью граждан, что может сопровождаться увеличением поддержки деятельности экстремистов.

Стандартный шаблон деструктивных сил включает именно деятельность по дестабилизации криминогенной обстановки, которая может проявляться следующим образом:

1. Присоединение к протестным акциям населения, недовольного уровнем жизни, какими-либо решениями государственных органов, политическими событиями, с разжиганием конфликтов между гражданами, придерживающимися различных взглядов, провоцирование массовых беспорядков.

¹ См., напр.: ИГИЛ взяла на себя ответственность за нападение на Росгвардию в Астрахани. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e64fb29a7947642f8ebfaf>

² См., напр.: «Повернути Кубань!» Зачем политики Украины возвращают то, чем не владели // Аргументы и факты. Федеральный АИФ. 2019. 28 окт.

³ См., напр.: На Украине заявили о начале «возвращения» Кубани // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20211226/kuban-1765510044.html>

2. Стимулирование деятельности экстремистских организаций, их финансирование, вовлечение в противоправную деятельность представителей маргинальной части общества, а также законопослушного населения, преимущественно из наименее социально защищенных слоев населения.

3. Совершение террористических актов, основной целью которых является устрашение и запугивание населения, а также демонстрация беспомощности органов государственной власти, в первую очередь правоохранительных структур. При этом немаловажно, что современный терроризм в значительной мере носит международный характер¹.

4. Информационное противоборство, преимущественно с использованием медиaprостранства, пропаганды, так называемых «вбросов», дезинформации, разжигания ненависти и ксенофобии.

Противодействие террористической и экстремистской преступности как в целом по России, так и в Южном федеральном округе реализуется достаточно эффективно. Вместе с тем обострение международной ситуации и военно-политической обстановки на территории сопредельной Украины значительно повышает риски совершения террористических актов и увеличения активности экстремистских организаций.

Если ранее основной формой террористических угроз была деятельность организаций, связанных с радикальными, искаженными формами ислама, то сейчас к ним добавилась еще одна. Так, в апреле 2022 г. в части районов Краснодарского края и Республики Крым были введены высокие уровни террористической угрозы в связи с возможными провокациями украинских националистов². Аналогичные меры вводились также в Курской, Воронежской, Белгородской областях. На фоне общей нестабильности возможна активизация деятельности радикальных религиозно-

¹ Паненков А.А. Некоторые направления совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с терроризмом // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004. С. 87.

² См., напр.: В Крыму и на Кубани ввели высокий уровень террористической угрозы. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/04/2022/625452989a7947eac992b432>

исламистских объединений либо отдельных лиц, являющихся приверженцами таких идей¹.

Изменились и формы террористической деятельности. Например, 1 апреля 2022 г. украинские военные нанесли авиаудар по нефтебазе в Белгородской области, в результате чего Следственным Комитетом РФ было возбуждено уголовное дело по п. «в» ст. 205 УК РФ². С учетом того что Южный федеральный округ находится в непосредственной географической близости с очагами военно-политической нестабильности, вероятность совершения террористических актов на его территории значительно возрастает.

Потенциально возможное увеличение фактов незаконного оборота оружия также требует усиления мер уголовно-политического реагирования в связи с обозначенными событиями. При этом приоритетной задачей правоохранительных органов является недопущение развития такого сценария. То, что на территориях, сопредельных с регионами со сложной военно-политической обстановкой, увеличивается количество оружия, находящегося в незаконном обороте, хорошо известно. Этому способствуют следующие факторы:

1. Большое количество военизированных организаций, сосредоточенных на данных территориях, откуда могут расхищаться и утрачиваться оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства.

2. Приграничный фактор, активные миграционные процессы, которые могут сочетаться с криминальной миграцией, контрабандой предметов, ограниченных в гражданском обороте. Следует учитывать, что вынужденные мигранты из беспокойных регионов также могут иметь при себе оружие и боеприпасы.

3. Приобретение гражданскими лицами оружия для самообороны, а также обеспечения защиты близких ввиду нестабильной оперативной обстановки.

4. Благоприятные условия для реализации неучтенного оружия, являющейся формой криминального бизнеса.

¹ ФСБ предотвратила теракт на железной дороге в Крыму. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bb448591>

² СК возбудил дело после теракта ВСУ в Белгородской области // Информационное агентство «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/02/delo>

5. Блок проблем, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, объективно предполагающих использование оружия, находящегося в незаконном обороте.

Изменение политической ситуации и осложнение международной обстановки весьма вероятно отобразится и на экономической ситуации в России, имеющей тесную связь с преступностью. Какими будут эти изменения предсказать достаточно сложно. Вместе с тем целесообразно обратить внимание на криминогенные риски, которые с высокой степенью вероятности могут возникать в связи меняющейся экономической ситуацией, что требует принятия превентивных мер, в том числе уголовно-политического характера. К основным из них относятся:

1. Возможное снижение уровня жизни граждан и ухудшение ее качества, связанные с инфляцией и увеличением безработицы, при определенных условиях могут спровоцировать рост так называемой общеуголовной преступности, преимущественно корыстной направленности (краж, грабежей и т. п.).

2. Для Южного федерального округа характерен высокий уровень преступности лиц без постоянного источника дохода. С учетом складывающейся экономической обстановки имеются основания полагать, что такая же ситуация сохранится и в ближайшей перспективе.

3. Особого внимания требует проблема предотвращения финансирования деятельности экстремистских организаций. Практика показывает, что экономические трудности среди населения являются благоприятной почвой для вовлечения в эту деятельность законопослушных граждан из социально уязвимых слоев населения, к которым, прежде всего, относятся молодежь, безработные, лица с критически низким уровнем доходов, отдельные категории мигрантов. С учетом значительной дестабилизации внешнеполитической ситуации с февраля 2022 г. активировались дополнительные силы, заинтересованные в осложнении внутривнутриполитических процессов в Российской Федерации. Анализ совокупности указанных экономических и политических факторов преступности позволяет сделать вывод, что деструктивными силами будут предприниматься попытки спровоцировать расширение экстремистской деятельности в России, в частности в Южном федеральном округе, которые необходимо пресекать на ранних стадиях.

4. Санкционная политика других государств неизбежно повлечет трансформацию в российской экономике. В связи с этим основными факторами криминальных рисков представляются появление новых форм организованной преступности, расширение коррупционных возможностей и теневого сектора экономики, увеличение различного рода хищений и злоупотреблений. Однако с учетом новых реалий при грамотном построении уголовной политики, направленной, прежде всего, не на реагирование на уже свершившиеся факты преступной деятельности, а на профилактическую работу, можно избежать обозначенных рисков либо минимизировать их.

Наиболее актуальным направлением реализации уголовной политики на данный момент является противодействие угрозам антигосударственной преступности, риски возникновения которой обусловлены напряженностью международной политической ситуации, а также чрезвычайно нестабильной обстановкой на сопредельных территориях.

Для того чтобы рационально выстроить оптимальную уголовную политику, целью которой являются предупреждение и профилактика антигосударственной преступности, необходимо охарактеризовать модель, по которой она формируется. Понятие «антигосударственная преступность» в законодательстве не закреплено, однако такое словосочетание может использоваться для характеристики деятельности, направленной на подрыв основ конституционного строя, нарушение нормального функционирования различных государственных институтов, разрушение политической, военной и экономической безопасности.

Понятие «антигосударственная преступность» не соответствует содержанию гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», так как является более широким и собирательным. Для иллюстрации данного утверждения приведем несколько примеров.

Так, ст. 205 УК РФ «Террористический акт» находится в гл. 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Однако целью этого преступления является дестабилизация деятельности органов власти, т. е. в данном случае посягательство осуществляется именно на нормальное функционирование государственных институтов. Подтверждением изложенного

служит факт, что разрушение государственности зачастую происходит именно на фоне активной террористической деятельности.

Другим наглядным примером является ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Преступления, предусмотренные этой нормой, в 2008–2012 гг. буквально захлестнули некоторые субъекты Северо-Кавказского федерального округа (республики Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика), где эти деяния в структуре преступности составляли до 8%, в то время как в среднем по России фиксировалось их крайне незначительное количество (порядка 0,02%). Очевидно, что целью такой деятельности было расшатывание нормальной работы правоохранительных структур, демонстрация населению их бессилия, т. е. обозначенная проблема уже приобретала черты внутривнутриполитической проблемы региона.

Истинные цели антигосударственной преступности зачастую маскируются под благие намерения (например, борьбу за независимость, демократические преобразования, улучшение качества жизни и т. п.). На самом деле деструктивные элементы используют эти предлоги как прикрытие с целью втянуть в антигосударственную деятельность как можно больше граждан, чтобы они, сами не понимая того, способствовали решению их задач по изменению основ государственного строя либо вообще уничтожению государственности. Таких примеров можно привести достаточно много (от разрушения Югославии до так называемой арабской весны, а также событий в Украине). В некоторых случаях эти процессы были чрезвычайно сложными и болезненными, даже сопровождались фактической утратой государственности, гражданскими войнами и иностранными интервенциями.

Наиболее уязвимым звеном Российской Федерации является унаследованная от советской власти форма национально-государственного устройства, что само по себе закладывает конфликтность федеративных отношений¹. Потенциальными рисками при этом являются идеи этнической государственности, исключительного контроля государственных и экономических институтов представителями титульных наций, что при определенных

¹ Лесников Г.Ю. Указ. соч. С. 163.

условиях может спровоцировать проявления национализма, ксенофобии и конфликтные ситуации на межнациональной и межэтнической почве. В связи с этим приоритетным направлением реализации уголовной политики является деятельность по недопущению развития такого варианта событий.

В Южном федеральном округе в случае серьезных просчетов в сфере реализации уголовной политики эти риски достаточно высоки. В масштабах Российской Федерации они выше, пожалуй, лишь в Северо-Кавказском федеральном округе, который также является приграничным, имеет чрезвычайно важный геополитический статус, однако характеризуется очень разнообразным составом по этническим, конфессиональным признакам, что при определенных неблагоприятных условиях может быть использовано деструктивными силами, заинтересованными в дестабилизации политической обстановки в России.

Кроме того, основными проблемами этого региона являются большое количество преступлений террористического характера (более половины от общероссийского количества таких деяний совершается в Северо-Кавказском федеральном округе) и экстремистской направленности, незаконный оборот оружия и наркотиков (в отдельных субъектах удельный вес этих преступлений в несколько раз больше, чем в среднем по России). Воздействие данного фактора проявляется и в настоящее время (например, в Республике Калмыкия, граничащей с наиболее сложной в криминогенном плане Республикой Дагестан).

Таким образом, есть основания полагать, что в случае серьезного обострения политической ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе аналогичный сценарий вероятен в других регионах, в первую очередь граничащих с ним, к которым относится Южный федеральный округ.

Опрошенные эксперты не исключают и того, что дестабилизирующую роль в рассматриваемом направлении могут сыграть украинские радикалы. Несмотря на то что их экстремистская деятельность отличается от распространенной на Кавказе, они, будучи враждебно настроенными по отношению к России, способны пойти на любые ухищрения, вплоть до установления связей с бандподпольем, действующим в регионе.

С целью предотвращения просчетов в сфере реализации уголовной политики по предупреждению преступности антигосударственного характера, в том числе на региональном уровне, необходимо знать особенности методов, которые используют дестабилизирующие силы.

1. Деятельность по дискредитации органов государственной власти, которая может осуществляться самыми разными способами, прежде всего в рамках информационного противоборства.

2. Дестабилизация работы правоохранительных органов, поскольку именно они в первую очередь призваны обеспечивать безопасность граждан. Целью лиц, реализующих данное направление экстремистской деятельности, является внушение гражданам, что органы охраны правопорядка не справляются со своими функциями, не контролируют оперативную обстановку, введение населения в состояние беспомощности, страха и паники.

3. Совершение террористических актов и диверсий с целью запугивания граждан, показа им, что органы государственной власти не справляются с возложенными на них задачами по обеспечению безопасности населения, что также дискредитирует государственные институты. Кроме того, совершение терактов зачастую используется и для разжигания религиозной вражды. В данном случае речь идет о том, что обычные граждане иногда не разбираются в том, что радикальный и традиционный ислам – это совершенно разные явления, и совершенно необоснованно уравнивать их приверженцев, в результате чего у определенного контингента формируется ненависть к обычным мусульманам.

4. Провокация конфликтов по различным мотивам. При этом наибольшую опасность представляет стравливание между собой различных социальных групп, отличающихся по этническим и конфессиональным признакам, с использованием методов политического воздействия.

5. Взаимодействие с криминальными группировками как общеуголовной направленности (для общей дестабилизации криминогенной ситуации), так и с одиозными, т. е. террористическими и экстремистскими, организациями. Так, имеется информация о вербовке службами украинской разведки одного из скрывшихся от следствия участников хорошо известной «Кущев-

ской банды», действовавшей на территории Краснодарского края¹.

6. Использование социального недовольства и протестных настроений в своих интересах. Деструктивные силы зачастую вмешиваются в эти процессы, радикализируют их путем вовлечения в эту деятельность маргиналов, представителей криминалитета и экстремистов, провоцируют перерастание мирных протестов в массовые беспорядки и совершение преступлений.

7. Сотрудничество со спецслужбами других государств, имеющих недружественные намерения во внешнеполитических вопросах.

8. Деятельность в среде мигрантов, в том числе вынужденных (например, когда под видом беженцев и вынужденных переселенцев могут прибывать лица с криминальными целями и задачами, в том числе диверсионного характера). Кроме того, важно учитывать, что террористические и экстремистские организации опираются, прежде всего, на наименее социально защищенные слои населения, а мигранты, особенно находящиеся на нелегальном или полунелегальном положении, относятся к числу таковых.

9. Вербовка и подкуп лиц, допускающих вызывающее поведение, провоцирующих конфликтные ситуации между гражданами, столкновения взглядов и интересов по каким-либо признакам (например, политическим, национальным).

10. Использование в своей деятельности некоммерческих организаций.

¹ «Финансист» кушевской банды Цапков скрылся на Украине и был завербован СБУ // Кубанские новости. URL: <https://kubnews.ru/proisshestviya/2022/03/30/finansist-kushchevskoy-bandy-tsapkov-skrylsya-na-ukraine-i-byl-zaverbovan-sbu>

Глава 4. Меры по совершенствованию реализации уголовной политики в субъектах Южного федерального округа

Результаты анализа эффективности реализации уголовной политики в Южном федеральном округе показывают, что в регионе складывается достаточно сложная криминогенная ситуация. С одной стороны, общая криминологическая обстановка особой обеспокоенности не вызывает, так как основные показатели уровня, структуры и динамики преступности не имеют ярко выраженных негативных тенденции. С другой стороны, регион характеризуется высокой степенью криминогенных рисков, свойственных субъектам Южного федерального округа, особенно связанных со спецификой его геополитического статуса, что обуславливает определение криминогенной ситуации как потенциально уязвимой с точки зрения возможности ее ухудшения.

Одним из основополагающих принципов реализации уголовной политики является приоритет профилактики преступлений¹. Это означает, что основные усилия субъектов реализации уголовной политики Южного федерального округа должны быть направлены не только на реагирование на сложившуюся оперативную обстановку, но и на предотвращение развития криминальной ситуации в негативном направлении.

Традиционная доктрина профилактики преступлений и предупреждения преступности должна строиться с учетом двухуровневой системы, включающей в себя общесоциальный и специально-криминологический уровни. В криминально-предупредительной деятельности выделяют еще и третий, индивидуальный, уровень, направленный на конкретную ситуацию либо отдельно взятое лицо (группу лиц). Однако с учетом того что уголовная политика предусматривает воздействие на преступность как социальное явление, индивидуальный уровень в рамках настоящей работы не рассматривается.

Общесоциальный уровень профилактики и противодействия преступности связан с решением различных социальных, эконо-

¹ Лесников Г.Ю. Указ. соч. С. 16.

мических и политических проблем в жизни общества, что подразумевает воздействие на весь комплекс общественных отношений.

На первый взгляд мероприятия общесоциального уровня имеют весьма отдаленное отношение к деятельности по осуществлению уголовной политики. Так, субъекты ее реализации не обладают прямыми полномочиями на управление экономическими или политическими процессами. Однако именно социальные, экономические, политические процессы в государстве и обществе оказывают первостепенное влияние на формирование различных криминогенных явлений и процессов. В связи с этим учет данного фактора необходим для понимания природы явлений, связанных с преступностью, оказания содействия соответствующим общественным и государственным институтам в осуществлении возложенных на них функций.

Мероприятия общесоциального уровня можно подразделить на несколько групп. Первостепенными из них являются относящиеся к социально-экономической группе, направленной на локализацию криминогенных последствий экономических факторов преступности. Сюда включаются мероприятия по общему оздоровлению экономических отношений в регионе, повышению жизненного уровня граждан, защите наиболее уязвимых слоев населения. Для Южного федерального округа обозначенные вопросы являются особо актуальными с учетом указанных ранее негативных обстоятельств экономического характера, таких как относительно высокое, по сравнению с общероссийскими показателями, количество преступлений, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника дохода.

Второй группой мер, направленных на совершенствование реализации уголовной политики на региональном уровне, является политическая. В данном случае с учетом демографических особенностей региона можно вести речь о предупреждении и профилактике межнациональных, межэтнических и межрелигиозных конфликтов, которые вполне успешно могут быть использованы деструктивными силами для дестабилизации оперативной обстановки. Кроме того, важнейшее значение для Южного федерального округа имеет блокирование внешнеполитических угроз, что вытекает из особенностей геополитического статуса региона.

В третью группу включаются культурно-воспитательные мероприятия, направленные на формирование в обществе морально-нравственного сознания путем вытеснения негативных стандартов мышления. При этом приоритетными являются совершенствование правовой культуры и правового сознания населения, преодоление правового нигилизма.

Четвертую группу составляют мероприятия, направленные на совершенствование нормативного регулирования различных видов общественных отношений, преодоление межотраслевой разобщенности нормативных актов и устранение пробелов в законодательстве.

К пятой группе относятся организационно-управленческие меры, включающие в себя оптимизацию отношений между федеральным центром и субъектом, различные вопросы совершенствования организационно-управленческой деятельности.

Следующим уровнем повышения эффективности реализации уголовной политики является специально-криминологический. Его сущность заключается в целенаправленном воздействии на конкретные криминогенные факторы, связанные со спецификой состояния преступности в регионе. Как отмечалось, несмотря на общие позитивные тенденции, отмечаемые в криминологической обстановке Южного федерального округа, регион имеет ряд негативных характеристик, связанных с преступностью.

При этом основополагающими мероприятиями являются:

1. Комплекс мер по совершенствованию предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений по проблемным направлениям, обозначенным при оценке состояния структуры преступности.

2. Повышение качества научно-методического обеспечения деятельности органов охраны правопорядка, включая изучение и внедрение положительного и передового опыта. В связи с этим по причине осложнения международной политической обстановки, повышения уровня террористической угрозы, географической близости Южного федерального округа к регионам нестабильности выделяется комплекс вопросов, связанных с противодействием экстремистской деятельности. При этом основными направлениями, требующими приоритетного научного обеспечения в регионе, являются:

деятельность по взаимодействию субъектов реализации уголовной политики на различных уровнях: межведомственном (между различными правоохранительными и иными государственными органами) и межрегиональном (прежде всего это касается Северо-Кавказского федерального округа);

меры, связанные с совершенствованием кадрового обеспечения, повышением уровня профессиональной подготовки сотрудников различных министерств и ведомств, осуществляющих реализацию уголовной политики, решение вопросов собственной безопасности.

Целесообразно более подробно остановиться на направлениях уголовной политики, которые связаны с потенциальной преступной деятельностью, способной внести значительный вклад в криминальную напряженность региона.

Как отмечалось, благополучная оперативная обстановка в Южном федеральном округе в части противодействия терроризму и экстремизму, успешная реализация уголовной политики в данном направлении не дают повода для ослабления деятельности, а наоборот, обязывают продолжать работу по предупреждению преступлений террористического характера и экстремистской направленности. В данном случае речь идет не о реагировании на складывающуюся в настоящий момент оперативную обстановку, которая особого беспокойства не вызывает, а о тактико-стратегической деятельности субъектов реализации уголовной политики с целью недопущения развития криминогенной ситуации по неблагоприятному (пессимистическому) варианту.

Для выполнения данной задачи существует необходимость постоянного мониторинга политической ситуации не только в Южном федеральном округе, но и на сопредельных территориях (субъекты Российской Федерации, соседние государства).

Реализация уголовной политики в Южном федеральном округе по противодействию различным проявлениям терроризма и экстремизма в настоящее время строится по следующим направлениям:

1. Формирование законодательной и финансовой базы по вопросам предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

2. Разработка организационных и тактических мероприятий по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе использование и внедрение отечественного передового опыта, а также опыта других стран.

3. Совершенствование взаимодействия правоохранительных органов на межведомственном и межтерриториальном уровнях.

4. Профессиональное обучение сотрудников органов охраны правопорядка действиям при совершении террористических актов, а также в условиях угрозы их возникновения.

5. Разработка и проведение мероприятий по антитеррористической защищенности объектов, на которых вероятнее всего совершение террористических актов. Региональной особенностью Южного федерального округа выступает антитеррористическая защищенность курортной инфраструктуры Республики Крым, г. Севастополя и Краснодарского края. Кроме того, требуется принятие дополнительных мер по обеспечению защиты от возможных террористических актов объектов повышенной техногенной опасности.

6. Разработка комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение деятельности экстремистских формирований, которые могут маскироваться под видом политических или религиозных организаций.

7. Выявление международных связей и контактов, которые могут быть причастны к планированию экстремистской и террористической деятельности на территории Южного федерального округа.

8. Анализ причин возможного увеличения террористической активности, выявление мест нахождения потенциальных террористических группировок и их численности, прогнозирование возможности совершения террористических актов и диверсий с целью своевременного планирования мероприятий превентивного характера.

Немаловажное значение имеет своевременный обмен информацией, в том числе конфиденциального характера, между заинтересованными ведомствами по следующим вопросам:

1. Об организациях политической и религиозной направленности, выдвигающих лозунги экстремистского характера либо занимающихся противозаконной деятельностью.

2. О религиозных или политических организациях, имеющих какие-либо связи с экстремистскими организациями, функционирующими в других государствах, либо идеологически поддерживающих таковые.

3. Об участниках религиозных и политических организаций, которые уже привлекались к ответственности за деятельность, так или иначе связанную с какими-либо экстремистскими проявлениями.

4. О физических и юридических лицах, в том числе находящихся в других государствах, оказывающих идеологическую, информационную, материально-финансовую, техническую помощь действующим экстремистским формированиям.

5. О попытках проникновения на территорию Российской Федерации представителей экстремистских организаций, действующих на международном уровне либо связанных с транснациональными террористическими формированиями.

В связи с изложенным следует учитывать, что политическая или религиозная деятельность может являться прикрытием для осуществления целей экстремистской направленности.

Сбор, обработка и накопление информации об экстремистской деятельности предполагают анализ следующих сведений:

1. Организации, провозглашающие экстремистские методы осуществления своей деятельности.

2. Юридические и физические лица, причастные к финансированию таких организаций либо оказывающие им какую-либо другую поддержку.

3. Организации и лица, ранее участвовавшие в деятельности незаконных вооруженных формирований.

4. Комплекс сведений о вербовке и обучении наемников.

5. Незаконное перемещение оружия, боеприпасов, ядовитых и отравляющих веществ, а также оборудования, которое может быть использовано при создании биологического и химического оружия.

При выработке тактики и стратегии реализации уголовной политики по противодействию всевозможным проявлениям экстремизма немаловажной задачей является предотвращение формирования экстремистских идеологических установок на социально-психологическом уровне. Важно учитывать, что любые

идеологические убеждения, в том числе экстремистского толка, представляют собой соответствующую информацию, которую можно толковать в двух аспектах (ее передача и получение). Таким образом, работа в данном направлении осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, это противодействие передаче информации экстремистского характера, с другой – предотвращение формирования экстремистских убеждений, если такая информация все-таки поступила. С учетом изложенного деятельность по реализации уголовной политики, направленной на противодействие экстремистским проявлениям, следует классифицировать по следующим направлениям:

1. Комплекс мер, направленных на предотвращение изготовления и распространения материалов экстремистского характера на территории субъектов, входящих в Южный федеральный округ, в том числе осуществление мониторинга издательской деятельности. Важная роль отводится методам конфиденциальной работы, реализуемым соответствующими подразделениями органов охраны правопорядка. Следует также учитывать, что с учетом сложной международной политической обстановки в настоящее время имеется тенденция смены религиозных проявлений экстремизма политическими.

2. Пропагандистские мероприятия, направленные на дискредитацию идей экстремизма: формирование негативного общественного отношения к идеям экстремизма, разъяснение гражданам общественной опасности таких взглядов и соответствующих последствий. Необходимо информировать граждан о возможном использовании приемов манипуляции сознанием распространителями идей экстремизма, своего рода завуалированности приемов и способов их склонения к экстремистской деятельности, что наиболее характерно для политических форм экстремизма и антигосударственной деятельности.

3. Контроль за организацией коллективных собраний граждан, массовых мероприятий для возможного предотвращения экстремистской пропаганды. В особенности это касается мероприятий, которые в той или иной степени сочетаются с протестной активностью. В данном случае следует учитывать, что такие акции могут манипулятивно использоваться организаторами и распространителями экстремистских идей.

4. Профилактические мероприятия, направленные на выявление лиц, способных с более высокой степенью вероятности быть вовлеченными в экстремистскую деятельность. Прежде всего это молодежь, граждане с низким источником дохода либо вообще без такового, некоторые категории мигрантов.

5. Выявление лиц, пропагандирующих экстремистские взгляды, и привлечение их к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Очевидно, что провоцирующую роль в возникновении различных проявлений экстремизма способны сыграть конфликтные ситуации. С учетом того, что наибольшую опасность в современной России представляют идеи религиозного и политического экстремизма, отдельного внимания требуют конфликты религиозного и политического характера. В связи с этим необходимо осуществление систематического мониторинга межконфессиональных отношений в регионе для предотвращения таких конфликтов, а в случаях их возникновения – незамедлительного разрешения на ранних стадиях. С целью предотвращения распространения идей политического экстремизма важно осуществлять тщательное изучение уровня протестной активности населения, выявление лиц, способных вмешаться в такую деятельность для провоцирования экстремистских настроений.

Одним из направлений предупреждения различных проявлений экстремизма выступает недопущение в обществе социально-фобических настроений, так как именно они зачастую перерастают в экстремистскую деятельность. Важно также учитывать, что такие настроения вполне успешно могут использоваться деструктивными силами, в том числе внешнеполитическими, в противоправных целях. Не исключается и преднамеренное столкновение различных категорий граждан с учетом имеющихся потенциальных противоречий.

Критериев, на основании которых такие противоречия могут возникать, достаточно много, основными из них можно считать:

межнациональный и межэтнический фактор, что особенно важно с учетом специфики демографического состава Южного федерального округа;

принадлежность граждан к различным конфессиям;

различные политические взгляды, которые имеются в любом регионе;

миграционный фактор (возможные противоречия между местным населением и приезжими).

Характерной чертой преступлений, связанных с фобическими настроениями социального характера, является наличие мотива ненависти к той или иной социальной группе, столкновения каких-либо интересов. Такие преступления зачастую совершаются «по нарастающей», чем обусловлена повышенная степень их общественной опасности. Возникновение фобий в отношении какой-либо социальной группы начинается у относительно небольшой группы лиц, образующей активное ядро. Далее к ним присоединяются иные лица, вовлекающиеся в экстремистскую деятельность самопроизвольно.

В связи с этим в качестве одного из ключевых направлений реализации уголовной политики в регионе предполагается поддержание толерантности в обществе. При этом основные задачи должны быть сосредоточены на позитивном информационно-идеологическом воздействии на граждан, с высокой степенью вероятности способных стать как преступниками, так и потерпевшими от таких действий, с использованием возможностей виктимологической профилактики¹. Важную роль в подобных ситуациях играет хорошо организованная информационно-идеологическая пропаганда, которая, с одной стороны, должна быть четкой и целенаправленной, с другой – ненавязчивой (иначе она не будет восприниматься должным образом, вызывая отторжение у населения).

Индивидуальная профилактическая деятельность должна быть направлена, прежде всего, на предотвращение формирования криминального умысла у сторон, между которыми потенциально может возникнуть конфликтная ситуация. Эффективная реализация этой задачи возможна только при наличии у сотрудников органов охраны правопорядка специальных знаний о признаках социально-фобических проявлений.

Профилактическая деятельность в данном направлении особенно актуальна в местах значительного скопления людей

¹ Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: НОРМА, 2001. С. 104.

(например, при проведении массовых культурно-развлекательных мероприятий). Именно когда в каком-либо ограниченном пространстве собирается большое количество людей, увеличивается вероятность возникновения и реализации социально-фобических настроений. Если такая деятельность спланирована заранее, то организаторы используют так называемую «психологию толпы», учитывая закономерности ее формирования и развития. Сложность указанных ситуаций заключается в том, что граждане, вовлекаемые в такую деятельность, чаще всего не осознают истинных мотивов и целей организаторов.

Характеризуя меры по совершенствованию уголовной политики в Южном федеральном округе, нельзя не затронуть вопросы, связанные с модернизацией молодежной политики, которую следует рассматривать как антикриминогенное направление политики уголовной.

Прежде всего отметим, что в некоторых субъектах региона фиксируются негативные тенденции преступности несовершеннолетних.

В Волгоградской области удельный вес анализируемой категории преступлений значительно превышает как среднероссийские, так и общие региональные показатели (Волгоградская область – 5,1%; РФ – 3,7%; ЮФО – 3,4%). Здесь же выявлено значительное число рассматриваемой категории лиц, совершивших тяжкие преступления (Волгоградская область – 10,2%; РФ – 4,7%; ЮФО – 5,0%). В Республике Адыгея отмечены высокие показатели удельного веса несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления (Республика Адыгея – 8,3%; РФ – 4,0%; ЮФО – 3,0%).

Наблюдаются и другие негативные показатели молодежной преступности. В частности, доля преступлений, совершенных учащимися, в Волгоградской области составляет 4,7% при среднероссийском показателе 3,7%. Кроме того, в ряде субъектов Южного федерального округа отмечается повышенный структурный показатель по преступлениям с участием студентов. К таковым относятся Республика Адыгея (1,2%), г. Севастополь (1%), Астраханская область (0,7%). Аналогичный индикатор по России при этом равен 0,4%.

Очевидным является факт, что несовершеннолетние и другие представители молодежи, встав на путь совершения преступ-

лений в столь раннем возрасте, фактически являются резервом и потенциалом для «взрослой» преступности. Однако региональная особенность этой проблемы намного серьезнее. В данном случае мы исходим из возможного развития криминогенной ситуации по неблагоприятному варианту. Опыт сопредельного Северо-Кавказского региона, а также других государств, в которых происходила активизация экстремистской деятельности, показывает, что ее организаторы в первую очередь опираются именно на молодежную среду. При этом они с успехом используют психологическую незрелость лиц молодого возраста, недостаток у них жизненного опыта, стремление самоутвердиться, самореализоваться, приобрести самостоятельность, испытать новые острые ощущения.

Дополнительным фактором выступает экономический. Большинство молодых людей плохо обеспечены материально либо вообще финансово зависят от родителей, смутно представляют перспективы своего дальнейшего существования. Совокупность указанных обстоятельств делает молодежь очень уязвимой категорией населения для вовлечения в экстремистскую деятельность¹.

Для Южного федерального округа актуализация указанных проблем увеличивается с учетом следующих факторов:

перечисленная ранее совокупность причин и условий, свидетельствующих о более высоких, по сравнению с большинством других регионов, рисках развития экстремистской преступности;

указанные при характеристике факторного анализа экономические проблемы региона;

негативные характеристики молодежной преступности по некоторым обозначенным в работе показателям, что подтверждает повышенную степень общей криминализации рассматриваемого контингента населения.

Анализ причин и условий, способствующих криминализации молодежи в Южном федеральном округе, показывает, что первостепенную роль здесь играет фактор семейного неблагополучия, провоцирующий формирование психологической не-

¹ Гуськов А.Я. Экстремизм в России и его истоки // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. С. 130.

устойчивости у представителей более младшего поколения, что при определенных условиях может способствовать и формированию криминального поведения. Например, в некоторых субъектах Южного федерального округа наблюдается выраженная тенденция к увеличению числа разводов. Так, с 2010 по 2020 г. в Краснодарском крае количество заключенных браков снизилось с 44 870 до 33 808, а число разводов, наоборот, увеличилось с 23 341 до 25 688. Относительный показатель числа разводов на тысячу браков за 10 лет при этом возрос с 520 до 760¹.

Результаты опросов экспертов региона² показывают, что почти 40% семей в той или иной степени выраженности имеют признаки неблагополучия, а около 10% можно считать явно проблемными. При этом отмечаются такие негативные факторы, как пьянство, агрессивное поведение кого-либо из членов семьи с элементами насилия и жестокости, существенные финансово-материальные трудности, жилищно-бытовые проблемы, низкий уровень ответственности при осуществлении семейных функций.

Следующим криминогенным фактором, влияющим на молодежную преступность, выступают изъяны в системе образования. Данная проблема относится как к школьному, так и к среднему специальному и высшему образованию. По мнению экспертов, основными социальными проблемами в данном направлении являются недостаточное качество образовательных услуг, а также рост нагрузки на образовательные организации, что особенно характерно для Краснодарского края и Ростовской области.

На перечисленные выше факторы накладывается негативное информационное воздействие, к которому наиболее восприимчивы именно представители молодежи. С учетом имеющихся воспитательных и экономических проблем негативная информация способствует выработке таких качеств, как агрессивность, индивидуализм, нервозность, нетерпимость к определенным социальным группам (например, по национальному и религиозному при-

¹ Управление федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/brak.htm>

² Опрошены сотрудники органов внутренних дел Краснодарского края, Республики Адыгея и Ростовской области, занимающиеся вопросами, связанными с преступностью несовершеннолетних.

знакам), что приводит к искаженному восприятию культурных ценностей.

По нашему мнению, основные мероприятия в сфере молодежной политики, направленные на снижение уровня молодежной преступности и недопущение вовлечения граждан данной категории в особо опасные виды преступной деятельности, должны осуществляться на общесоциальном уровне криминологической профилактики и предупреждения преступности. Это и информационно-пропагандистская деятельность, направленная на выработку позитивного мышления, повышение уровня правовой культуры и правосознания, и решение экономических проблем лиц молодежного возраста, и многое другое. На специально-криминологическом и индивидуальном уровнях важна работа по совершенствованию конфиденциальных методов получения информации в молодежной среде, а также установлению лиц, склоняющих лиц молодежного возраста к участию в преступной деятельности, выявлению экстремистских настроений.

Особую значимость имеют мероприятия, проводимые среди молодежи, представители которой разделяют экстремистские взгляды. В данном случае важно обратить внимание на следующие группы факторов:

- конфиденциальная работа в образовательных организациях;
- выявление представителей молодежи, уязвимых для воздействия экстремистских взглядов и настроений;
- воздействие на конкретных лиц, у которых имеются признаки деформации личности с элементами экстремального поведения;
- соответствующая работа с гражданами, отправляющимися для обучения в другие государства, а также прибывающими оттуда.

Изучение особенностей детерминации преступности в Южном федеральном округе позволяет сделать вывод, что важным направлением повышения эффективности реализации уголовной политики в регионе является совершенствование системы профилактики преступлений.

Принятый в 2016 г. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» впервые на законодательном уровне закрепил «правовую и организационные основы системы профилактики правонарушений,

общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений»¹. Однако практика показывает, что система профилактики преступлений в регионе нуждается в модернизации.

Экспертами, так или иначе сталкивающимися с вопросами предупреждения преступности и профилактики преступлений, отмечается недостаточная активность общественных и иных негосударственных организаций, объединений в вопросах, связанных с предупреждением преступлений, вызванная пассивной гражданской позицией, неполным пониманием того, что осуществление силами одних только государственных институтов эффективной деятельности по противодействию преступности затруднительно. По мнению опрошенных, со стороны государственных структур требуется повышение уровня просветительской деятельности в части стимуляции общественности к профилактической работе.

В данном случае важно учесть взаимосвязь следующих факторов:

1. Субъекты реализации уголовной политики не обладают возможностями полноценно воздействовать на преступность общесоциального уровня (например, на социально-экономические процессы, воспитание граждан и т. п.), поскольку это не входит в их компетенцию.

2. Без эффективного решения общесоциальных проблем, какие бы усилия не прикладывали государственные структуры, реализация уголовной политики не будет достаточно результативной.

В связи с изложенным обозначим основные направления взаимодействия субъектов реализации уголовной политики, направленные на улучшение качества работы по предупреждению преступности и профилактике преступлений, на следующих уровнях:

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. С органами местного самоуправления:

выявление проблемных вопросов, возникающих в различных сферах жизнедеятельности общества, способных негативно повлиять на состояние преступности на территории региона, проведение совместных исследований по соответствующим вопросам;

совместные заседания рабочих групп и комиссий в сфере противодействия преступности;

содействие в техническом оснащении органам охраны правопорядка.

2. Со средствами массовой информации:

деятельность по взаимному обмену информацией, связанной с различными проявлениями преступности;

пропаганда антикриминального поведения;

дискредитация преступных групп;

информирование населения о текущем состоянии криминальной ситуации в регионе;

опровержение недостоверной и (или) недостаточно проверенной информации;

повышение уровня правовой грамотности граждан.

3. С образовательными организациями различного уровня:

обмен информацией об учащихся и студентах, склонных к проявлениям ненависти по каким-либо социальным признакам;

проведение профилактической работы в отношении таких лиц в зависимости от конкретных ситуаций;

разъяснительная работа о рисках и угрозах, связанных с возможным вовлечением в экстремистскую деятельность, контрпропаганда идей экстремизма;

повышение уровня правовой культуры молодежи.

4. С общественными организациями и объединениями:

мероприятия, направленные на предотвращение ксенофобии, повышение уровня толерантности в обществе, формирование идей терпимого отношения к представителям различных национальностей и вероисповедания;

консультирование по вопросам, связанным с влиянием тех или иных социальных факторов на преступность (например, обычаев и традиций этносов);

своевременное отслеживание возможных негативных изменений во взаимоотношениях между различными социальными

группами, в особенности по национально-этническим, конфессиональным признакам.

Следующим направлением совершенствования реализации уголовной политики на региональном уровне является расширение возможностей использования криминальной психологии¹ для профилактики преступности. При этом важно учитывать, что психологические аспекты совершения преступлений могут в значительной степени отличаться в зависимости от региона. В первую очередь это обусловлено спецификой местного менталитета, социально-демографическими характеристиками, обычаями и традициями народов и некоторыми другими факторами, что отражается на криминально-психологических особенностях детерминации преступности.

Актуальность данного направления реализации уголовной политики в регионе предопределяется, прежде всего, осложнением социально-психологической обстановки, спровоцированной соответствующими событиями международного масштаба. Ряд исследований, проведенных на территории субъектов, входящих в Южный федеральный округ, показал, что в обществе имеются тенденции к увеличению эмоциональной тревожности. Региональная специфика при этом обусловлена, прежде всего, географической близостью Южного федерального округа к очагам политической и военной нестабильности. В настоящее время эти процессы не являются высоко критическими, однако определенные сдвиги в этом направлении имеются.

Криминогенная роль социально-психологической нестабильности в обществе проявляется в двух аспектах. С одной стороны, это несколько увеличивает вероятность совершения так называемых ситуационных преступлений, когда лицо, в целом не имеющее выраженных криминальных установок, при определенных условиях может идти на совершение преступления. С другой стороны, у граждан увеличиваются опасения самим стать жертвами преступлений.

Кроме того, перспективным направлением криминальной психологии является изучение психологического портрета лица,

¹ Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. С. 163.

совершающего преступления террористического характера и экстремистской направленности. Данная проблема является хорошо изученной, однако с учетом появления новых угроз террористического характера, изменения методов и форм осуществления экстремистской деятельности это направление представляется весьма актуальным, требующим приоритетной научной разработки.

Заключение

Анализ эффективности реализации уголовной политики Российской Федерации в Южном федеральном округе показывает, что в настоящее время она осуществляется достаточно успешно. Тем не менее, с учетом сложной международной обстановки, а также комплекса внутренних проблем, характерных для современной России, существует ряд угроз, способных спровоцировать дестабилизацию криминогенной ситуации, что может потребовать изменения мер уголовно-политического реагирования на нее.

Поскольку эффективность реализации уголовной политики тесно связана с криминологической обстановкой, необходимо отметить, что состояние преступности в регионе в целом является стабильно устойчивым, значительным образом не отличающимся от общих тенденций, характерных для Российской Федерации. Тем не менее, по отдельным ее показателям имеются негативные характеристики.

Административно-территориальные образования региона можно условно разделить на две группы: так называемый «русскоязычный пояс» и субъекты, сформированные по национально-территориальному признаку. К первой относятся Краснодарский край, Астраханская, Ростовская и Волгоградская области, Республика Крым и г. Севастополь, ко второй – республики Адыгея и Калмыкия.

При этом первая группа субъектов Южного федерального округа больше тяготеет к общероссийским тенденциям и закономерностям, в них более актуализированными проблемами являются вопросы, связанные с общеуголовной преступностью. В республиках Адыгея и Калмыкия проявляются достаточно специфические криминогенные процессы, в меньшей степени характерные для других регионов России. В данном случае за счет уменьшения долевой численности общеуголовных преступлений, отчасти вызванной объективными факторами (например, низким уровнем урбанизации), на первый план выходят такие разновидности посягательств, как незаконный оборот оружия, коррупционная и экономическая преступность, тяжкие преступления против личности. Для всех без исключения субъектов Южного федерального округа особую роль играет экономический фактор в детер-

минации преступной деятельности граждан, о чем свидетельствуют показатели, связанные с преступностью лиц без постоянного источника дохода. Общая интегральная оценка состояния преступности по субъектам Южного федерального округа позволяет сделать вывод, что наиболее стабильной криминогенную ситуацию можно считать в Краснодарском крае, а наиболее сложной – в Республике Калмыкия.

Если рассматривать отдельные элементы состояния преступности, то региональные показатели, превышающие показатели федерального уровня, отмечаются по следующим направлениям:

- изнасилования (Астраханская область);
- мошенничество (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Адыгея, г. Севастополь);
- разбои (Волгоградская область);
- преступления экономической направленности (Республика Адыгея, Республика Калмыкия);
- преступления коррупционной направленности (Республика Адыгея, Республика Калмыкия);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (Астраханская область, Республика Крым, г. Севастополь);
- преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (Республика Адыгея, Республика Калмыкия);
- преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими преступления (Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Калмыкия);
- преступления, совершенные группой лиц (Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область);
- преступления с участием несовершеннолетних (Волгоградская область);
- преступность лиц без постоянного источника дохода (все субъекты Южного федерального округа).

Наиболее специфическими факторами, влияющими на осуществление уголовной политики в Южном федеральном округе, являются:

1. Особый геополитический статус региона (приграничный фактор, важнейшее военно-стратегическое положение, соседство с государствами, имеющими нестабильную политическую обста-

новку). Таким образом, в регионе роль внешнеполитических факторов преступности велика, и криминогенные риски, тесно с ними связанные, которые в настоящее время не проявляют себя либо являются незначительными, способны активизироваться в определенных условиях.

2. Ряд социально-экономических проблем, характерных для региона.

3. Высокий уровень миграции населения, процессы которой в настоящее время значительно активизировались в связи с политической нестабильностью в сопредельных государствах.

4. Многонациональный состав административно-территориальных образований.

5. Географическая близость к Северо-Кавказскому федеральному округу, где криминальная ситуация является достаточно сложной, в том числе с точки зрения ее потенциального ухудшения.

Перспективы дальнейшей реализации уголовной политики в Южном федеральном округе в целом представляются достаточно оптимистичными. Тем не менее, с определенной степенью вероятности можно предполагать развитие криминогенной ситуации по неблагоприятному варианту. Наибольшие опасения вызывает не столько возможный рост общеуголовной преступности, сколько угрозы распространения экстремистской деятельности, носящей антигосударственный характер. Кроме того, при серьезных просчетах в сфере реализации уголовной политики нельзя исключать рост коррупционной составляющей и дальнейшую криминализацию экономики региона.

Таким образом, с учетом современного состояния криминологической обстановки, а также сложной международной политической ситуации, криминогенных рисков, характерных как в целом для Российской Федерации, так и для Южного федерального округа, с целью недопущения развития криминогенной ситуации по неблагоприятному сценарию в качестве приоритетных направлений реализации уголовной политики на региональном уровне следует выделить следующие:

1. Предотвращение возникновения конфликтных ситуаций между различными социальными группами, прежде всего по национальному, религиозному и политическому признакам.

2. Предупреждение формирования различных проявлений экстремизма, прежде всего религиозной и политической его форм.

3. Выявление потенциальных очагов возникновения деструктивного развития социально-экономических и социально-политических процессов и социальной напряженности с точки зрения их воздействия на преступность.

4. Оценка увеличения роли внешнеполитических факторов преступности с учетом геополитического статуса Южного федерального округа, новых рисков и угроз.

5. Противодействие терроризму, который приобрел более опасные формы, характеризуется появлением новых деструктивных сил, заинтересованных в дестабилизации обстановки на территории Российской Федерации.

6. Осуществление комплекса мер, направленных на повышение контроля над миграционными процессами, предупреждение криминальных проявлений миграции, качества профилактической работы в среде мигрантов.

7. Усиление мер по обеспечению экономической безопасности в связи с появившимися рисками дальнейшего развития экономической преступности и коррупции в условиях мероприятий по модернизации экономики и адаптации ее к новым реалиям.

Литература

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ. Там же.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 23 сент. 2021 г.). Там же.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (ред. от 8 июня 2020 г.). Там же.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Там же.
6. О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»: указ Президента РФ от 19 янв. 2010 г. № 82 // Рос. газ. 2010. 21 янв.

Специальная литература

7. Акаева А.А. Проблемы латентности преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002.
8. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: НОРМА, 2001.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.
10. Алиев В.М. Изменения экономической преступности в современных условиях и их причины // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

11. Баранов А.В., Костенко Ю.В. Миграционная политика в Краснодарском крае: этнополитический аспект // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-v-krasnodarskom-krae-etnopoliticheskiy-aspekt>

12. Борчашвили И.Ш., Жуманизов М.А. Реализация уголовной политики // Безопасность личности и виктимологические аспекты предупреждения преступлений: материалы науч.-практ. конф. М.: ВНИИ МВД России, 2007. Ч. 2.

13. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999.

14. Бышевский Ю.Ю. Миграция как криминологическая проблема и ее специфика на Северном Кавказе: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005.

15. Бышевский Ю.Ю., Федоренко С.А. Преступность на Северном Кавказе: состояние и тенденции. Ставрополь: АГРУС, 2015.

16. Вьюнов Ю.И. Влияние миграционных процессов на преступность в Южном федеральном округе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

17. Герасимов С.И. Политика предупреждения преступности // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.

18. Голик Ю.В. Глобализация и преступность // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001.

19. Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006.

20. Гуськов А.Я. Экстремизм в России и его истоки // Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010.

21. Демин И.В. Угрозы общественной опасности России на современном этапе // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в особых условиях: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2008.

22. Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
23. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
24. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
25. Исмаилов И.А. Преступность и уголовная политика (актуальные проблемы организации борьбы с преступностью). Баку, 1990.
26. Кардашова И.Б. К вопросу о понятии угрозы национальной безопасности Российской Федерации и оценке ее уровня // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в особых условиях: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2007.
27. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992.
28. Клейменов М.П. Понятие уголовно-правовой политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4(21).
29. Клейменов М.П., Свиридов В.С. Криминальное перемещение людей и миграция // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.
30. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008.
31. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005.
32. Лесников Г.Ю. Проблемы реализации уголовной политики. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2005.
33. Магомедов Э.Б. Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020.
34. Метелев С.Е. Криминальная миграция: характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996.
35. Немытина М.В. Регулирование миграционных процессов в России: соотношение политики и права // Миграция в Рос-

сии (проблемы правового обеспечения): сб. науч. ст. / под ред. М.В. Немытиной. Саратов: СЮИ МВД России, 2001.

36. Паненков А.А. Некоторые направления совершенствования деятельности правоохранительных органов по борьбе с терроризмом // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.

37. «Повернуть Кубань!» Зачем политики Украины возвращают то, чем не владели // Аргументы и факты. Федеральный АИФ. 2019. 28 окт.

38. Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз / К.В. Вишневецкий, Н.Ш. Козаев, А.А. Аведян и др. / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019.

39. Проблемы вынужденной миграции в Южном регионе России. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2001.

40. Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003.

41. Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Общетеоретические проблемы криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 20. М., 1974.

42. Свиридов В.С. Криминальное перемещение людей: характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

43. Сорокин А.Б. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сельской местности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.

44. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник / под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М.: Экзамен, 2007.

45. Статистическая картина изменения общей распространенности преступности в 2000–2003 годах и оценки экспертов // Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.

46. Стахов Я.Г. Современная уголовная политика и совершенствование взаимодействия правоохранительных органов субъектов Российской Федерации при ее реализации. М., 2003.

47. Сундиев И.Ю. Молодежная преступность в России XXI века: особенности, тенденции и их учет в предупредительной деятельности // Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2005.

48. Сундиев И.Ю., Серый Ф.Г. Мотивация преступного поведения участников террористических и экстремистских организаций, истоки формирования таких организаций // Криминальное насилие: общие проблемы и опыт борьбы в Республике Саха (Якутия) / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.

49. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учеб. / под ред. Л.И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2003.

50. Хомутов М.В. Виды общественных объединений, участвующих в профилактике правонарушений, и проблемы их взаимодействия с органами внутренних дел // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.А. Сосова. Новороссийск, 2017.

51. Шуклина Е.А. Особенности преступности в сельской местности и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

52. Экономика и преступность: диалектика взаимной обусловленности // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, 2005.

Интернет-источники

53. В Крыму и на Кубани ввели высокий уровень террористической угрозы. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/04/2022/625452989a7947eac992b432>

54. ИГИЛ взяла на себя ответственность за нападение на Росгвардию в Астрахани. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e64fb29a7947642f8ebfaf>

55. Куда? На юга. Экспертная оценка и прогноз демографической ситуации в Южном федеральном округе // Аргументы недели. URL: <https://argumenti.ru/society/2020/08/681654>

56. Миграция в России, предварительные итоги 2020 г. // Демоскоп. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0927/index.php>

57. На Украине заявили о начале «возвращения» Кубани // РИА-новости. URL: <https://ria.ru/20211226/kuban-1765510044.html>

58. Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/publicopinion>

59. Полицейского в Краснодарском крае осудили за «закладки» // Новые известия. URL: <https://kuban.newizv.ru/news/incident/17-12-2021/politseyskogo-v-krasnodarskom-krae-osudili-za-zakladki>

60. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/prognoz-dolgosrochnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-rossiiskoi-federatsii-a/prognoz/13/13.2/iuzhnyi-federalnyi-okrug>

61. Рейтинг регионов по доходам населения – 2021 // РИА-рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html>

62. Рейтинг российских регионов по уровню безработицы // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210315/bezrobotitsa-1601181760.html>

63. Савва М.В. Миграция в Южном федеральном округе. URL: <https://pandia.ru/text/78/271/9935.php>

64. СК возбудил дело после теракта ВСУ в Белгородской области // Информационное агентство «Lenta.ru». URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/02/delo>

65. Управление федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/brak.htm>

66. «Финансист» кущевской банды Цапков скрылся на Украине и был завербован СБУ // Кубанские новости. URL: <https://kubnews.ru/proisshestviya/2022/03/30/finansist-kushchevskoy-bandy-tsapkov-skrylsya-na-ukraine-i-byl-zaverbovan-sbu>

67. ФСБ предотвратило теракт на железной дороге в Крыму. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bb448591>

Глоссарий (словарь специфических терминов)

Антигосударственная преступность – преступная деятельность, направленная на подрыв конституционного строя, дестабилизацию внутривластных институтов и экономической безопасности государства.

Виктимологическая профилактика – система мер, направленных на минимизацию факторов, способствующих определенным лицам стать жертвами преступлений.

Виктимологический риск – повышенная степень опасности какого-либо лица либо группы лиц, объединенной по каким-либо схожим социальным критериям, стать жертвами преступных посягательств.

«Импорт» преступности – см. «криминальная миграция».

Динамика преступности общая – изменение общего количества зарегистрированных преступлений во времени. Может применяться, в том числе, при анализе количества предварительно расследованных (раскрытых) преступлений, а также числа лиц, установленных за совершение преступлений.

Динамика преступности специальная – изменение количества зарегистрированных преступлений применительно к конкретным видам посягательств либо группам преступности, объединенным по каким-либо схожим уголовно-правовым либо криминологическим признакам. Может применяться при анализе определенного контингента лиц, совершивших преступления (несовершеннолетние, ранее судимые, безработные и т. п.).

«Кавказский след». Данное словосочетание чаще всего означает, что какое-либо преступление, в основном террористического характера или (и) экстремистской направленности, совершаемое на территории России, не относящейся к Северо-Кавказскому региону, имеет какую-либо связь (организация, пособничество, исполнение) с экстремистскими формированиями, дислоцирующимися в северокавказских республиках, либо осуществляется в их интересах. В настоящее время такие преступления являются редкостью, однако «кавказский след» достаточно

часто имел место при совершении террористических актов в 1990-х – начале 2000-х гг.

Криминальная миграция – перемещение лиц из одного региона в другой (субъект государства, государство) с целью совершения преступлений либо «импорт» криминальных технологий.

Криминогенный риск – повышенная степень опасности какого-либо лица либо группы лиц, объединенной по каким-либо социальным критериям, стать участником совершения преступления. Может применяться также по отношению к регионам, обладающим специфическими факторами, детерминирующими совершение преступлений.

Латентная преступность (латентная среда преступности) – совокупность преступлений, по каким-либо причинам не попавших в официальную статистическую отчетность. Сюда включаются уголовно наказуемые деяния, укрытые от учета в результате нарушений учетно-регистрационной дисциплины либо статистических манипуляций с целью улучшения показателей (укрытая преступность), либо преступления, о совершении которых не было известно правоохранительным органам (например, если потерпевший не заявлял о совершении на него посягательства).

Региональные особенности преступности – специфические количественно-качественные характеристики преступности, а также механизмы ее детерминации, присущие федеральному округу, отличающиеся от других регионов Российской Федерации.

Социально-криминологические признаки преступности – дифференциация преступлений по критериям специфических особенностей лиц, их совершивших (мужчины и женщины, несовершеннолетние, лица без постоянного источника дохода и т. п.).

Структура преступности – соотношение различных видов преступлений либо групп преступности, объединенных по каким-либо уголовно-правовым или криминологическим признакам.

Субъекты уголовной политики – государственные органы и их должностные лица, участвующие в разработке программ по борьбе с преступностью и их реализации.

Уровень (интенсивность, коэффициент) преступности – относительный показатель, учитывающий количество зарегистрированных преступлений в каком-либо административно-

территориальном образовании (государство, субъект) в зависимости от количества проживающего на его территории населения.

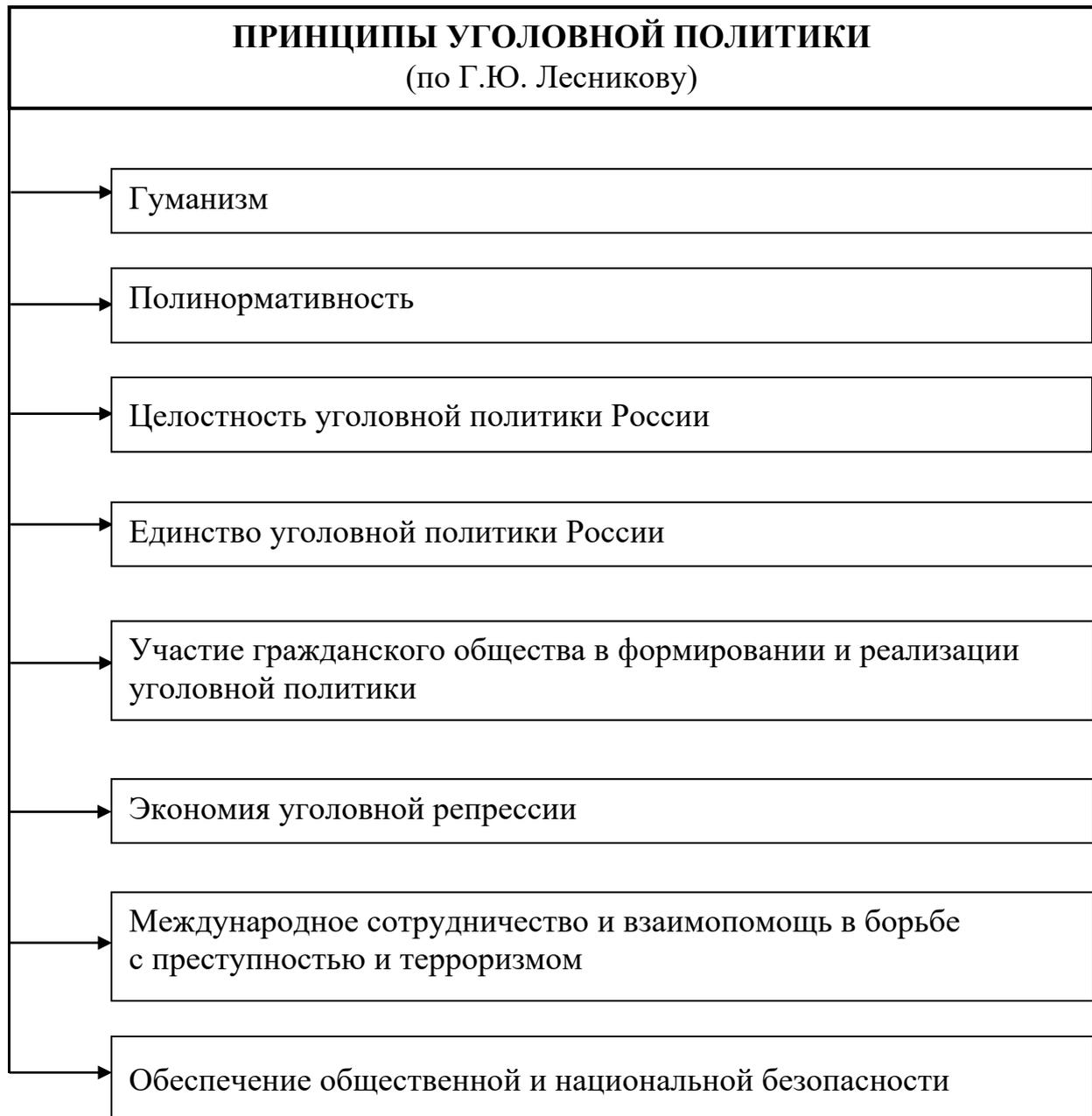
Фоновые явления преступности – какие-либо явления, процессы, события в жизни общества, которые непосредственными причинами и условиями совершения преступлений не являются, но тесно связаны с преступностью, предшествуют либо сопутствуют ей¹.

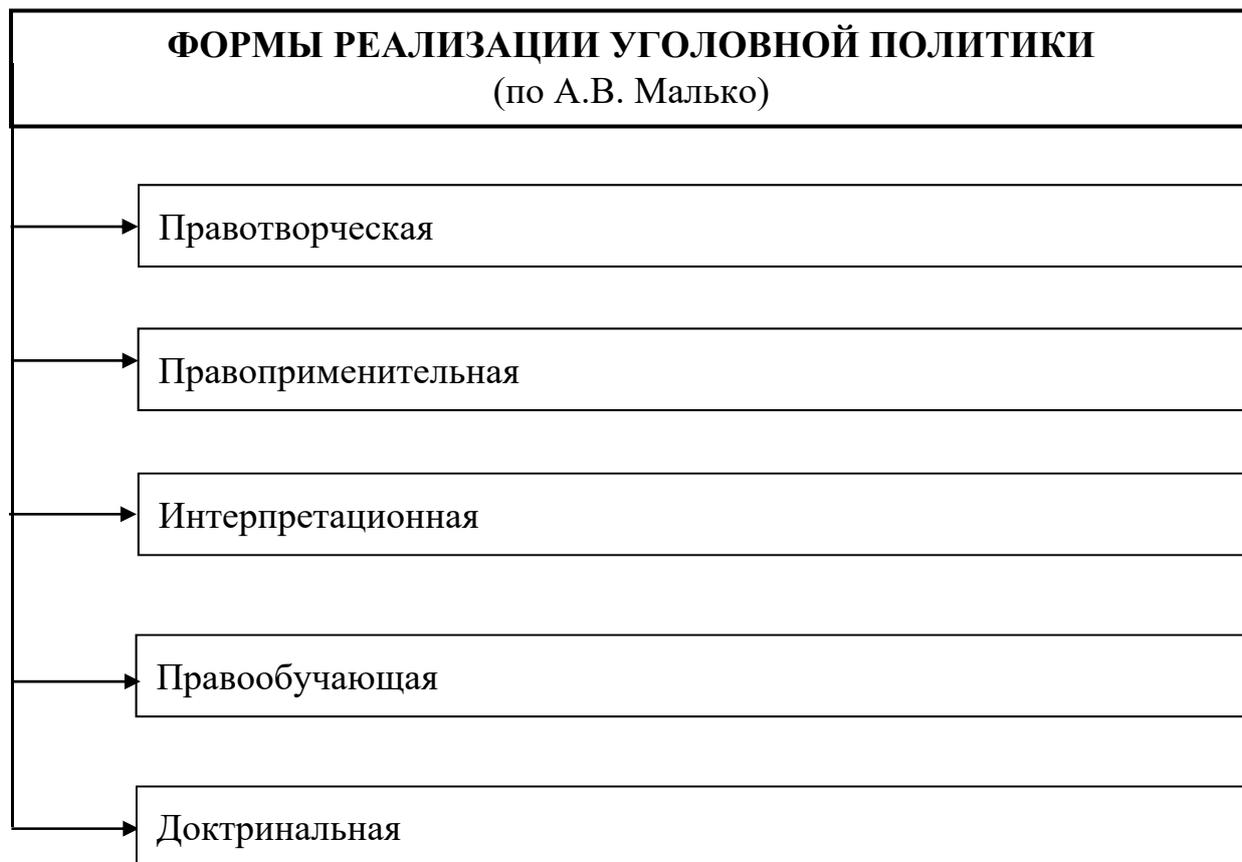
Южный регион – территория Российской Федерации до 2000 г., которая до 2010 г. входила в состав Южного федерального округа, а в настоящее время входит в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Юг России – см. «южный регион».

¹ Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Указ. соч. С. 18.

Унифицированная характеристика региональных особенностей состояния преступности по субъектам Южного федерального округа

Краснодарский край

Уровень преступности: несколько ниже среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция незначительного роста.

Структура преступности:

наибольший в регионе показатель мошенничеств;

наибольший в регионе показатель преступности лиц без постоянного источника дохода;

высокий удельный вес преступлений, совершенных группой лиц.

Астраханская область

Уровень преступности: несколько ниже среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция незначительного снижения.

Структура преступности:

наибольший в регионе показатель изнасилований;

высокий удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

высокий показатель криминальной повторности;

высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода;

высокий удельный вес преступлений, совершенных группой лиц.

Волгоградская область

Уровень преступности: выше среднероссийского, наибольший в Южном федеральном округе.

Динамика преступности: преобладает тенденция незначительного роста.

Структура преступности:

один из самых высоких в регионе показатель краж;
наибольший в регионе показатель разбоев, значительно превышающий как аналогичные общероссийские, так и среднерегionalные значения;
наибольший в регионе показатель преступности несовершеннолетних;
высокий показатель криминальной повторности;
высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода;
наибольший в регионе показатель преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения;
высокий удельный вес преступлений, совершенных группой лиц.

Ростовская область

Уровень преступности: выше среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция умеренного роста.

Структура преступности:

наибольший в регионе показатель краж;
высокий удельный вес мошенничества;
высокий показатель криминальной повторности;
высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода;
наибольший в регионе показатель преступлений, совершенных группой лиц.

Республика Адыгея

Уровень преступности: значительно ниже среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция незначительного роста.

Структура преступности:

высокий удельный вес мошенничества;
высокий удельный вес преступлений экономической направленности;
высокий удельный вес преступлений коррупционной направленности;

высокий удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия;

высокий удельный вес особо тяжких преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних;

высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода.

Республика Калмыкия

Уровень преступности: значительно ниже среднероссийского.

Динамика преступности: существенно не меняется.

Структура преступности:

наибольший в регионе показатель тяжких и особо тяжких преступлений;

наибольший в регионе показатель убийств;

наибольший в регионе показатель причинения тяжкого вреда здоровью;

наибольший в регионе показатель преступлений экономической направленности;

наибольший в регионе показатель преступлений коррупционной направленности;

наибольший в регионе показатель преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия;

наибольший в регионе показатель преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления;

высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода;

высокий показатель преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

Республика Крым

Уровень преступности: значительно ниже среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция роста.

Структура преступности:

высокий удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода.

г. Севастополь

Уровень преступности: несколько ниже среднероссийского.

Динамика преступности: преобладает тенденция роста.

Структура преступности:

высокий удельный вес мошенничества;

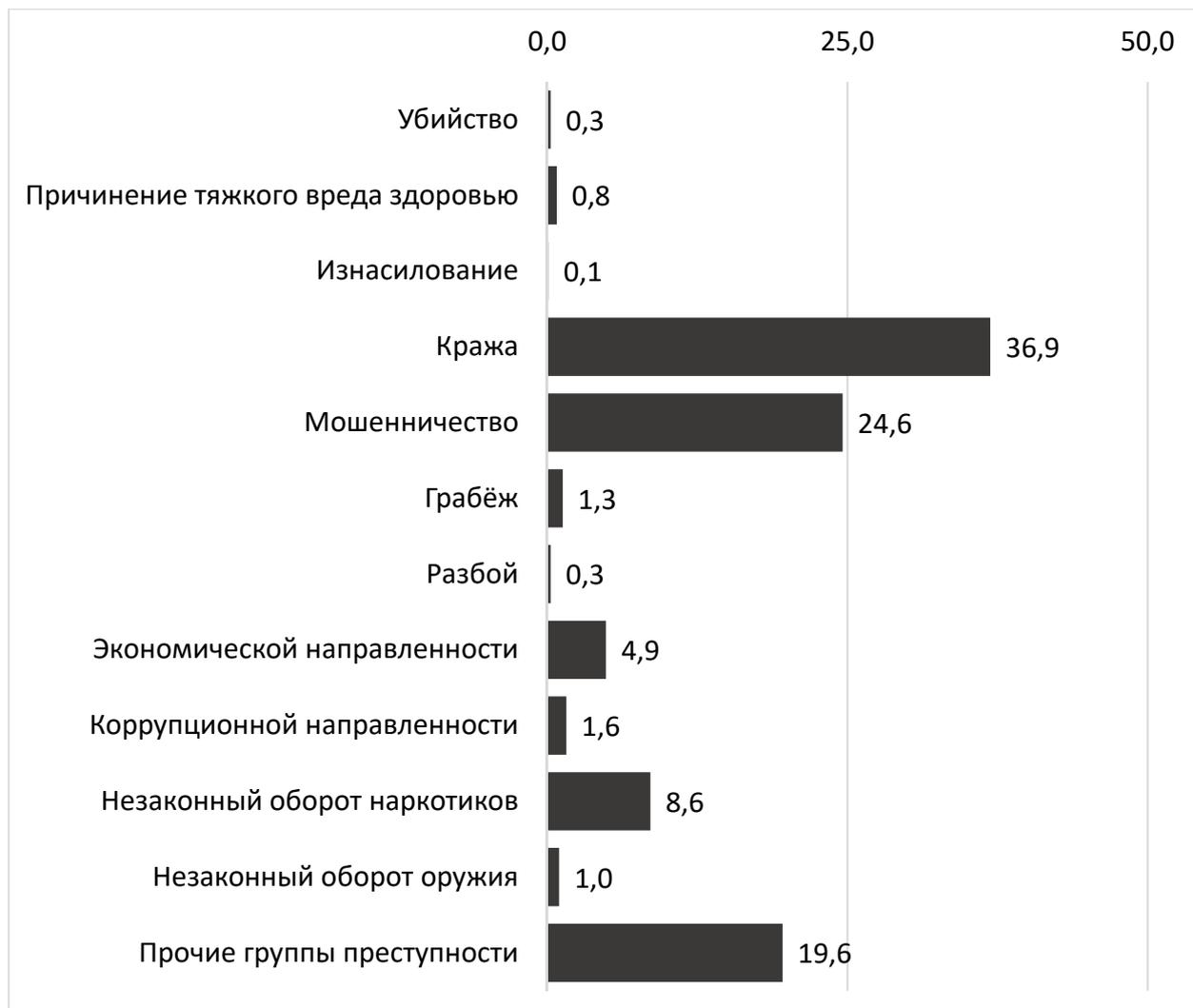
наибольший в регионе показатель преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

высокий показатель преступности лиц без постоянного источника дохода.

**Общее число зарегистрированных преступлений
(на 100 тыс. человек) по федеральным округам
Российской Федерации**

	2016	2017	2018	2019	2020
Центральный федеральный округ	1292	1180	1147	1157	1171
Северо-Западный федеральный округ	1434	1359	1320	1332	1449
Северо-Кавказский федеральный округ	760	714	712	765	751
Южный федеральный округ	1337	1301	1271	1334	1353
Приволжский федеральный округ	1366	1323	1288	1326	1353
Уральский федеральный округ	1669	1634	1557	1590	1544
Сибирский федеральный округ	1907	1817	1739	1744	1759
Дальневосточный федеральный округ	2127	2023	1897	1894	1848
Всего по России	1474	1402	1356	1379	1393

Структура преступности в Краснодарском крае

Структура преступности в Астраханской области

Структура преступности в Волгоградской области

Структура преступности в Ростовской области

Структура преступности в Республике Адыгея

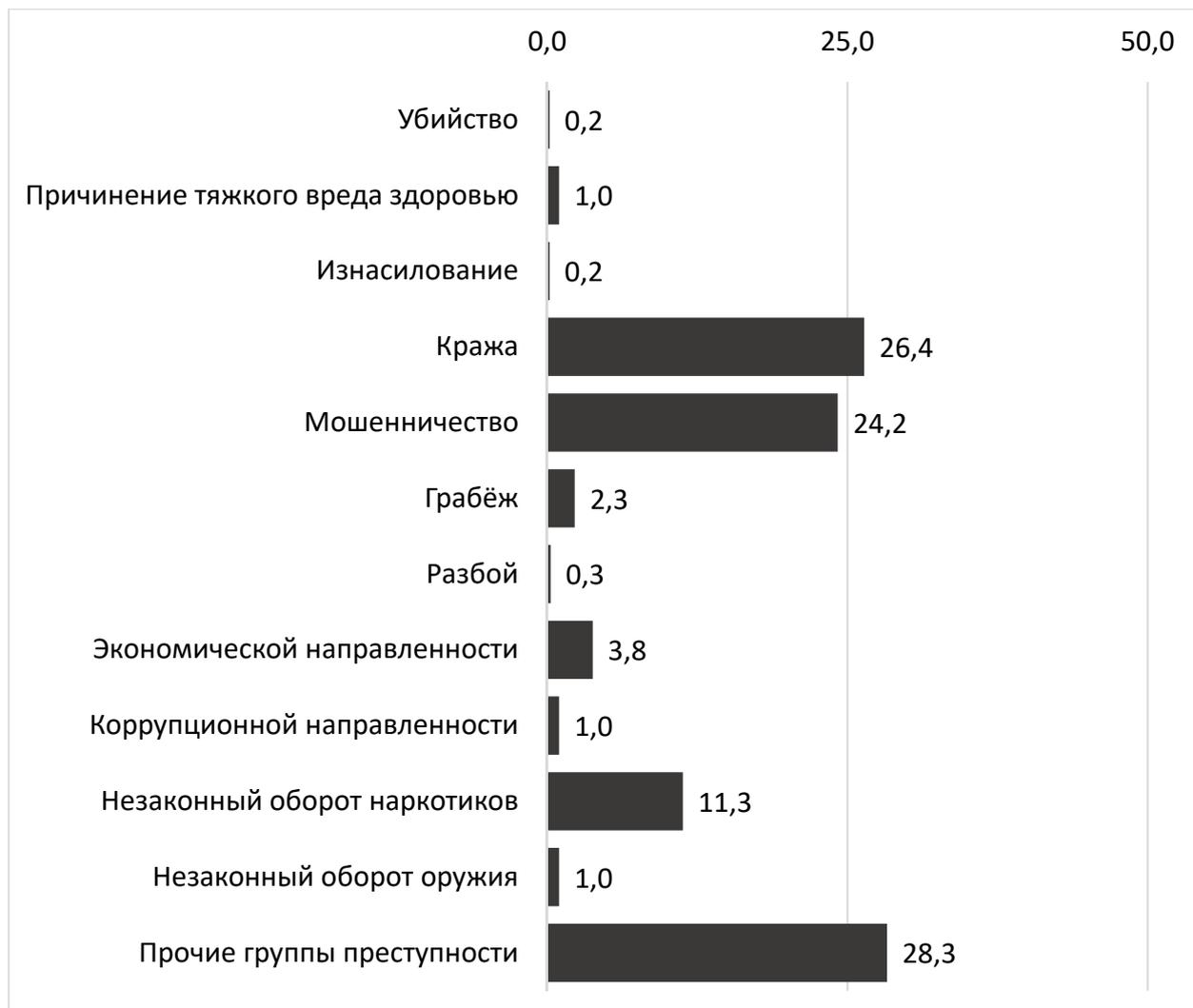
Структура преступности в Республике Калмыкия

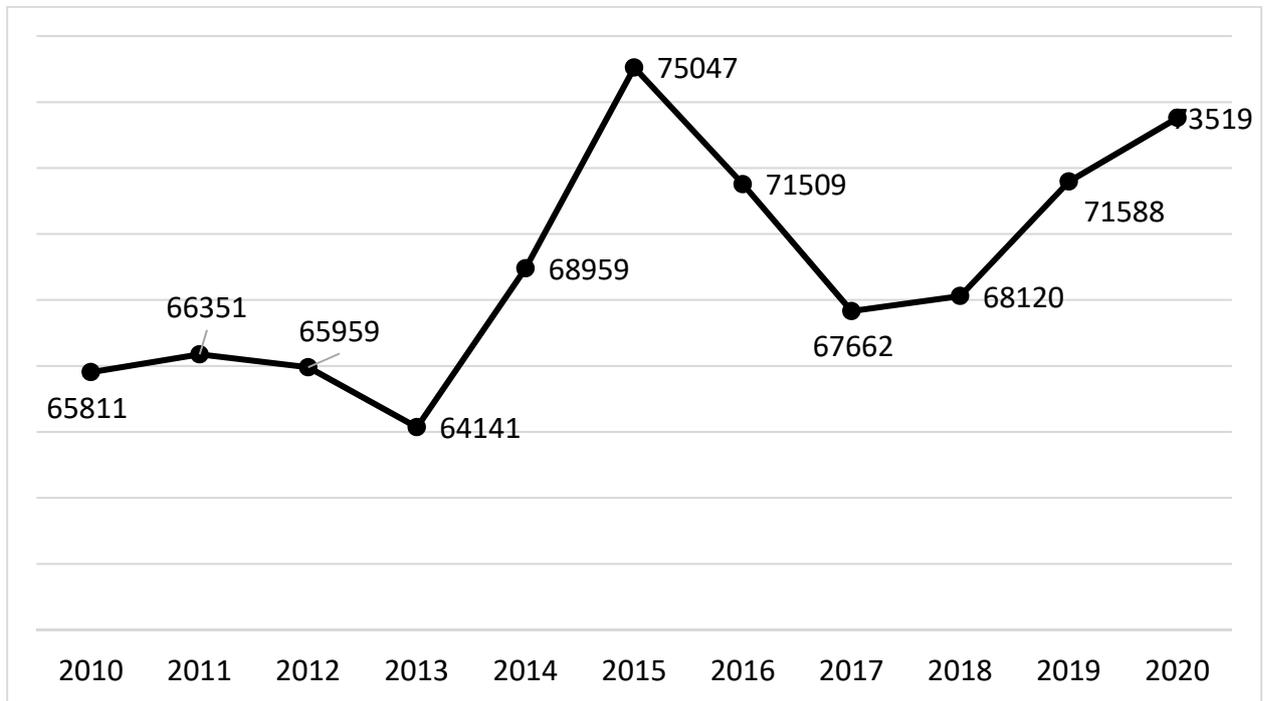
Структура преступности в Республике Крым

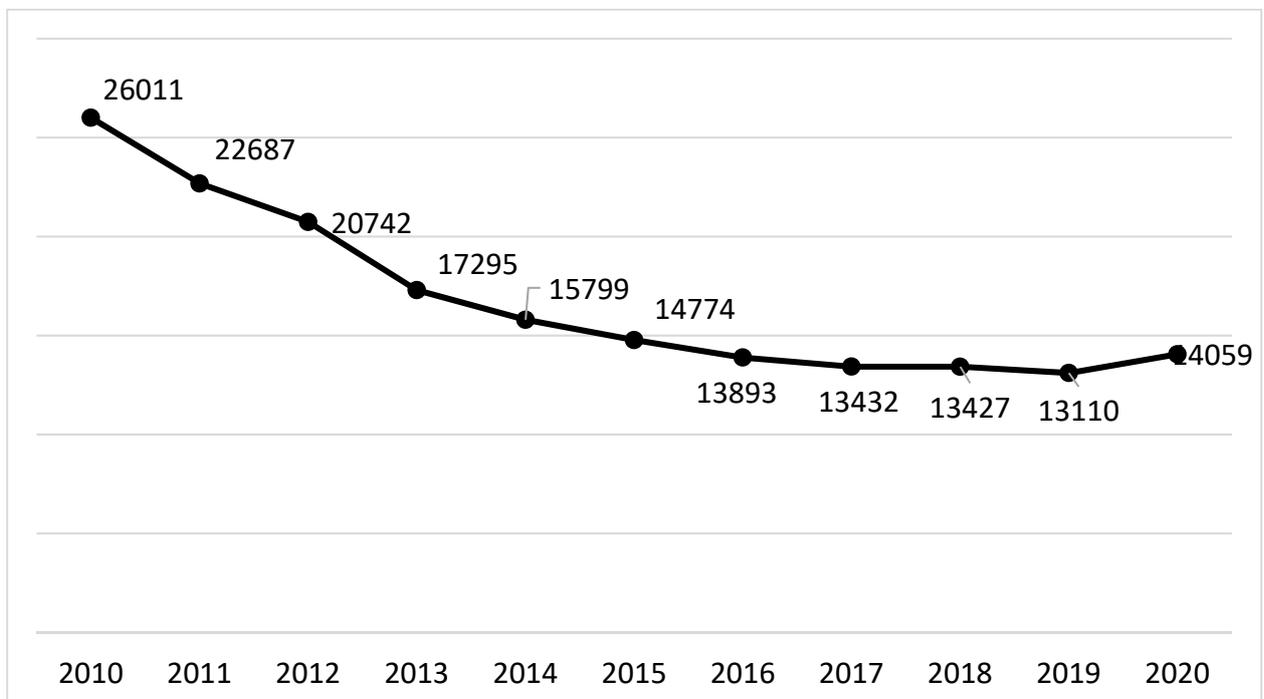
Структура преступности в г. Севастополе

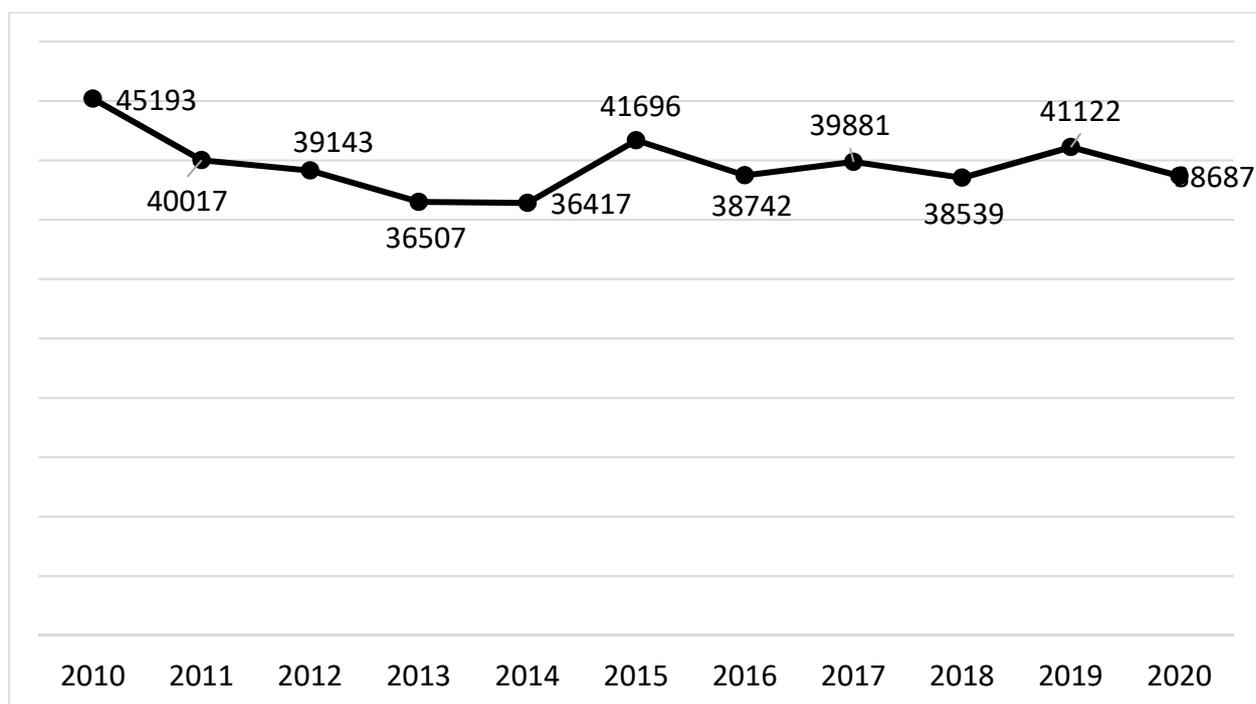
Динамика преступности в Краснодарском крае

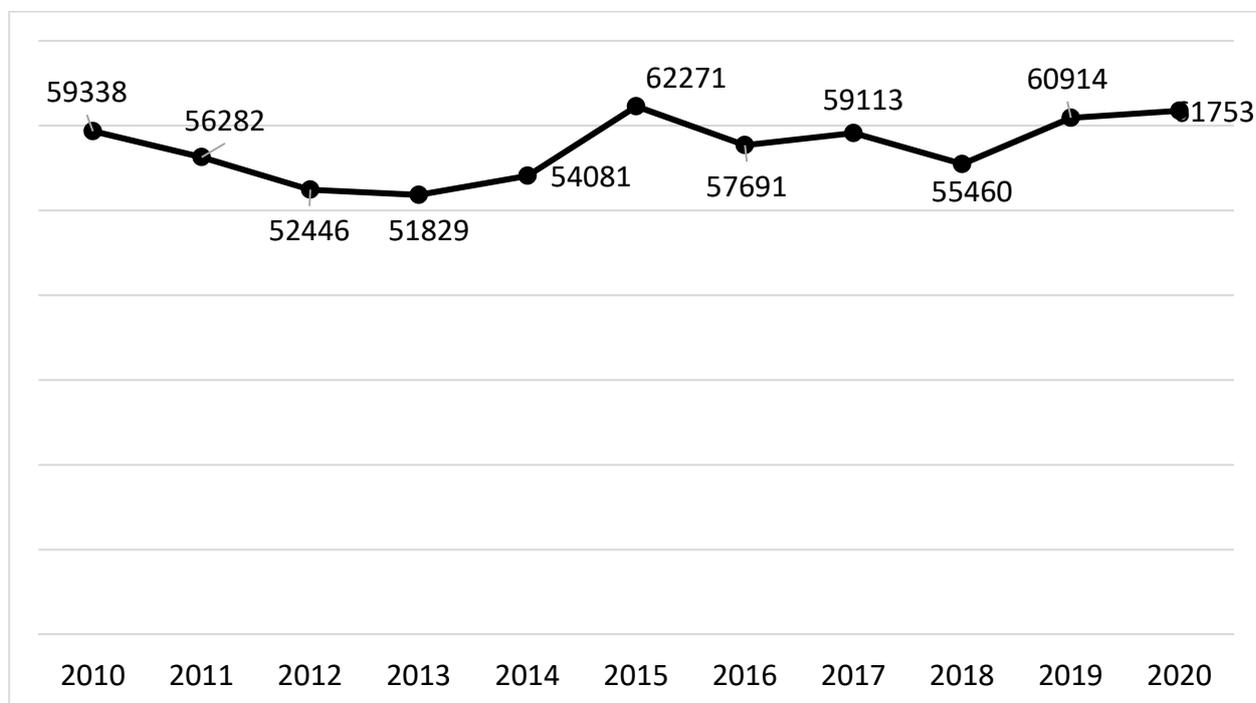
Динамика преступности в Астраханской области

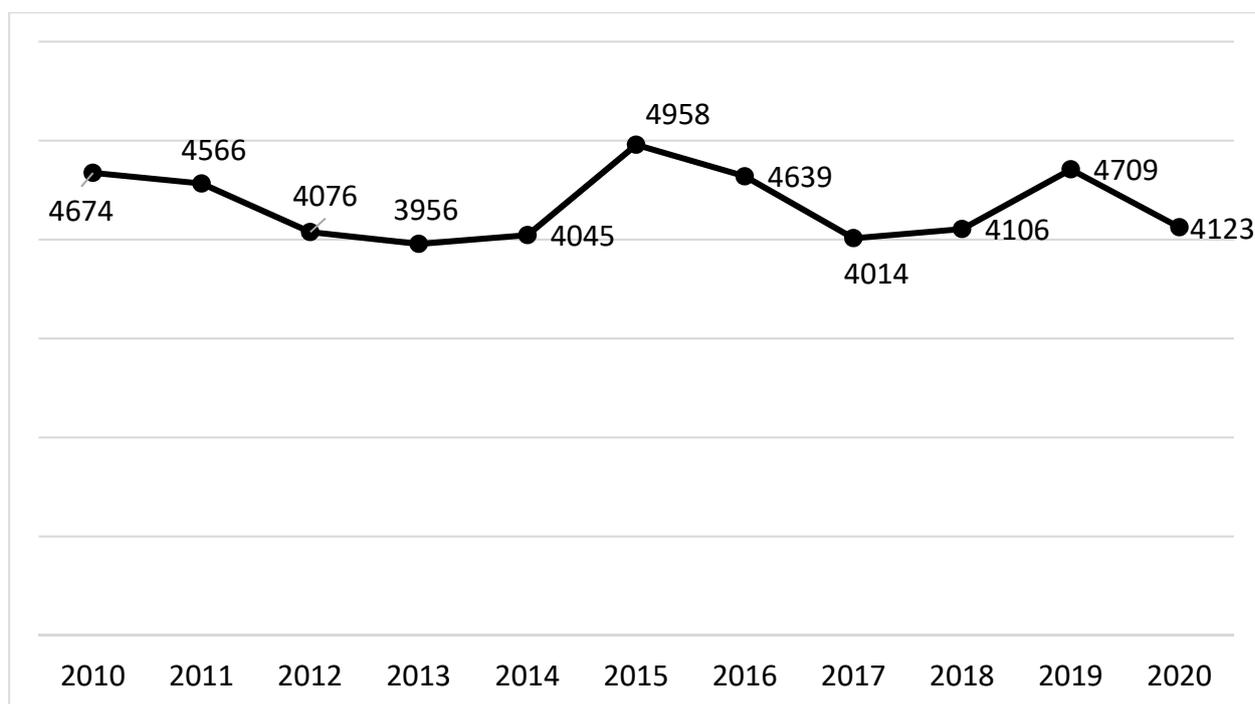
Динамика преступности в Волгоградской области

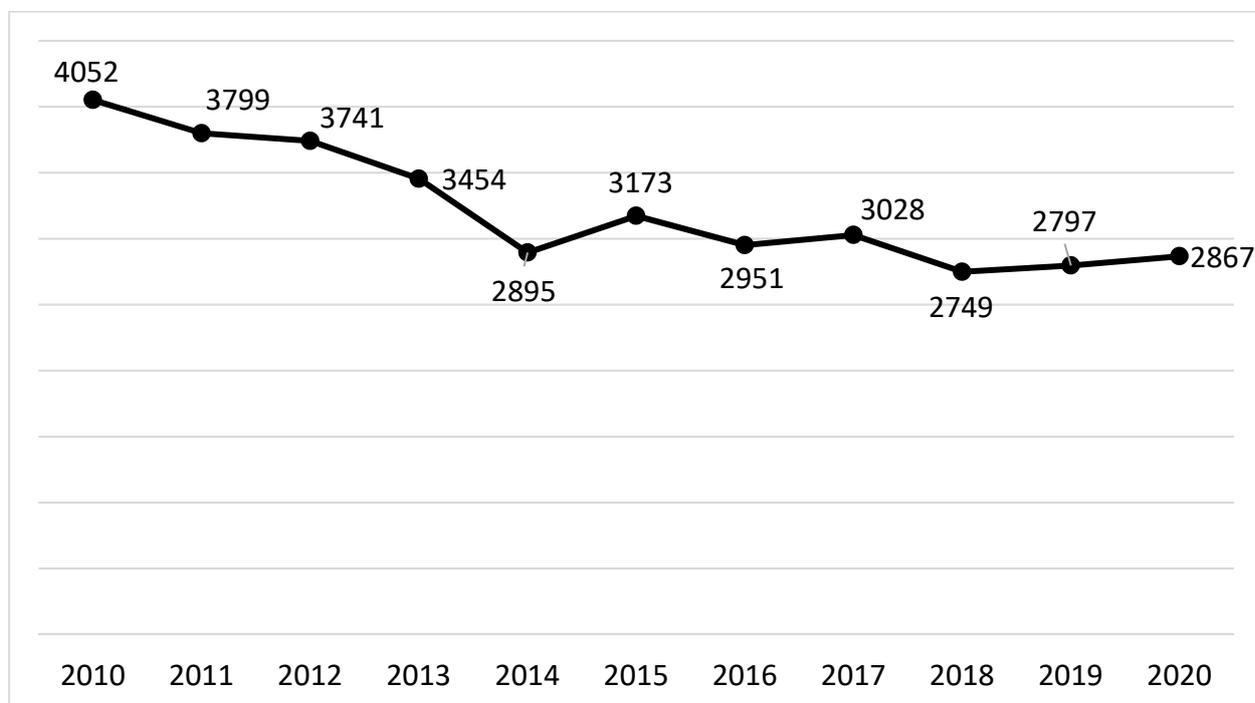
Динамика преступности в Ростовской области

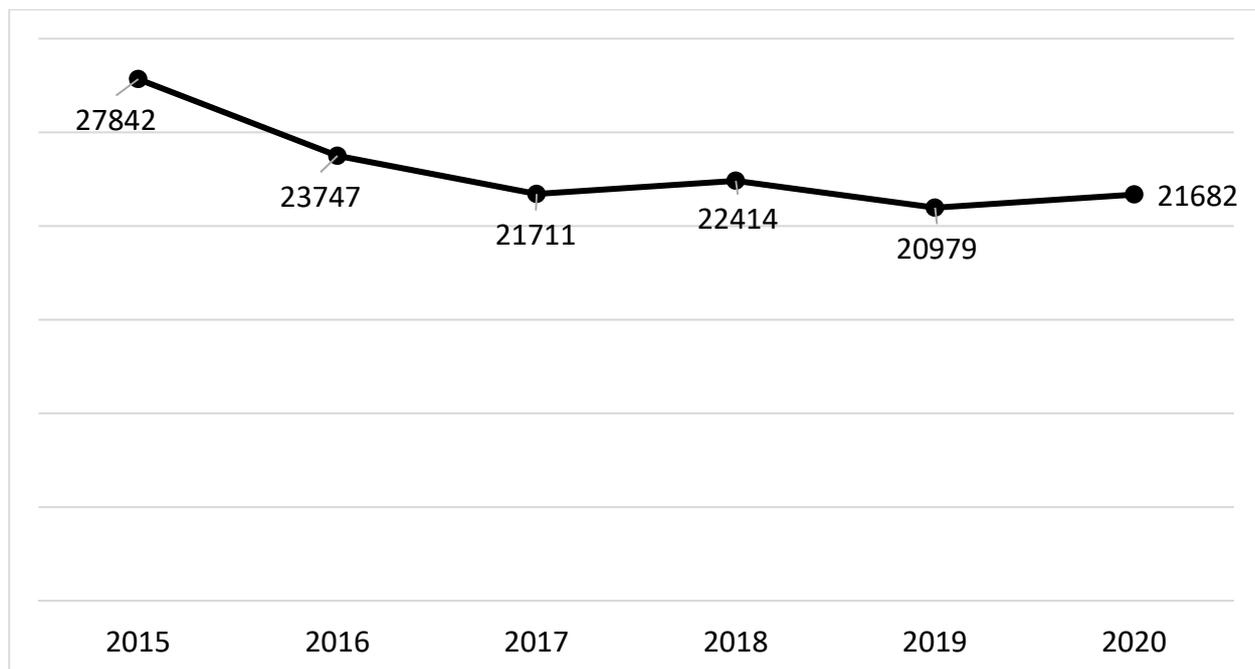
Динамика преступности в Республике Адыгея

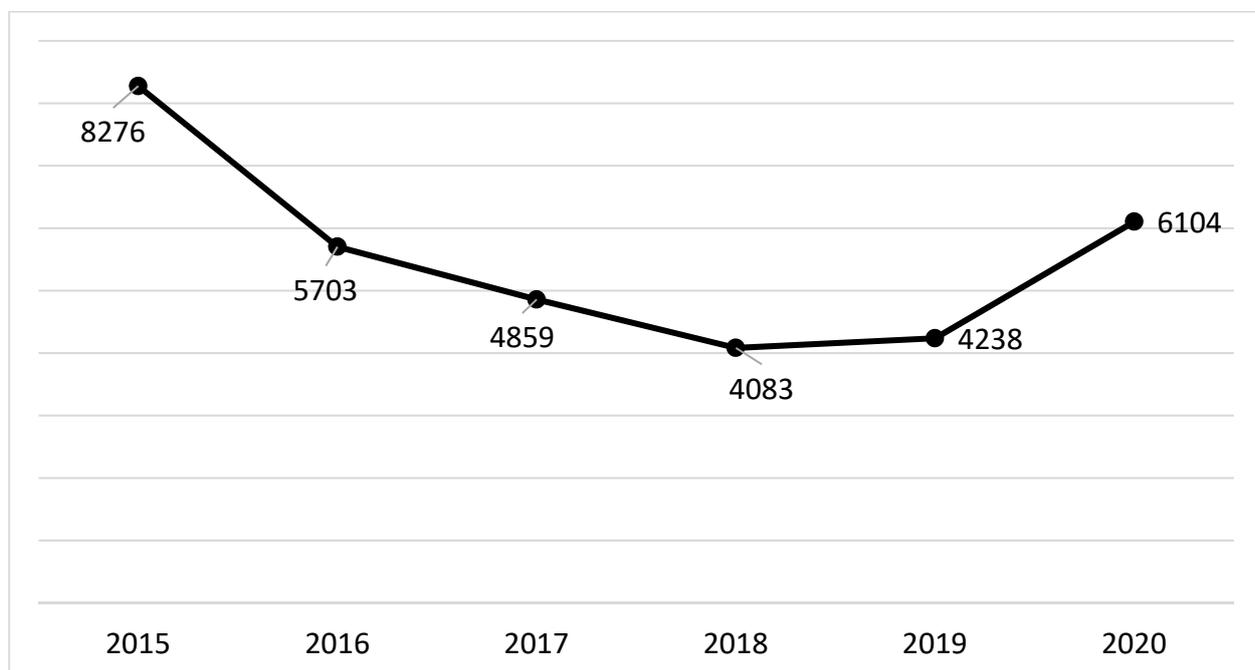
Динамика преступности в Республике Калмыкия

Динамика преступности в Республике Крым

Динамика преступности в г. Севастополе

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Оценка состояния криминальной ситуации на территории Южного федерального округа ...	9
1.1. Уровень преступности.....	9
1.2. Динамика преступности.....	16
1.3. Структура преступности.....	24
1.4. Социально-криминологические признаки преступности.....	50
Глава 2. Основные проблемы реализации уголовной политики в Южном федеральном округе	63
2.1. Исторические аспекты реализации уголовной политики регионального характера.....	63
2.2. Современные факторы, влияющие на реализацию уголовной политики в Южном федеральном округе.....	71
Глава 3. Перспективные направления развития уголовной политики Юга России	83
Глава 4. Меры по совершенствованию реализации уголовной политики в субъектах Южного федерального округа	102
Заключение	119
Литература	123
Приложения	130

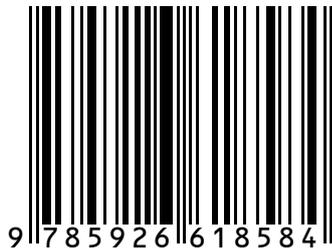
Научное издание

**Вишневецкий Кирилл Валерьевич
Козаев Нодар Шотаевич**

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Редактор *Э. В. Абрамкина*
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1858-4

Подписано в печать 15.07.2022. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,0. Тираж 300 экз. Заказ 18.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.